

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МГИМО МИД РОССИИ

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD

№1, 2026 (35)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии образования, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления Дипломатической академии МГИМО МИД России,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МГИМО МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия).

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор кафедры дипломатии Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Газизуллин Наиль Файзулхакович, доктор экономических наук., профессор, вице-президент Академии гуманитарных наук России, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Санкт-Петербург)

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры МЭО и внешнеэкономических связей Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова.

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета.

Комлева Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам. главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета.

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политической теории Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции.

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор, ИНИОН РАН.

Хасанова Асия Шамильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Москва).

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации.

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Head of the Department of Public Administration of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Honored Worker of Science of the Russian Federation.

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Science, Professor of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University.

Alexander Suglov, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation.

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation]

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Asiya Khasanova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science at the Plekhanov Russian University of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow).

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America.

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science).

Lidiya Grishaeva, Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Theory of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Nail Gazizullin, Doctor of Economics, Professor, Vice President of the Russian Academy of Humanities, Professor at the St. Petersburg State University of Economics, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan (St. Petersburg)

Nikolay Shulepov, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of Russia, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation.

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at Moscow State Linguistic University.

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations, Chief Researcher of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University.

Valentina Komleva, Doctor of Social Science, Professor, Editor-in-Chief of the journal "Russia: Society, Politics, History", Deputy Editor-in-Chief of the journal "Russia and the World: Scientific Dialogue", Director of the Center for International Strategic Studies of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Editor-in-Chief of the scientific and analytical journal "Observer", Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation.

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Diplomacy of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Leading Researcher at the Department of Anti-Corruption Methodology.

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается в Дипломатической академии МГИМО Министерства иностранных дел России.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

А.Ж. Мартиросян – редактор, к.юр.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н., редактор журнала Скопус (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.

И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.

А.Н. Захаров – младший редактор

С.В. Гончаров – младший редактор

И.И. Галимов – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published in the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

It is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Sciences), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science, Ph.D (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.J. Martirosyan – Editor, Ph.D. (Law)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), editor Scopus (Brazil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D (History)

I.V. Krasnevich – editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

I.I. Galimov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL № FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- В. Н. Добровольский** «Перспективы упрочения партнерства на многосторонних площадках восточной Евразии» 10
- А. М. Ногмов** «Террористические угрозы энергетической безопасности: уязвимость трубопроводного транспорта» 22
- А. В. Ротанёв** «Алжир – Альянс Государств Сахеля. перспективы взаимоотношений» 42
- О. А. Глубокая** «Европейские ценности как внешнеполитическая повестка» 53
- О. А. Овсянникова** «Стремление к переходу к многополярной, фрагментированной и конкурентной международной системе в стратегиях Китая, Индии, Бразилии и ведущих африканских стран «Глобального юга» 63

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Е. Н. Белов** «Цивилизационная теория Н.Я. Данилевского в свете современного кризиса отношений между Россией и Западом» 89
- А. В. Борисов** «Ловушка «третьей корзины»: специфика гуманитарного послания России в эпоху постгегемонии» 103
- С. Н. Суртаев** «Вызовы и ответы на управление информационными фейками в эпоху интеллектуальной коммуникации» 122

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- М. А. Сардарова** «ОАЭ и Катар в системе российских приоритетов на Ближнем Востоке: сравнительный анализ двусторонних отношений (2021-2026 гг.)» 133
- С. В. Гончаров** «Особенности российско-африканского сотрудничества: от кризиса к активизации контактов с 1990 по 2026 гг.» 144

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Ш. М. Алиев** «Правовой статус оговорок СССР к женеvским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны» 155
- М. С. Романов** «Генезис иммунитета должностных лиц в международном праве» 173

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- С. В. Мудрова, А. С. Тоганян** «Экономический анализ современных миграционных процессов» 182

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

- А. Ш. Хасанова** «К вопросу о теории барьеров, замедляющих развитие бизнес-моделей замкнутого цикла в России» 195

Трибуна молодых ученых

- В. В. Михейчик** «Цифровизация переговоров в Латинской Америке: культурно-коммуникационные стратегии» 210

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

221

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

V. N. Dobrovolsky “Prospects to Enhance Partnerships at Multilateral Fora in Eastern Eurasia”	10
A. M. Nogmov “Terrorist Threats to Energy Security: Vulnerability of Pipeline Transport”	22
A. V. Rotanyov “Algeria – Alliance of the Sahel States: Prospects for Relations”	42
O. A. Glubokaya “European Values as a Foreign Policy Agenda”	53
O. A. Ovsyannikova “Aspiration for a Multipolar, Fragmented, and Competitive International System in the Strategies of China, India, Brazil, and Leading African States of the Global South”	63

POLITICAL PROCESSES, INSTITUTIONS, AND TECHNOLOGIES

E. N. Belov “Civilizational Theory of N.Y. Danilevsky in Light of the Contemporary Crisis in Russia and the West Relations”	89
A. V. Borisov “‘Third Basket’ Trap: Specifics of Russia’s Humanitarian Message in the Era of Post-Hegemony”	103
S. N. Surtaev “Challenges and Responses to Managing Information Fakes in the Era of Intellectual Communication”	122

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

M. A. Sardarova “The UAE and Qatar in the System of Russian Priorities in the Middle East: Comparative Analysis of Bilateral Relations (2021–2026)”	133
S. V. Goncharov “Features of Russian–African Cooperation: Crisis and Intensification of Contacts (1990–2026)”	144

INTERNATIONAL LAW

Sh. M. Aliyev “Legal Status of the USSR’s Reservations to the Geneva Conventions of 12 August 1949 for the Protection of War Victims”	155
M. S. Romanov “The Genesis of Immunity of Officials in International Law”	173

WORLD ECONOMY

S. V. Mudrova, A. S. Toganyan “Analysis of Modern Migration Processes”	182
---	------------

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

A. Sh. Khasanova “On the Theory of Barriers Impeding the Development of Circular Economy Business Models in Russia”	195
--	------------

YOUNG SCIENTISTS’ TRIBUNE

V. V. Mikheyshik “Digitalisation of Negotiations in Latin America: Cultural and Communication Strategies”	210
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS

221

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Добровольский Василий Николаевич,
научный сотрудник ЦАМПИ МИИ МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса
e-mail: annadobcom@yahoo.com

Vasily N. Dobrovolsky
Research Fellow, Center of Contemporary International Problems,
IIS, MGIMO of the MFA of Russia
Minister Extraordinary and Plenipotentiary the First Rank
e-mail: annadobcom@yahoo.com

**ПЕРСПЕКТИВЫ УПРОЧЕНИЯ ПАРТНЕРСТВА НА
МНОГОСТОРОННИХ ПЛОЩАДКАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ**

**PROSPECTS TO ENHANCE PARTNERSHIPS AT MULTILATERAL
FORA IN EASTERN EURASIA**

Аннотация: работа на этом направлении тесно связана с задачей формирования евразийской системы безопасности и продвижения к Большому евразийскому партнерству на основе многополярности. Налицо совпадение интересов России и «азиатского большинства» в построении миропорядка на базе независимых цивилизационных приоритетов. Перспективными участниками этих процессов являются крупные диалоговые структуры Восточной Азии и АТР, а также представляющие новые центры развития субрегиональные и профильные площадки, с подключением членов СНГ и платформ зоны Индийского океана, при задействовании стабилизирующей «связки» Россия-Китай. Важным инструментом продвижения в этом русле видится агрегация интеграционных и диалоговых объединений через их сотрудничество в практических сферах с прицелом на формирование здесь «связующего контура» общерегионального взаимодействия.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, архитектура безопасности, геополитика, многополярность, Мировое большинство, интеграционные институты, трансграничное сотрудничество, кроссплатформенная агрегация.

Abstract: efforts in this area are closely linked to the task of forming a Eurasian security system and moving toward a Greater Eurasian Partnership based on multipolarity. There is a convergence of interests between Russia and the "Asian majority" in creating a world order based on independent civilizational priorities. Promising participants in these processes include major dialogue structures in East Asia and the Asia-Pacific, as well as subregional and specialized fora representing new development centers, with CIS members and Indian Ocean

platforms to be also involved, and the stabilizing Russia-China "link" engaged. An important tool for advancing this agenda can be found in the aggregation of associations promoting integration and dialogue, through their cooperation in practical areas, with a prospect to form a "connecting profile" of pan-regional interaction.

Keywords: Greater Eurasian partnership, security architecture, geopolitics, multipolarity, global majority, integration institutions, cross-border cooperation, cross-platform aggregation.

Введение

Созидательное партнерское взаимодействие на площадках восточной части евразийского континента составляет значимый дипломатический инструмент отвечающего российским интересам миростроительства на восточном направлении, весьма важном для продвижения к полицентричной парадигме развития. Это соответствует стратегическому выбору «поворота на Восток», основные параметры которого определены Концепцией внешней политики Российской Федерации.

Целеполагание видится, прежде всего, в контексте реализации российской идеи формирования единой и неделимой евразийской системы безопасности на основе многополярности, в сопряжении с реализацией инициативы строительства Большого евразийского партнерства. Как представляется, именно на этом следует сосредоточить усилия по консолидации интеграционных процессов с участием России и государств Мирового большинства, представленных на многосторонних региональных платформах Восточной Евразии, включающей обширные пространства азиатского материка и АТР.

Благоприятные геополитические предпосылки трансграничного сотрудничества

Под влиянием глобальных перемен геополитическая динамика в регионе характеризуется противостоянием двух трендов – с одной стороны, консолидации конструктивных сил на основе местных устоев политической культуры, с другой, конфронтации и блокостроительства, привносимых сюда

Западом. При этом наблюдается созвучие интересов России и «азиатского большинства» в построении в Восточной Евразии миропорядка на базе утвердившихся здесь цивилизационных приоритетов, во многом отвечающих и российской системе ценностей. Речь идет, прежде всего, о востребованности регионалами, особенно в континентальной части региона, объединительной мотивации с твердой ориентацией на внеблоковость и неприсоединение, а главное - на принципы инклюзивности, консенсуса и равноправия суверенитетов при выработке решений в духе баланса интересов. Даже выраженные «нейтралы» стремятся расширить горизонты регионального сотрудничества в подобном ключе, выстраивая прагматический внешнеполитический курс, не отягощенный западными установками. Соответственно, авторитетные отечественные эксперты отчетливо фиксируют близость таких неконфронтационных подходов российскому политическому и общественному менталитету [2].

При этом важно, что в Азии уже действует немало «центров притяжения» - институциональных структур взаимодействия, - которые выдержали тест на прочность, продемонстрировав пример соединения интересов государств с разными политическими и социально-экономическими укладами (примечательно, что на Западе такого опыта нет). По сути, в совокупности они уже как бы составляют «абрис», пусть первоначальный, общерегиональной интеграционной архитектуры — ведь, по большому счету, за вычетом группы западных «союзников и партнеров» в океанической части АТР, главную движущую силу региона составляют сегодня акторы «незападного мира», которые и образуют костяк наиболее деятельных интеграционных институтов. Представляется справедливым вывод политологов о том, что подобный путь развития на Востоке комплекса многосторонних диалоговых и интеграционных площадок с элементами универсальной легитимности может «служить моделью для других геополитических общностей, ищущих оптимальные пути самоорганизации и продвижения коллективных интересов в условиях многополярности» [2].

Помимо прочего, общий позитивный настрой «азиатского большинства» служит противовесом блоковой парадигме западников и их планам привнести в регион психологию конфронтации и «поисков врага» (в первую очередь, в лице Китая и России). Регионалы отторгают, по сути, все главные компоненты нацеленных на обеспечение западной доминанты «индо-тихоокеанских стратегий» – это раскол региональной жизни в духе идеи «порядка, основанного на правилах», предписание поддержки западных «контуров сдерживания», наконец, обструкционные и санкционные методы, чуждые местной традиции.

Основные коллективные участники партнерского взаимодействия с Россией

Приоритетное значение для России имеет, разумеется, работа на крупных площадках востока Евразии, способных послужить главными «несущими опорами» строительства сети общерегионального сотрудничества. Речь идет, прежде всего, о системообразующих институтах - ЕАЭС (в т.ч. представленном ЕЭК), ШОС. АСЕАН, углубляющих нацеленность на упрочение «восточного сегмента» евразийской архитектуры. При этом немалую «первопроходческую» роль играет сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Пояса и Пути». Важнейшим «фоновым» катализатором региональных процессов является деятельность БРИКС - как мощного и весьма успешного центра глобального управления, альтернативного прозападным группировкам.

Между указанными объединениями уже начала складываться практика договоренностей о сотрудничестве и взаимной поддержке: это, в частности, Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества, Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и секретариатом Шанхайской организации сотрудничества, Программа сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии

на 2026-2030 годы, Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом АСЕАН, и др.

Вместе с тем, наряду с указанными системообразующими структурами, естественными участниками процесса формирования новой системы международных отношений в регионе видятся также действующие с нарастающей активностью субрегиональные и профильные площадки, порой «на периферии» АТР. Эти форумы, представляя новые центры развития, будут в возрастающей степени влиять на ход формирования полицентричного сообщества, особенно на фазе выхода к зарождению укрупненных форматов регионального масштаба.

Среди них – разные по масштабам, структуре, истории и задачам объединения, такие как СНГ (в части, «прилегающей» к АТР), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), Ассоциация регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и др. Примечательно, что в этих институтах все чаще рассматривают партнерское сотрудничество с «основными» региональными форумами, а также с Россией именно как широкий «зонтичный» проект общерегионального значения.

Движение к кроссплатформенной агрегации региональных объединительных структур

Представляется перспективным всемерно содействовать реализации объединительных трендов в азиатской зоне, рассматривая сопряжение интеграционных структур восточной части континента как удачный пример расширения радиуса сотрудничества на всем евразийском пространстве. При этом повышенную важность приобретает задача широкого и целенаправленного стимулирования разработки на многосторонних площадках любого масштаба вариантов «плавной» агрегации всего «набора» интеграционных институтов, с прицелом на создание в регионе «связующего контура» взаимодействия с ведущим участием членов Мирового

большинства и России, включая совместное продвижение к Большому евразийскому партнерству.

При этом независимые центры региона могли бы сообща показать пример многополярности в действии, демонстрируя способность решения своими средствами возникающих проблем – от простых к более сложным. Ясно, что в силу большой подвижности геополитической конфигурации решение этой задачи будет далеко не быстрым, скорее, поэтапным и многовекторным, в связи с чем шаги к его достижению должны, по выражению С.В.Лаврова, «идти от жизни» [1], то есть носить корректируемый характер, сообразный изменениям конъюнктуры, отражающим нарождающуюся полицентричную реальность.

Так, заслуживает поддержки секторальное подключение к программам взаимодействия «лидеров» региональной интеграции (в лице ШОС. АСЕАН) также государств Центральной Азии. Хорошее подспорье здесь дают действующие договоренности о сотрудничестве между СНГ и ШОС, включая рамочный Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполнительным комитетом СНГ и выступления координирующих органов Содружества в пользу расширения сотрудничества с другими интеграционными институтами на пространстве Евразии, а также опыт «смежного» проведения на площадках Центральной Азии многосторонних мероприятий высокого уровня и сессий Евразийского экономического форума. Достояна внимания наблюдающаяся активность Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) по ряду профильных направлений евразийской интеграции, учитывая, что повышение вклада в СВМДА в соразвитие Евразии может содействовать реализации российской идеи построения новой архитектуры евразийской безопасности - как еще одна площадка диалога по проработке вариантов обсуждаемой сейчас «Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке». А собственные инициативы Содружества независимых государств, в свою очередь, могут позитивно сказаться на повестке Восточной Евразии, в

частности, в результате целевого ознакомления партнеров за пределами СНГ с установочными документами Содружества, раскрывающих видение принципов сотрудничества в обеспечении евразийской безопасности.

Оправданно также поддержание российской институциональной активности в районе Индийского океана, учитывая особую роль Индии в определении позиций Глобального Юга. Приверженность Дели «стратегической автономии» и противодействию милитаризации «партнерств» с западниками при созвучии многих индийских подходов с российскими создали благоприятную атмосферу для наращивания сфер координации наших усилий в деле регионального миростроительства. В этом плане значимо усиление опоры Индии, как отмечают многие наблюдатели, на придание субрегионального сотрудничества с южноазиатскими соседями более широкого геополитического контекста.

Следует отметить, что в зоне Индийского океана, выходящей и на восточное побережье Африки, уже имеется сравнительно новый, но вполне перспективный потенциал нашей работы на площадке АРСИО, где Россия имеет с 2021 г. статус партнера по диалогу. Успешно налаженные контакты с руководством и членами этой Ассоциации, придерживающейся реалистического видения независимого регионального развития на основе равноправия и консенсуса [6], позволяют и дальше ориентировать партнеров на гармоничное встраивание АРСИО в процессы кроссплатформенной кооперации, - для начала, в систему механизмов, сформировавшейся в АТР вокруг АСЕАН, учитывая сходство их общих политических установок и прикладных возможностей, что выделяют и в Дели [7].

В сходном субрегиональном контексте, имеющем «евразийскую проекцию», стоит рассмотреть и возможности «подтягивания» к объединительным усилиям «сопредельного» объединения государств Персидского залива (ССАГПЗ), с которым у России установлены давние партнерские связи, включая стратегический диалог, и запущен Совместный план действий на 2023-2028 гг. Заслуживает внимания, что в странах Залива,

судя по выкладкам их экспертных центров, также обдумывают варианты расширенного партнерства, в том числе секторального, по линии Азия - Персидский залив – Африка, инструментом чего мыслится именно ССАГПЗ [8].

Обещающим в плане гармонизации интересов «азиатского большинства» представляется последовательное расширение работы России в рамках Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА). охватывающего на основе приверженности традиционным региональным подходам 35 стран АТР, Юго-Восточной, Южной и Юго-Западной Азии и работающего по гибкой неконфронтационной повестке с акцентом на «инклюзивное устойчивое развитие» и неполитизированное сотрудничество в сферах информтехнологий, образования, культуры, спорта [5]. Следует отметить, что руководство форума выступает за укрепление этой диалоговой площадки как одного из «связующего звеньев» между многосторонними азиатскими объединениями при этом демонстрируя заинтересованность в активизации связей с Россией.

Импульсы повышения восточноевразийской интеграционной активности с российским участием

Параллельно с активной работой в отдельных профильных многосторонних образованиях по их программам, представляется целесообразным продолжать практику экспертного обсуждения вариантов движения в русле «интеграции интеграций». на крупных диалоговых платформах, особенно на ПМЭФ, где уже накоплен такой опыт, и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, где широко представлено руководство заинтересованных деловых структур государств АТР.

Одной из важных тем, к которым проявляет внимание бизнес-сообщество, видится, например, вопрос о общеприемлемых вариантах соединении сегментов предложенного Россией Большого евразийского партнерства, имея в виду выявление рациональных «перекрестных зон»

активности интеграционных структур региона. Такая совместная проработка, помимо прочего, позволила бы продвинуться и к выработке общих концептуальных рамок интеграционного мышления. В связи с этим полезно при осуществлении такого диалога обсудить вопрос о ключевых элементах будущей системы экономико-правовых, культурно-гуманитарных и организационно-технических инструментов трансграничного сотрудничества на приоритетных направлениях. Это представляется уместным и в контексте российских практических интересов на Востоке, учитывая значимость для континентальной Евразии инфраструктурных и транспортно-коммуникационных проектов (особенно совместимых с уже запущенными в работу процессами сопряжения «Пояса и Пути» и планов развития ЕАЭС), сотрудничества в области энергетики, научно-инновационной кооперации, решения тарифных проблем и снятия нетарифных ограничений, а также разработки платежной инфраструктуры для национальных валют и взаиморасчетов, защищенных от произвола блоковых государств.

Пока движение по пути кроссплатформенной интеграции распространятся, главным образом, на экономическую сферу. Однако в нынешних геополитических условиях важной задачей для российской активности на многосторонних платформах видится повышение роли политической повестки с выходом на координацию шагов по обеспечению евразийской безопасности. Для начала требуется, видимо, постепенное включение в программы региональных институтов актуальных тем, выходящих за рамки «стандартных» параметров экономической интеграции, но нацеленных на защиту государственных интересов и политической стабильности участников партнерства. В частности, к ним можно отнести проблематику борьбы с терроризмом, учитывая, что многие «игроки» из Глобального Юга в целом придерживаются близких подходов к позиционированию террористической угрозы и признают необходимость консолидации антитеррористических усилий. Например, руководителей диалоговых структур «малого формата» было бы полезно шире привлекать к

проводимым российской стороной встречам азиатских представителей высокого уровня, курирующих вопросы безопасности, и пр. Другое востребованное сейчас направление составляет информационная безопасность, что обусловлено большим вниманием участников региональной жизни к борьбе со злонамеренным использованием искусственного интеллекта и к повышению уровня доверия в цифровом пространстве. Тем более, что отнесение цифровой трансформации к Национальным целям развития РФ создает возможности для проявления российской стороной здесь инициативной роли (в т.ч. с учетом наличия у России статуса «цифрового партнера» АСЕАН).

Конструктивное воздействие на ход обсуждения тем, приближенных к политическим, призвана, несомненно, оказывать «связка» Россия-Китай, утвердившаяся на региональных форумах на базе синергии подходов двух стран - как пример стабильности и предсказуемости партнерства крупнейших региональных субъектов, способствующего выходу на консенсусные решения. Такая позитивная энергетика заслуживает дальнейшего использования в совместной работе на региональных площадках, в том числе для ослабления возникающей турбулентности, связанной с выступлениями на них западников. В том числе в специализированных форматах, таких, как РИК, механизм «Россия-Китай + председатель АСЕАН» и др., исходя из того, что российско-китайское партнерство может стать важной стабилизирующей «опорой» евразийской архитектуры. Это, разумеется, идет в русле договоренностей руководителей России и КНР «наращивать скоординированную работу в интересах формирования в Азии пространства безопасного сотрудничества, развития и процветания» [3].

Наличие на региональных площадках немалого числа культурно-образовательных программ, указывает на важность последовательного внимания также к этому направлению. Российскую гуманитарную деятельность и культурную дипломатию в Азии оправданно, как можно предположить, ориентировать на совпадение в своей основе наших

цивилизационно-нравственных установок с принятыми в регионе культурными кодами, на гармоничное сопряжение обоюдных интересов и их естественную совместимость путем взаимного обогащения. Соответственно, в контактах с партнерами целесообразно акцентировать стремление и готовность России активно сотрудничать именно в такой парадигме, опираясь на богатейшее отечественное культурное наследие и российские познавательные ресурсы. Высокая степень востребованности подобного деполитизированного подхода, учитывающего особенности менталитета партнеров, их традиций и современного уклада позволяет рассчитывать на успех активизации российской гуманитарной работы в регионе.

К зримым достижениям такого порядка уместно отнести успешную реализацию инициативы России в форуме Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) о ежегодном проведении под эгидой российской стороны международных конференций по высшему образованию, подтвердивших свою полезность и результативность. При этом России удалось закрепить тему наращивания потенциала людских ресурсов через образование в числе долгосрочных приоритетов этого крупного международного форума. В 2025 году такая конференция, посвященная повестке «Образовательные экосистемы будущего: как экономики АТЭС могут сохранить конкурентное преимущество?» успешно прошла во Владивостоке на площадке ВЭФ [4].

Заключение

В целом представляется оправданным максимально полно ориентировать текущую работу на субрегиональных и специализированных площадках Восточной Евразии на результативное содействие образованию в этой части континента «кластера многополярного мира» и своего рода «трамплина» для ускорения строительства миропорядка, отвечающего объективной картине динамики новых центров силы и развития, с учетом задач дальнейшего упрочения позиций России в соответствии с ее национальными интересами на Востоке.

Список литературы:

1. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова перед преподавателями и студентами филиалов российских вузов, экспертным сообществом, активом молодежного крыла АНО «Евразия», 21.05.2025, URL: <https://mid.ru/tv/?id=2019120&lang=ru> (дата обращения 07.04.2026)
2. А.Ю.Дробинин, М.С. Ходынская-Голенищева «Юго-Восточная Азия в многополярном мире», «Россия в глобальной политике», 03.04.2026, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/aziya-drobinin-hodynskaya/> (дата обращения 07.04.2026)
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 мая 2025 года, URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения 07.04.2026)
4. Трансляция Международной конференции АТЭС по высшему образованию, 04.09.2025, портал Восточного экономического форума, URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/?search#129061> (дата обращения 07.04.2026)
5. Areas of Cooperations, Asia Cooperation Dialogue (ACD), URL: <http://www.acd-dialogue.org/areas-of-cooperations.html> (дата обращения 07.04.2026)
6. Charter of the Indian Ocean Rim Association, URL: http://www.iora.int/sites/default/files/2024-03/iora_charter.pdf (дата обращения 07.04.2026)
7. P. Pandey, IORA's Indo-Pacific Outlook and its Significant Role in the Region, 14.11.2023, Indian Council of World Affairs, URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10176&lid=6492 (дата обращения 07.04.2026)
8. Research Focus: Gulf-Asia-Africa Relations, Anwar Gargash Diplomatic Academy (AGDA), URL: <https://www.agda.ac.ae/research/publications-multimedia-events/gulf-asia-africa-relations> (дата обращения 07.04.2026)

Ногмов Анзор Муаедович

кандидат политических наук,
доцент кафедры политической теории
Дипломатической академии МГИМО МИД России
E-mail: adelinamid@mail.ru

A.M. Nogmov

Ph.D. (Political Science), Associate Professor
of the Department of Political Theory
of the Diplomatic Academy of the Moscow State
Institute of International Relations of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
E-mail: adelinamid@mail.ru

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
УЯЗВИМОСТЬ ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА**

**TERRORIST THREATS TO ENERGY SECURITY:
VULNERABILITY OF PIPELINE TRANSPORT**

Аннотация: в статье рассматривается эволюция террористических угроз в отношении трубопроводного транспорта как критического элемента энергетической безопасности. На основе анализа инцидентов 2022-2025 годов (диверсии на «Северных потоках», атаки на объекты Каспийского трубопроводного консорциума) исследуется трансформация субъектного состава угроз — от негосударственных террористических групп к государственно-спонсируемым диверсиям. Особое внимание уделяется политологическим последствиям атак на энергетическую инфраструктуру: нарушению транзитных соглашений, переформатированию логистических маршрутов и кризису международно-правового регулирования защиты подводных трубопроводов.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, терроризм, трубопроводный транспорт, критическая инфраструктура, государственный терроризм, Каспийский трубопроводный консорциум, «Северные потоки».

Abstract: the article examines the evolution of terrorist threats against pipeline transport as a critical element of energy security. Based on an analysis of incidents in 2022-2025 (sabotage on the Nord Stream pipelines and attacks on facilities of the Caspian Pipeline Consortium), the article explores the transformation of the subject composition of threats — from non-state terrorist groups to state-sponsored sabotage. Special attention is paid to the political consequences of attacks on energy infrastructure, such as the disruption of transit agreements, the reformatting of logistics routes, and the crisis in international legal regulation of the protection of underwater pipelines.

Keywords: energy security, terrorism, pipeline transport, critical infrastructure, state terrorism, Caspian Pipeline Consortium, Nord Streams.

Введение

Обеспечение безопасного функционирования трубопроводного транспорта представляет собой одну из ключевых задач энергетической безопасности любого государства. Магистральные трубопроводы, транспортирующие нефть и газ на тысячи километров, являются не только экономическими артериями, но и объектами повышенной уязвимости. Их протяженность, удаленность от центров охраны и, в случае подводных участков, труднодоступность создают благоприятные условия для диверсионных и террористических атак.

Актуальность исследования обусловлена кардинальной трансформацией угроз в 2020-х годах. Если ранее основное внимание уделялось защите трубопроводов от криминальных врезок и локальных террористических групп, то события 2022-2025 годов продемонстрировали появление качественно нового феномена — использования трубопроводов как мишеней в гибридной войне с участием государственных акторов. Подрыв газопроводов «Северный поток» в Балтийском море в сентябре 2022 года и серийные атаки на объекты Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) в 2024-2025 годах знаменуют переход угрозы на принципиально иной уровень.

Цель настоящего исследования — проанализировать эволюцию террористических угроз трубопроводному транспорту и оценить политические последствия атак на стратегические маршруты поставки углеводородов.

Теоретические аспекты уязвимости трубопроводного транспорта

Трубопроводный транспорт, представляющий собой сложный инфраструктурный комплекс, включает три основные категории объектов: линейную часть, насосные и компрессорные станции, резервуарные парки, а

также береговые сооружения с выносными причальными устройствами для морской отгрузки углеводородов. Межгосударственный стандарт ГОСТ 34182-2017 «Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов» классифицирует противоправные посягательства на трубопроводный транспорт как «акты незаконного вмешательства» и предусматривает создание системы физической защиты, представляющей собой совокупность организационных, административных и правовых мер, инженерно-технических средств охраны и действий подразделений охраны. В состав инженерно-технических средств охраны входят ограждения периметра, инженерные заграждения, контрольно-пропускные пункты, системы охранного освещения и технические средства обнаружения.

Традиционно выделялись три основные категории угроз: криминальные врезки с целью хищения углеводородов, являющиеся наиболее распространенным типом посягательств и наносящие значительный экономический ущерб; техногенные аварии и коррозионные повреждения, обусловленные физическим износом инфраструктуры или нарушениями технологии эксплуатации; а также террористические атаки локальных группировок, направленные на нарушение функционирования объектов.

Однако современная геополитическая ситуация требует существенного расширения этой классификации. Как отмечает кандидат технических наук В.В. Лещенко, «техногенные факторы дополнились угрозами террористического воздействия», при этом «международные гарантии и договорённости не работают, правовое поле практически полностью разрушено»[1]. Ключевым изменением является трансформация субъектного состава угроз: если ранее основными источниками опасности выступали негосударственные террористические группы и криминальные сообщества, то в настоящее время доминирующую роль приобретают государственно-спонсируемые диверсии, реализуемые с применением военных технологий — безэкипажных катеров, беспилотных летательных аппаратов и подводных средств поражения. Особую категорию риска представляют морские

подводные трубопроводы и связанные с ними выносные причальные устройства, которые характеризуются рядом факторов, существенно затрудняющих их физическую охрану и мониторинг.

Выносные причальные устройства Каспийского трубопроводного консорциума, например, расположены на расстоянии 5-5,6 километра от береговой линии и соединены с береговыми сооружениями с помощью подводных трубопроводов, что делает невозможным применение традиционных средств охраны периметра и требует создания специализированных систем морской безопасности. В отличие от наземных участков, где возможно применение визуального наблюдения и инженерных заграждений, подводная инфраструктура остается «невидимой» для большинства средств контроля. Критически важными элементами здесь являются гибкие шланговые соединения, по которым нефть транспортируется от причального устройства к танкеру — общая длина внутреннего плавучего рукава составляет 265 метров, внешнего — 276 метров, каждый рукав состоит из 25-26 отдельных шлангов. Такая конструкция, обеспечивающая необходимую гибкость при швартовке, одновременно создает множество потенциальных точек уязвимости.

Осознание растущих угроз привело к активизации международных усилий по защите подводной критической инфраструктуры: в мае 2024 года НАТО создало центр по охране критически важной подводной инфраструктуры CUI, а в Балтийском море проводятся масштабные исследования с использованием научно-исследовательского судна НАТО Alliance, где ученые тестируют акустические сенсоры для обнаружения повреждений подводной инфраструктуры и отработывают методики выявления диверсий[8]. Как отмечает ученый CMRE Роберт Бин, впервые удалось зафиксировать спуск якоря на морское дно, что позволяет прогнозировать такие события и обнаруживать их на ранней стадии[2]. Для обеспечения безопасности морских подводных трубопроводов требуется специализированный флот — суда с динамическим позиционированием,

оборудованные телеуправляемыми необитаемыми подводными аппаратами, гидрографическим оборудованием и системами постановки боновых заграждений.

Существенной проблемой остается добровольность применения многих стандартов безопасности: как отмечает заместитель начальника отдела технического наблюдения за морскими нефтегазовыми сооружениями Российского морского регистра судоходства Андрей Авдонкин, для морских подводных трубопроводов основным аргументом отказа от классификации в Регистре является добровольность применения правил для таких объектов, что значительно снижает общий уровень безопасности инфраструктуры.

Таким образом, анализ уязвимости трубопроводного транспорта в современных условиях демонстрирует необходимость комплексного подхода, сочетающего совершенствование технических средств защиты, развитие нормативно-правовой базы и международную координацию усилий по охране критически важной энергетической инфраструктуры.

Диверсия на «Северных потоках» (2022)

Подрыв газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» 26 сентября 2022 года стал поворотным моментом в восприятии угроз энергетической инфраструктуры, ознаменовав переход от теоретических дискуссий о гипотетической уязвимости подводных объектов к реальности масштабного террористического акта против критически важной энергетической артерии Европы. Взрывы, произошедшие на трех из четырех ниток газопровода в исключительных экономических зонах Дании и Швеции, привели к беспрецедентным разрушениям инфраструктуры, создав прямые риски для экологии и судоходства в Балтийском регионе и нанеся серьезный ущерб интересам целого ряда государств. Оператор Nord Stream AG охарактеризовал повреждения как имеющие беспрецедентный характер и отказался оценивать возможные сроки восстановления. По прошествии более чем трех лет с момента диверсии расследование обстоятельств этого

преступления остается в центре международного внимания, обрастая новыми фактами и порождая множество противоречивых версий.

Значительный прогресс в расследовании наступил в августе 2025 года, когда итальянская полиция задержала гражданина Украины Сергея Кузнецова (в документах также фигурирующего как Сергей К.) на курорте в Сан-Клементе провинции Римини, где он находился на отдыхе с семьей. Задержание было произведено на основании европейского ордера на арест, выданного Германией, которая подозревает Кузнецова в координации диверсионной операции. Согласно данным немецких следователей, Кузнецов, предположительно, входил в группу лиц, которые на арендованной яхте «Андромеда» вышли из немецкого порта Росток и заложили взрывные устройства в районе датского острова Борнхольм. Генеральная прокуратура ФРГ инкриминирует ему совершение преступлений по трем статьям Уголовного кодекса: саботаж, направленный на подрыв конституционного порядка, умышленное вызывание взрыва и разрушение критической инфраструктуры.

Личность задержанного привлекла особое внимание исследователей, поскольку открывающиеся данные свидетельствуют о его прямой связи с государственными структурами Украины. По информации немецкого журнала Spiegel, Кузнецов является бывшим агентом Службы безопасности Украины (СБУ) — он окончил Академию СБУ и работал там до 2015 года, после чего несколько лет трудился в энергетической компании, а с началом полномасштабных боевых действий в 2022 году присоединился к силам специальных операций Вооруженных сил Украины. Согласно расследованию The Wall Street Journal, он также служил в элитном подразделении, защищавшем Киев в начале войны, и имел звание капитана запаса. В ноябре 2025 года уполномоченный Верховной Рады по правам человека Дмитрий Лубинец в письме итальянскому суду впервые на официальном уровне признал, что на момент взрывов на «Северных потоках» Кузнецов действительно служил в Вооруженных силах Украины[9].

Дальнейшее развитие событий вокруг экстрадиции и содержания под стражей Кузнецова высветило сложность правовой квалификации произошедшего. После задержания Кузнецов был помещен в специальное крыло тюрьмы для особо опасных преступников, где содержался вместе с семьёю боевиками запрещенной в РФ террористической организации ИГИЛ, при этом условия его содержания были исключительно жесткими: ему не разрешали выходить на прогулки, выводили в тяжелых кандалах, а общение с семьёй ограничивалось 20 минутами в месяц по телефону. Отказавшись от экстрадиции в Германию и заявив, что на момент взрывов находился «совсем в другом месте», служа в украинской армии, Кузнецов объявлял голодовку и потерял за время заключения 10 килограммов веса. В ноябре 2025 года Кассационный суд Италии отклонил апелляцию защиты и подтвердил решение об экстрадиции, не найдя оснований для признания за Кузнецовым функционального иммунитета как военнослужащего, поскольку ни один украинский официальный орган не признал диверсию на «Северных потоках» военной операцией. 27 ноября 2025 года Кузнецов был экстрадирован в Германию и на следующий день арестован.

Параллельно с этим делом развивались события вокруг еще одного подозреваемого — гражданина Украины Владимира Журавлева, задержанного в Польше. Однако 30 сентября 2025 года польские власти отказались экстрадировать его в Германию, заявив, что это не соответствует национальным интересам Польши, а суд обосновал решение тем, что предполагаемое деяние «было совершено в контексте преступной и геноцидной войны, которую Россия ведет против Украины с 2014 года». Премьер-министр Польши Дональд Туск публично высказался против выдачи подозреваемого.

Реакция официальных лиц на эти события отражает глубокие геополитические противоречия в восприятии произошедшего. Министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто в августе 2025 года охарактеризовал взрывы на газопроводах как «государственный терроризм»,

отметив, что «если террористический акт осуществляется государственными средствами и при поддержке государства, то это государственный терроризм»[3]. Российская сторона последовательно настаивает на проведении полноценного международного расследования под эгидой ООН. Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова констатировала отсутствие прогресса в расследовании спустя три года после теракта, а версию о причастности исключительно граждан Украины назвала вызывающей большие сомнения, подчеркнув, что столь сложная и масштабная диверсия «попросту не по плечу негосударственным субъектам». Президент России Владимир Путин и помощник президента Николай Патрушев неоднократно указывали, что диверсия такого уровня не могла быть проведена без поддержки на государственном уровне и без соответствующего оборудования и специалистов, которые, по их мнению, имеются лишь у спецподразделений стран НАТО. Посол России в ФРГ Сергей Нечаев также отметил показательность молчания Германии в ответ на фактическое оправдание Польшей теракта и отказ экстрадировать подозреваемого.

Особый резонанс получили новые данные, обнародованные изданием Spiegel в феврале 2026 года, согласно которым в 2022 году представители ЦРУ встречались с украинскими специалистами по диверсиям, которые рассказали им о плане подрыва газопроводов, и первоначально американцы поддержали эту идею. По словам источников издания, на встрече в Подоле украинцам сказали, что план «хороший и сработает», и даже обсуждалась возможность финансирования со стороны ЦРУ, хотя позднее США изменили позицию и пытались отговорить украинскую сторону от реализации плана. Эта информация, если она подтвердится, может пролить свет на роль внешних игроков в подготовке диверсии.

Таким образом, совокупность имеющихся данных — задержание непосредственных исполнителей, имеющих подтвержденные связи с украинскими спецслужбами и вооруженными силами, отказ Польши от

сотрудничества в выдаче подозреваемых, первоначальная осведомленность и даже поддержка со стороны американских спецслужб — подтверждает вовлеченность государственных структур в эту диверсию и позволяет рассматривать произошедшее в категориях государственного терроризма. При этом сохраняющиеся противоречия в подходах к расследованию, закрытие национальных следствий в Швеции и Дании, а также нежелание западных стран раскрывать полную картину произошедшего свидетельствуют о глубокой геополитической подоплеке этого беспрецедентного акта против критической энергетической инфраструктуры Европы.

Атаки на Каспийский трубопроводный консорциум (2024-2025)

Каспийский трубопроводный консорциум представляет собой уникальный пример международного энергетического проекта, объединяющего интересы России, Казахстана, США и стран Европы, и выступает одним из крупнейших инвестиционных начинаний в энергетической сфере на территории СНГ. Нефтепроводная система КТК является крупнейшим маршрутом транспортировки нефти из Каспийского региона на мировые рынки: магистральный трубопровод протяженностью 1511 километров соединяет месторождения Западного Казахстана с российским побережьем Черного моря, где нефть отгружается на танкеры через морской терминал, оснащенный тремя выносными причальными устройствами, позволяющими безопасно загружать суда на значительном удалении от берега[7].

Структура акционеров консорциума отражает его международный характер и геополитическую значимость. Крупнейшими акционерами КТК являются Российская Федерация (24% через «Транснефть»), Казахстан (19% через АО НК «КазМунайГаз», а также Kazakhstan Pipeline Ventures LLC с долей 1,75%), наряду с ведущими западными нефтяными корпорациями: Chevron Caspian Pipeline Consortium Company (15%), «Лукойл Интернешнл Гмбх» (12,5%), Mobil Caspian Pipeline Company (7,5%), Rosneft-Shell Caspian

Ventures Limited (7,5%), а также BG Overseas Holdings Limited (2%), Eni International N.A. N.V. S.ar.l. (2%) и Oryx Caspian Pipeline LLC (1,75%) . Объем перевалки нефти в 2024 году достиг 63 миллионов тонн, при этом около 74% этого объема приходится на долю зарубежных грузоотправителей, среди которых наиболее крупными являются «Тенгизшевройл» (дочерняя структура Chevron), ExxonMobil, «Казмунайгаз», Eni и Shell. Примечательно, что в отношении КТК никогда не вводилось никаких санкционных или ограничительных мер, что свидетельствует о признании значительной роли консорциума в обеспечении интересов западных акционеров и глобальной энергетической безопасности.

Систематические атаки на объекты КТК начались в 2025 году и приобрели характер целенаправленной террористической кампании против гражданской энергетической инфраструктуры. 17 февраля 2025 года нефтеперекачивающая станция «Кропоткинская» — крупнейшая станция КТК на территории России, расположенная в Кавказском районе Кубани — подверглась атаке семи беспилотных летательных аппаратов, начиненных помимо взрывчатки металлическими поражающими элементами. Террористический удар был произведен с временным интервалом, с целью не только нарушить работу объекта, но и привести к жертвам среди оперативного персонала станции. В результате атаки станция получила серьезные повреждения и была выведена из эксплуатации до 23 мая 2025 года, транспортировка нефти осуществлялась на сниженных режимах перекачки, минуя НПС. 19 марта последовала вторая атака на нефтебазу возле станицы Кавказской, также являющуюся частью инфраструктуры КТК, которая привела к разгерметизации резервуара с нефтью и сильному пожару.

24 сентября 2025 года под удар попал административный офис Морского терминала в самом Новороссийске — массированная атака с применением беспилотных летательных аппаратов привела к ранению двух сотрудников консорциума. 25 ноября 2025 года в результате ночного удара БПЛА по муниципальному образованию Новороссийск повреждения от

поражающих элементов боевой части беспилотника получил административный корпус Морского терминала КТК в Южной Озереевке, где расположен Главный центр управления, из которого ведется контроль за работой всей трубопроводной системы Тенгиз — Новороссийск как в Российской Федерации, так и в Казахстане[6].

Кульминацией этой серии атак стал удар 29 ноября 2025 года, нанесенный принципиально иным типом вооружения. В 04:06 по московскому времени в акватории Морского терминала КТК под Новороссийском в результате целенаправленной террористической атаки безэкипажными катерами (БЭК) значительные повреждения получило выносное причальное устройство ВПУ-2. Выносные причальные устройства, расположенные на расстоянии 5 километров от берега и соединенные с береговыми сооружениями с помощью подводных трубопроводов, представляют собой критически важные элементы инфраструктуры, изготовленные по индивидуальному проекту. В момент взрыва системы аварийной защиты обеспечили перекрытие соответствующих трубопроводов, и предварительно попадания нефти в акваторию Черного моря не произошло. По предписанию капитана морского порта Новороссийск погрузочные операции и иные операции были немедленно прекращены, танкеры отведены за пределы акватории КТК, однако дальнейшая эксплуатация ВПУ-2 оказалась невозможна — устройство выведено из строя до проведения полного комплекса ремонтно-восстановительных работ.

В заявлении консорциума по итогам атаки 29 ноября подчеркивается ключевой тезис: «атака на КТК — это атака и на интересы стран-участниц КТК», а сам объект является «сугубо гражданским, находящимся под защитой международного права». Консорциум особо отмечает, что это уже третий акт агрессии против гражданского объекта, и все акционеры КТК, включая представителей компаний из США и Европы, извещены о террористических атаках и их результатах. Генеральный директор КТК Николай Горбань, комментируя ситуацию на Петербургском международном

экономическом форуме, сообщил, что консорциум инициировал процедуру для подачи иска к Украине по ущербу от атаки на НПС «Кропоткинская», однако отметил отсутствие какой-либо реакции от украинской стороны на соответствующие запросы. При этом он подчеркнул, что на заседаниях совета директоров все акционеры выразили озабоченность и недопустимость террористических атак на гражданские объекты.

Реакция Казахстана как ключевого транзитного государства, чья нефть составляет основу грузопотока КТК, была незамедлительной и жесткой. Министерство энергетики Казахстана после атаки 29 ноября в экстренном порядке активизировало план по перенаправлению экспортных объемов нефти на альтернативные маршруты, подчеркнув, что «подобные действия в отношении сугубо гражданских объектов критической инфраструктуры являются недопустимыми». В ведомстве особо отметили, что трубопроводная система КТК представляет собой международный энергетический проект, и любое силовое воздействие на его объекты создает прямые риски для глобальной энергетической безопасности, а также наносит существенный ущерб экономическим интересам всех участников консорциума, включая Республику Казахстан. При этом первый замминистра иностранных дел Казахстана Акан Рахметуллин сообщал, что Астана довела до Киева озабоченность атаками на КТК, однако к июню 2025 года ответ от украинской стороны так и не был получен [5].

Несмотря на систематические атаки, консорциум продолжает функционировать, демонстрируя устойчивость к террористическим угрозам. Отгрузка нефти на морском терминале после вывода из строя ВПУ-2 осуществляется с первого выносного причального устройства ВПУ-1. Примечательно, что в 2026 году компания планировала замену двух выносных причальных устройств, введенных в эксплуатацию еще в 2001 году — ВПУ-1 и поврежденного в ходе атаки ВПУ-2; в декабре 2025 года ожидалось завершение строительства в Дубае двух новых выносных причалов для замены действующих. Вопросы обеспечения безопасности

объектов КТК решаются во взаимодействии с силовыми структурами Российской Федерации, хотя, как отметил генеральный директор консорциума, о конкретных мерах предпочтительнее говорить после окончания специальной военной операции.

В декабре 2025 года появилась информация о возможных изменениях в структуре акционеров КТК: президент России Владимир Путин разрешил совместному предприятию «Роснефти» и Shell Rosneft-Shell Caspian Ventures Limited совершать сделки с акциями Каспийского трубопроводного консорциума-Р, что, по мнению экспертов, открывает для Shell юридическую возможность выхода из проекта и может быть связано с опасениями Казахстана относительно возможного подпадания трубопровода под вторичные санкции, способные фактически остановить 80% экспорта нефти из республики .

Таким образом, атаки на объекты КТК представляют собой беспрецедентную серию террористических актов против критически важной энергетической инфраструктуры, имеющей международный характер и объединяющей интересы ведущих мировых держав. Систематическое применение беспилотных летательных аппаратов и безэкипажных катеров против сугубо гражданских объектов, начиненных взрывчаткой с поражающими элементами, свидетельствует о целенаправленной стратегии по дестабилизации энергетических поставок и нанесению ущерба экономическим интересам всех стран-участниц консорциума. Реакция акционеров и государств-участников, включая официальные заявления и инициирование судебных процедур, демонстрирует осознание масштаба угрозы и стремление защитить принципы международного права, гарантирующие безопасность гражданской энергетической инфраструктуры.

Политические последствия атак на энергетическую инфраструктуру

Анализ приведенных кейсов — диверсии на газопроводах «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» в сентябре 2022 года, а также серии

атак на объекты Каспийского трубопроводного консорциума в 2024–2025 годах — позволяет сделать обоснованный вывод о фундаментальной трансформации субъектного состава и характера угроз в отношении критически важной энергетической инфраструктуры. Если в 2000–2010-х годах основными субъектами террористической активности в отношении трубопроводов выступали негосударственные акторы — террористические группировки, повстанческие движения и криминальные сообщества, действовавшие преимущественно в регионах внутренних конфликтов, то в 2020-х годах на первый план выходят государственно-спонсируемые диверсии, реализуемые с применением военных технологий и при непосредственном участии или поддержке государственных структур.

Эта трансформация подтверждается как фактическими обстоятельствами расследований, так и правовыми квалификациями, данными произошедшему судебными инстанциями. В декабре 2025 года Федеральный верховный суд Германии, отклонив апелляцию защиты против содержания под стражей главного подозреваемого по делу о подрыве «Северных потоков», прямо указал, что разрушение газопроводов с высокой долей вероятности представляло собой операцию, контролируруемую иностранной разведывательной службой. Суд особо подчеркнул, что «иммунитет не распространяется на акты насилия, контролируемые разведкой», тем самым отвергнув аргумент защиты о «функциональном иммунитете» подозреваемого как военнослужащего, действовавшего в контексте вооруженного конфликта. Более того, немецкий суд квалифицировал газопроводы как объекты, служащие преимущественно гражданским целям, и отметил, что операция представляла собой *covert intelligence mission*, в которой подозреваемые не были идентифицируемы как комбатанты.

Политологический анализ происходящего позволяет рассматривать атаки на энергетическую инфраструктуру как инструмент гибридной войны, направленный на достижение геополитических целей. Политолог Павел

Фельдман отмечает: «Выбирая в качестве мишеней объекты газотранспортной инфраструктуры, киевский режим сознательно наносит ущерб странам, потребляющим российские углеводороды»[4]. При этом атакуются объекты, имеющие критическое значение для энергобезопасности не только России, но и других государств, включая страны Европейского Союза и транзитные государства, такие как Казахстан. По международным канонам газопроводы приравниваются к объектам критической инфраструктуры, и страна, атакующая их, «имеет все основания быть признанной спонсором терроризма». Эта позиция находит подтверждение в резолюциях Совета Безопасности ООН, в частности в резолюции 2341 (2017), которая подчеркивает необходимость защиты критической инфраструктуры от диверсий и террористических актов.

Правовая оценка подобных действий в международном праве остается предметом острых дискуссий. Представители украинской стороны и поддерживающие их эксперты предлагают альтернативную квалификацию, основанную на доктрине «законной военной цели» (*legitimate military target*). Согласно этой позиции, поскольку газопроводы «Северный поток» принадлежат ПАО «Газпром», 50% которого находится в собственности Российской Федерации, и получаемая прибыль направляется на финансирование военных действий, эти объекты могут рассматриваться как «двойного назначения» (*dual-use*) и, следовательно, подпадать под определение военной цели в соответствии со статьей 52 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Сторонники этой точки зрения апеллируют также к резолюциям Парламентской ассамблеи Совета Европы и Европейского парламента, признающим Российскую Федерацию государством-спонсором терроризма.

Однако такая квалификация сталкивается с серьезными контраргументами как фактического, так и юридического характера. Во-первых, Федеральный верховный суд Германии прямо отверг применимость концепции «функционального иммунитета» и не признал за газопроводами

статус законной военной цели, указав на их преимущественно гражданское предназначение и отсутствие идентификации исполнителей как комбатантов. Во-вторых, как отмечается в международно-правовой литературе, применение международного гуманитарного права к объектам, расположенным за пределами театра военных действий и в нейтральных водах, остается крайне спорным. В-третьих, даже если допустить военный характер цели, принципы пропорциональности и различия, закрепленные в международном гуманитарном праве, требуют минимизации ущерба гражданским объектам и окружающей среде, что не было соблюдено при подрыве газопроводов, приведшем к беспрецедентному экологическому ущербу в Балтийском море.

Показательным является также различный подход государств к расследованию этих инцидентов. Если Германия продолжает уголовное преследование подозреваемых, то Дания и Швеция закрыли свои национальные расследования, не установив виновных. Польша, в свою очередь, отказалась экстрадировать другого подозреваемого — Владимира Журавлева, задержанного на ее территории, мотивировав это тем, что предполагаемое деяние «было совершено в контексте войны, которую Россия ведет против Украины». Европейская комиссия, комментируя этот отказ, заняла формальную позицию, указав, что европейский ордер на арест является исключительно судебной процедурой, в которую ни Еврокомиссия, ни правительства государств-членов не могут вмешиваться или влиять на решения, принимаемые судебными органами.

Особую значимость в контексте рассматриваемой проблемы приобретают вопросы юрисдикции и правовых пробелов в защите подводной критической инфраструктуры. Как отмечается в академических исследованиях, действующее международное право, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS), предоставляет более сильные правовые гарантии защиты затонувших судов, необитаемых платформ и плавучих буев, чем трансграничным подводным трубопроводам.

Прибрежные государства имеют ограниченные полномочия по преследованию иностранных судов, умышленно повреждающих подводную инфраструктуру в исключительной экономической зоне. Инцидент с танкером Eagle S, подозреваемым в повреждении кабеля Estlink 2, который финский суд отказался рассматривать за отсутствием юрисдикции, наглядно иллюстрирует эту проблему. В сложившихся условиях ряд исследователей предлагает расширительное толкование юрисдикционных принципов, включая доктрину последствий (effects doctrine) и защитный принцип (protective principle), позволяющие прибрежному государству распространять свою уголовную юрисдикцию на умышленное повреждение подводных кабелей и трубопроводов, соединенных с его территорией.

Таким образом, совокупность имеющихся данных позволяет констатировать формирование устойчивого феномена государственно-спонсируемого терроризма против критической энергетической инфраструктуры, который, независимо от его юридической квалификации сторонами конфликта, подрывает основы международной энергетической безопасности и требует выработки новых правовых механизмов защиты. Бездействие и отказ от привлечения виновных к ответственности, как справедливо отмечается в экспертной литературе, лишь поощряют дальнейшее повреждение инфраструктуры, создавая опасный прецедент безнаказанности.

Системы защиты: технологический ответ на новые вызовы

В Российской Федерации действует система требований к антитеррористической защищенности объектов инфраструктуры, утвержденная постановлением Правительства РФ от 23.12.2016 №1467. Документ устанавливает категорирование объектов в зависимости от степени угрозы, определяет ответственность руководителей организаций за антитеррористическую защищенность и требования к оснащению инженерно-техническими средствами охраны.

Для объектов топливно-энергетического комплекса действуют также отраслевые стандарты. ГОСТ 34182-2017 «Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов» детально регламентирует создание систем физической защиты, включая ограждения периметра, инженерные заграждения, контрольно-пропускные пункты и технические средства охраны.

Современные системы физической защиты (СФЗ) включают:

- Мультисенсорные системы обнаружения;
- Виброакустический контроль линейной части;
- Волоконно-оптические технологии мониторинга;
- Системы видеонаблюдения и охранного освещения.

Однако, как показывает практика атак на КТК, этих средств недостаточно для противодействия массированным атакам с использованием безэкипажных катеров и беспилотных летательных аппаратов. Необходимо создание специализированных сил и средств охраны акваторий, включая противодиверсионные катера и системы обнаружения надводных и подводных целей.

Атаки 2024-2025 годов поставили вопрос о границах эффективности чисто технических мер защиты. Когда диверсии осуществляются с применением военных технологий (безэкипажные катера, взрывные устройства большой мощности) и при поддержке государственных структур, традиционные системы охраны периметра, рассчитанные на предотвращение проникновения одиночных нарушителей или малых групп, оказываются неэффективными.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. **Эволюция угроз.** Террористические угрозы в отношении трубопроводного транспорта претерпели качественную трансформацию: от локальных атак негосударственных акторов к государственно-спонсируемым диверсиям с использованием военных технологий и средств поражения.

2. **Интернационализация уязвимости.** Атаки на международные трубопроводные консорциумы (КТК, «Северные потоки») наносят ущерб не одной стране, а широкому кругу государств-акционеров и потребителей, что требует коллективных механизмов реагирования и защиты.

3. **Кризис международного права.** Существующая система международно-правовой защиты критической энергетической инфраструктуры продемонстрировала свою неэффективность. Подводные трубопроводы остаются уязвимыми для диверсий, а механизмы привлечения виновных к ответственности не работают.

4. **Необходимость пересмотра подходов.** Требуется пересмотр подходов к защите трубопроводного транспорта: а) на национальном уровне — создание специализированных сил и средств охраны акваторий и прибрежной инфраструктуры; б) на международном уровне — выработка новых правовых механизмов, приравнивающих атаки на подводные магистральные трубопроводы к актам агрессии против государств.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на анализ уязвимости трубопроводных систем в Черноморском и Каспийском регионах, а также в Арктике — в контексте таяния льдов и появления новых маршрутов транспортировки углеводородов.

Список литературы:

1. Лещенко В. В., Винокуров В. И. «НТЦ «Нефтегаздиагностика». комплексный подход к обеспечению промышленной безопасности трубопроводов // Территория Нефтегаз. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ntts-neftegazdiagnostika-kompleksnyy-podhod-k-obespecheniyu-promyshlennoy-bezopasnosti-truboprovodov> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Р.Бин. Саботаж под водой: в Балтийском море тестируют защиту критической инфраструктуры // <https://saper-mebel.by/19244.html>
3. Сийярто: диверсия на "Северных потоках" имеет признаки государственного терроризма // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24873219>

4. Аналитик: Эрдоган, Орбан, Фицо не будут мириться с энергетическим террором Киева // <https://russian.rt.com/world/news/1420778-politolog-ukraina-energeticheskii-terror>
5. Ивочкина А.С. Состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Казахстана на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 179-184
6. Ногмов А.М., Ивочкина А.С. Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе // Вестник ученых-международников. 2023. № 4 (26). С. 73-86.
7. Ногмова А.Ш. Развитие международных мультимодальных транспортных коридоров в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Вестник ученых-международников. 2025. № 1 (31). С. 93-105.
8. Ногмова А.Ш. Глобальные амбиции США и НАТО как основа культурно-цивилизационного измерения современного мира // В сборнике: Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 130-137.
9. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 3 (41). С. 6-21.
10. Шангараев Р.Н. "Армия Турана" - проект Турции по военной интеграции тюркского мира. угрозы и перспективы // Обозреватель. 2021. № 7 (378). С. 70-84.
11. Жабин Д.А., Ногмова А.Ш., Шангараев Р.Н. Противодействие государственных органов российской федерации международному терроризму на современном этапе // Дипломатическая служба. 2017. № 4. С. 79-85.
12. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникации. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Москва, 2024.
13. Международная безопасность. ядерные аспекты современности. Анненков В.И., Кононов Л.А., Моисеев А.В., Шангараев Р.Н. Москва, 2020.
14. Шангараев Р.Н. Когнитивная война как современная форма межгосударственного противоборства // Вестник ученых-международников. 2023. № 3 (25). С. 103-110.

Ротанёв Алексей Витальевич,
Соискатель, Дипломатическая академия МГИМО МИД России,
aleksey.rotanov@mail.ru

Aleksey V. Rotanov,
Aspirant, Diplomatic Academy MGIMO of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
aleksey.rotanov@mail.ru

АЛЖИР – АЛЬЯНС ГОСУДАРСТВ САХЕЛЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ALGERIA – ALLIANCE OF THE SAHEL STATES: PROSPECTS FOR RELATIONS

Аннотация: статья посвящена анализу взаимоотношений Алжирской Народно-Демократической Республики и стран Альянса государств Сахеля (Мали, Нигер, Буркина-Фасо) в условиях трансформации региональной архитектуры безопасности в 2020-е годы. Рассматриваются причины формирования АГС и его отделения от прежних механизмов регионального управления, в том числе ECOWAS и формат G5 Sahel, а также роль Алжира как традиционного посредника и одного из ключевых акторов в зоне Sahel–Sahara. Внимание уделяется противоречиям по вопросам безопасности, борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью, миграции и приграничного контроля, а также влиянию внешних игроков на стратегические решения сторон. Цель исследования заключается в выявлении факторов конфликтности и потенциальных условий нормализации отношений Алжира с государствами АГС. Методологически работа опирается на сравнительный анализ региональных интеграционных моделей, подход «регионального комплекса безопасности», а также на изучение официальных документов и научной литературы по проблематике Сахеля. Результаты исследования показывают, что устойчивое взаимодействие Алжира и АГС возможно только при сочетании силовых механизмов с институциональными каналами доверия и «позитивной повесткой», включающей экономические и гуманитарные проекты. Перспективы отношений оцениваются как умеренно ограниченные из-за кризиса доверия, однако сохраняется высокая взаимная зависимость, обусловленная общей угрозой терроризма, нелегальной миграции и приграничной нестабильности.

Ключевые слова: Алжир; Альянс государств Сахеля; АГС; Мали; Нигер; Буркина-Фасо; терроризм; миграция.

Abstract: the article is devoted to the analysis of relations between the Algerian People's Democratic Republic and the countries of the Alliance of Sahel States (Mali, Niger, Burkina Faso) in the context of the transformation of the regional security architecture in the 2020s. The reasons for the formation of the

AGS and its separation from the former mechanisms of regional governance, including ECOWAS and the G5 Sahel format, are considered, as well as the role of Algeria as a traditional mediator and one of the key actors in the Sahel–Sahara zone. Attention is paid to the contradictions on security issues, the fight against terrorism and transnational crime, migration and border control, as well as the influence of external players on the strategic decisions of the parties. The purpose of the study is to identify the factors of conflict and the potential conditions for the normalization of relations between Algeria and the AGS states. Methodologically, the work is based on a comparative analysis of regional integration models, the "regional security complex" approach, and the study of official documents.

Keywords: Algeria; Alliance of Sahel States; AGS; Mali; Niger; Burkina Faso; terrorism; migration.

Введение

В современных условиях глобальной трансформации безопасности и геополитических реалий африканский континент становится центром формирующихся стратегических взаимодействий между государствами Северной и Западной Африки. Важное значение в этом контексте приобретают отношения между Алжирской Народно-Демократической Республикой (Алжир) и странами Альянса государств Сахель (АГС) — Нигером, Буркина-Фасо и Мали. Эти отношения представляют собой некий компонент устойчивости и безопасности в стратегически чувствительном регионе Сахеля, обусловленном сложным сочетанием трансграничного терроризма, миграционных вызовов, социально-экономической нестабильности, а также конкуренции внешних акторов.

Актуальность исследования определяется сразу несколькими факторами. Во-первых, Сахель остается эпицентром экстремистской активности, вовлекая в вооруженные конфликты как внутренние группы, так и международные террористические сети (такие как Аль-Каида и Исламское государство). Это в своё время оказывает прямое влияние на безопасность Алжира как соседнего государства с протяженной границей. Во-вторых, интенсивные миграционные потоки, обусловленные кризисами в Ливии, Мали и других странах региона, затрагивают как внутренние социально-экономические условия Алжира, так и его внешнеполитические приоритеты.

В-третьих, недавние обвинения в адрес Алжира со стороны партнеров по Сахелю, а также периоды охлаждения и восстановления дипломатических контактов с такими странами, как Нигер и Буркина-Фасо, свидетельствуют о наличии сложного набора противоречий, влияющих на потенциал устойчивого сотрудничества в рамках АГС.

Современный международный контекст, включающий трансформацию региональных альянсов, усиление роли негосударственных акторов, а также нарастание конкуренции внешних держав (страны ЕС, США, Россия и Китай) за влияние в регионе, повышает значимость стратегического анализа взаимоотношений Алжира и государств Сахеля. Внимание к данным отношениям особенно важно и в свете сообщений о возобновлении контактов Алжира с Нигером и Буркина-Фасо, что может открыть новые перспективы партнерства, но также поставить перед сторонами ряд проблем, связанных с согласованием политических позиций по вопросам безопасности, миграции, социально-экономического развития.

Целью статьи является всестороннее исследование динамики и перспектив взаимоотношений между Алжиром и странами Альянса государств Сахель (в частности, внимание уделяется сложным вопросам безопасности, борьбе с терроризмом, миграции и международному сотрудничеству). Внимание также уделяется анализу исторических предпосылок, текущих вызовов и потенциала для укрепления стратегического партнерства в контексте региональной стабильности и глобальной политики. Исследование позволит выявить ключевые направления развития двусторонних и многосторонних взаимодействий, оценить степень их эффективности, а также наметить возможные пути преодоления существующих противоречий.

Исторический фонд и политические предпосылки

В начале XXI века Сахель стал одним из тех регионов международной безопасности, где пересекаются интересы государств Северной Африки, Западной Африки, а также международных и региональных акторов.

Центральную роль в этом пространстве занимает **Алжир**, крупнейшее государство Магриба, и новый военно-политический союз **Альянс государств Сахеля (AES)**, образованный **Мали, Нигером и Буркина-Фасо**. На текущий год отношения между Алжиром и странами АГС характеризуются глубокими стратегическими разногласиями, дипломатическими кризисами и конфликтами интересов, что требует комплексного анализа в рамках международных отношений, безопасности и региональной политики [1].

Регион Сахеля исторически характеризовался существенными вызовами безопасности, включая давние движения национально-освободительного характера (например, туарегские движения), а впоследствии — интенсивным распространением джихадистских группировок, начиная с 2012 года, когда террористические формирования захватили значительные территории на севере Мали. Динамика событий показывает, что неэффективность первоначальных международных и национальных военно-политических ответов после 2012 года позволила джихадистским группам укрепить своё влияние, а их действия со временем распространились на центральные и прибрежные регионы Западной Африки, становясь угрозой для государств, включая Алжир, который имеет протяжённую южную границу с Мали и Нигером и традиционно стремился стабилизировать регион через сочетание дипломатии и безопасности [2].

Первые серьёзные международные попытки создать региональную архитектуру безопасности включали **G5 Sahel**, объединение Буркина-Фасо, Мали, Нигера, Чада и Мавритании, созданное в 2014 году для координации ответов на угрозы терроризма, транснациональной преступности и обеспечения совместной безопасности. Однако после череды военных переворотов в каждом из трёх государств (Мали — 2020, Буркина-Фасо — 2022, Нигер — 2023) они вышли из G5 Sahel и ECOWAS, создав в сентябре 2023 года собственный **AES** — *Alliance des États du Sahel*, отражающий

стремление этих государств к автономному региональному сотрудничеству и коллективной обороне, включающему как военные механизмы, так и экономические компоненты сотрудничества [3].

Эта трансформация региональных альянсов сопровождается сменой внешних ориентиров — страны AES наращивают связи с Россией и другими государствами, что также фиксирует Российский совет по международным делам (РСМД) в своем анализе: после ухода западных государственных военных формирований Россия, Китай, Иран и Турция усиливают своё влияние, предоставляя военную, экономическую и политическую поддержку странам Сахеля, которые одновременно дистанцируются от прежних западных партнёров и ищут новые источники поддержки и легитимации своей власти и безопасности [4].

Алжир на протяжении значительного времени был важным региональным игроком, стремящимся обеспечить собственную безопасность и стабильность в зоне Sahel–Sahara через дипломатическое посредничество и интеграционные механизмы. Академические исследования указывают, что внешняя политика Алжира в отношении Сахеля всегда была обусловлена его собственной исторической борьбой с внутренним терроризмом и необходимостью дерадикализации, что определяет желаемую роль Алжира как «посредника» и конструктора стабильности, а не просто военного союзника одного из игроков региона [5].

АГС и Алжир – природа противоречий и стратегические столкновения

Отношения между Алжиром и АГС характеризуются постепенным ухудшением с середины 2020-х годов: если в начале десятилетия взаимодействие носило совместный характер в рамках борьбы с терроризмом и укрепления региональной стабильности, то после формирования АГС и политической консолидации военных хунт в странах Сахеля разногласия усилились.

Одним из ключевых эпизодов эскалации стало событие 31 марта 2025 года, когда Алжир заявил, что сбил **малийский военный беспилотник**, якобы нарушивший его воздушное пространство в районе Tin Zaouatine. АГС отверг эту версию и назвал сбитие незаконным актом, а страны АГС отзывали своих послов, что стало открытой демонстрацией дипломатического кризиса и существенного разрыва доверия между сторонами. Этот инцидент стал признаком глубоких стратегических расхождений в вопросах управления национальной безопасностью, понимания суверенитета и подходов к международному праву, отражая различие в акцентах: Алжир подчеркивал защиту национальных границ и суверенитета, тогда как АГС усматривал в действиях Алжира попытку вмешательства в дела партнеров и нарушение регионального порядка [6].

Этот конфликт демонстрирует фундаментальные проблемы доверия: стороны делают публичные обвинения друг в сторону друга в поддержке террористических групп или манипуляции эскалацией конфликтов, что усугубляет дипломатические отношения и препятствует формированию устойчивой региональной стратегии безопасности.

Также страны АГС стремятся укрепить свою самостоятельность и уменьшить зависимость от внешних акторов, в том числе от бывших колониальных держав и западных альянсов, что привело к выходу из ИСС и ECOWAS и отказу участия в прежних механизмах коллективной безопасности, которые до сих пор были опорой Алжира в политике взаимодействия с региональными партнёрами. Отказ от этих институтов и уход в сторону новых альянсов в сочетании с обвинениями в адрес международных структур свидетельствует о глубоком сдвиге в региональных представлениях о суверенитете и безопасности¹.

Безопасность, терроризм и транснациональные угрозы

¹ Reuters. 2025. Mali, Burkina Faso and Niger Announce Exit from International Criminal Court. 23 September. [reuters.com/world/africa/mali-burkina-faso-niger-announce-exit-international-criminal-court-2025-09-23/](https://www.reuters.com/world/africa/mali-burkina-faso-niger-announce-exit-international-criminal-court-2025-09-23/) (accessed 19.02.2026).

Основное поле для анализа противоречий — это область безопасности и борьбы с терроризмом, где тенденции последних лет можно выделить как структурную угрозу для всего Sahel–Sahara комплекса. Так, исследования показывают, что джихадистские организации, изначально активные на севере Мали в 2012 году, со временем расширили сферу влияния на Буркина-Фасо, Нигер и другие части региона, создавая тяжёлую ситуацию, в которой смертность и масштаб атак выросли драматически — к примеру, в 2023 году регион Сахеля стал местом почти половины всех зафиксированных глобальных смертей от терроризма и сопутствующих инцидентов².

Российский аналитический центр PIR тоже фиксирует значительное усиление террористической активности вплоть до **2-3 тысяч боевиков ИГИЛ и связанных структур против примерно 425 в 2018 году** и распространение современных технологий, включая использование ударных и разведывательных платформ и беспилотников, что увеличивает сложность борьбы с этими угрозами в приграничных районах и делает традиционные методы военного реагирования неэффективными или недостаточными [7].

Эти явления сопровождаются транснациональными угрозами в виде нелегальной торговли оружием, наркотиками, людьми и ресурсами, что ещё более усложняет комплексные меры безопасности. Исследование Regional Security Complex and Threat Dynamics of the Sahelian States подмечает, что взаимосвязанность угроз требует коллективных ответов, так как организация преступности и экстремизма не знают национальных границ, а страны региона остаются уязвимыми без согласованных стратегий и эффективного межгосударственного сотрудничества, что является ключевым вызовом для будущего взаимодействия АГС и Алжира [8].

Миграция, экономика, геополитическая конкуренция

Помимо вопросов безопасности, одним из центральных аспектов остаются **миграционный и гуманитарный факторы**. Постоянные боевые

² The Sahel Seeks Sovereignty. 2025. Tricontinental: Institute for Social Research. 12 August. thetricontinental.org/dossier-sahel-alliance-sovereignty/ (accessed 19.02.2026).

действия, отсутствие устойчивого экономического развития, климатические изменения и социально-экономическая нестабильность способствуют росту внутреннего и международного перемещения населения, увеличивая число внутренне перемещённых лиц и мигрантов. Это оказывает давление на соседние государства, включая Алжир, который стал одной из ключевых транзитных стран для мигрантов, стремящихся попасть в Европу через западно-средиземноморские коридоры. В то же время миграционный поток привёл к занятию Алжиром определённой роли в гуманитарной политике, требуя координации межгосударственных усилий, взаимодействия с ООН и международными гуманитарными организациями, а также разработки стратегий социальной интеграции и защиты прав мигрантов.

Экономические вызовы государств АГС усугубляются низкими показателями ВВП на душу населения, высокой бедностью, нехваткой инвестиций и структурой экономики, зависящей от ограниченного набора ресурсов, что снижает возможности правительств эффективно финансировать национальные армии и инфраструктуру безопасности без внешней помощи [8]. В таких условиях экономические дисбалансы становятся фактором социальной нестабильности и частично подпитывают поддержку вооружённых группировок, которые предлагают альтернативные формы власти и социального порядка в зонах слабо контролируемых государственными структурами.

Внешнеполитический поворот стран АГС от классических западных партнеров к новым союзникам, включая Россию, Китай, Иран и Турцию, усиливает геополитическую конкуренцию в регионе и влияет на альянсы и стратегические ориентиры Алжира. Эта динамика снижает влияние западных институтов, таких как Франция или ECOWAS, в пользу многосторонних и двусторонних отношений с пост-западными акторами, что создаёт дополнительные трения с Алжиром, который стремится сохранить независимый баланс внешних связей без чрезмерной зависимости от одного

крупного партнёра. Этот многоактерный контекст становится источником дополнительного давления, поскольку каждая сторона пытается гарантировать свои интересы в условиях глобальной геополитической конкуренции за влияние и ресурсы [9, 10].

Перспективы и сценарии развития

На текущий год можно говорить о том, что отношения Алжира со странами АГС находятся в состоянии нестабильного баланса. С одной стороны, сохраняются глубокие противоречия, особенно с Мали. С другой стороны, объективные угрозы безопасности делают сотрудничество необходимым. Именно поэтому появляются новости о возобновлении контактов Алжира с Нигером и Буркина-Фасо, а также о попытках восстановить дипломатические каналы.

Перспективы отношений во многом зависят от того, сможет ли АГС стать устойчивой интеграционной структурой. Международный опыт показывает, что для устойчивого существования интеграционных союзов недостаточно только оборонных обязательств. Нужна позитивная повестка, включающая экономическое развитие, инфраструктурные проекты, социальную интеграцию и институциональную поддержку. Если АГС останется исключительно военно-политическим союзом, он может быть эффективным в краткосрочной обороне, но будет слабым в долгосрочной стабилизации. Это означает, что Алжир, если он хочет влиять на регион, должен предлагать не только безопасность, но и экономическое сотрудничество, инфраструктуру, торговлю, а также различные гуманитарные проекты.

Возможный путь нормализации отношений может включать восстановление механизмов координации на границах, создание каналов военной связи для предотвращения инцидентов, подобных сбитию беспилотника, а также совместные инициативы по борьбе с терроризмом и преступностью. При этом реализация этих шагов требует политической

воли и доверия. Проблема в том, что доверие между Алжиром и Мали в текущем году находится на низком уровне, и восстановление может занять годы.

Заключение

Отношения Алжира со странами Альянса государств Сахеля в 2026 году представляют собой один из наиболее сложных кейсов африканской региональной политики. С одной стороны, Алжир объективно заинтересован в сотрудничестве с Мали, Нигером и Буркина-Фасо, поскольку безопасность южных границ и предотвращение проникновения террористических и криминальных сетей являются критически важными задачами. С другой стороны, политическая трансформация государств АГС, их идеология суверенитета и разрыв с прежними региональными и западными структурами привели к усилению противоречий.

Особенно напряженной остается линия Алжир — Мали, где конфликты вокруг туарегского вопроса, мирного процесса и военных инцидентов приводят к дипломатическим кризисам. Нигер и Буркина-Фасо, напротив, демонстрируют больше признаков прагматического взаимодействия с Алжиром, что может стать основой для постепенной нормализации. Однако общий контекст безопасности, рост терроризма, миграционные потоки и геополитическая конкуренция внешних акторов продолжают создавать нестабильность.

В долгосрочной перспективе устойчивость отношений Алжира и АГС будет зависеть от того, смогут ли стороны перейти от конфликтного взаимодействия к институционализированному сотрудничеству, включающему не только силовые меры, но и экономическое развитие, гуманитарные механизмы, а также политическое урегулирование локальных конфликтов. Без этого Сахель останется зоной хронической нестабильности, что будет угрожать не только государствам АГС, но и самому Алжиру, а также более широкому региону Северной Африки и Средиземноморья.

Список литературы:

1. Четвериков А.О. Конфедерация государств Сахеля — новый интеграционный альянс стран «глобального Юга» (юридические аспекты). *Международное право*. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71373.
Chetverikov A.O. 2024. Confederation of Sahel States as a New Integration Alliance of the «Global South» Countries (Legal Aspects). *Mezhdunarodnoe pravo*. No. 2. (In Russ.). DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71373.
2. Haidara B. 2023. The Spread of Jihadism in the Sahel. Part 1. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. Vol. 16. Pp. 365–376. DOI: 10.1007/s12399-023-00969-1
3. Najimdeen H.A. 2025. The Sahel's Shifting Sands: How Security Landscape is Redrawing Regional Alliances. Al Jazeera Centre for Studies. 27 March. studies.aljazeera.net/en/analyses/sahels-shifting-sands-how-security-landscape-redrawing-regional-alliances (accessed 18.02.2026).
4. Постникова Е. Три претендента на «сахельскую тройку». РБК: газета. 2025. № 117 (4147), 24 сент.
Postnikova E. 2025. Three Contenders for the «Sahelian Troika». *RBC Newspaper*. No. 117 (4147), September 24. (In Russ.).
5. Джамель Б.А. Роль Алжира в обеспечении безопасности Северной Африки. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2018. Pp. 120–126.
Dzhamel B.A. 2018. The Role of Algeria in Ensuring Security in North Africa. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. Pp. 120–126. (In Russ.).
6. McMakin S., Metz S., Ahmed B. 2025. Drone Downing Sparks Diplomatic Fallout Between Algeria and Sahel Countries. *AP News*. 6 April. apnews.com/article/mali-algeria-sahel-alliance-drone-a42b34f060eb91edb28da49687cf8c5a (accessed 19.02.2026).
7. Zubenko A.S. 2025. The Sahel Region: Political Transformation, Security Dynamics and Opportunities for Russia. *PIR Center Occasional Paper*. No. 1 (45). 13 November. pircenter.org/editions/security-and-resources-of-the-sahel-challenges-and-opportunities-for-russia-in-the-context-of-political-instability/ (accessed 19.02.2026).
8. Idahosa S.O., Savicheva E.M., Ikhidero S.I., Adebayo K.M. 2023. Regional Security Complex and Threat Dynamics of the Sahelian States. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 23. No. 1. Pp. 67–87. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87
9. Naazneen H. Barma, James Goldgeier. 2022. How Not to Bridge the Gap in International Relations. *International Affairs*. Volume 98, Issue 5, September 2022. Pp. 1763–1781. DOI: 10.1093/ia/iiacl02
10. Rudolph R.M. 2024. China and the Islamic State in the Sahel: An Assessment of Potential Threats to Chinese Interests in the Central Sahel. *Journal of Central and Eastern European African Studies*. Vol. 3, No. 4. Pp. 3–30. DOI: 10.59569/jceas.2023.3.4.218.

Глубокая Ольга Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры политической теории
Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Olga A. Glubokaya,
Senior Lecturer at the Department of Political Theory of the
Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

EUROPEAN VALUES AS A FOREIGN POLICY AGENDA

Аннотация: в статье анализируется роль европейских ценностей (демократия, права человека, верховенство права) в качестве инструмента внешней политики Европейского союза. Рассматривается эволюция ценностной повестки от постмодернистского идеала к инструментальному использованию в условиях геополитических вызовов. Особое внимание уделяется противоречиям между декларируемыми ценностями и реальной политикой ЕС в Средиземноморье и в отношениях с соседними странами. Делается вывод о кризисе ценностного универсализма и переходе к более прагматичной модели.

Ключевые слова: европейские ценности, внешняя политика ЕС, демократия, права человека, мягкая сила, Средиземноморье, ценностный прагматизм, евросекулярность.

Abstract: the article analyzes the role of European values (democracy, human rights, rule of law) as a tool of the European Union's foreign policy. The evolution of the value agenda from a postmodern ideal to instrumental use in the context of geopolitical challenges is examined. Special attention is paid to the contradictions between declared values and the EU's real policy in the Mediterranean and in relations with neighboring countries. The conclusion is drawn about the crisis of value universalism and the transition to a more pragmatic model.

Keywords: European values, EU foreign policy, democracy, human rights, soft power, Mediterranean, value pragmatism, Eurosecularity.

Введение

Европейский союз на протяжении десятилетий позиционировал себя не только как экономическое и политическое объединение, но и как носитель универсальных ценностей, призванных служить ориентиром для всего мира. Однако в последние годы ценностная риторика Брюсселя всё чаще

сталкивается с обвинениями в двойных стандартах, политической ангажированности и даже неокOLONиализме. Как отмечается в современных исследованиях, само понятие «европейские ценности» в отечественном дискурсе приобрело преимущественно негативные оттенки [6, с. 310]. В то же время европейские ценности сохраняют шансы быть востребованными благодаря своему внутреннему плюрализму и многовековой традиции [9, с. 44]. Цель данной статьи – выявить эволюцию, механизмы и противоречия использования европейских ценностей как внешнеполитической повестки ЕС.

Актуальность исследования обусловлена не только внутренним кризисом ценностной повестки, но и острой конкуренцией нарративов в Средиземноморье и Африке. Доминирование Запада оспаривается Россией и Китаем, активно расширяющими влияние через партнёрства с десятками стран и продвигающими альтернативные нарративы – антиколониализм, прагматизм, критику западных двойных стандартов [3, с. 152]. Это свидетельствует о кризисе привлекательности западных ценностей как «мягкой силы».

Теоретические рамки: ценности как инструмент «мягкой силы» и цивилизационной идентичности

Европейские ценности традиционно связывают с концепцией «нормативной силы Европы», согласно которой ЕС оказывает влияние на международные отношения не столько военными или экономическими рычагами, сколько через продвижение своих норм и стандартов. В основе этого подхода лежит убеждение в универсальности европейской модели демократии, прав человека и верховенства закона. Как подчёркивается в работах по истории формирования аксиологической системы Европы, «система ценностей является, по сути, связующим звеном между общей европейской цивилизацией и ее национально-культурными компонентами» [13, с. 70].

Однако, если рассматривать международные отношения не как линейный прогресс, а как череду циклов стабильности и транзитов, сопровождающихся всплесками насилия [4, с. 22–24], то ценностная повестка ЕС оказывается не столько бескорыстным моральным императивом, сколько инструментом геополитической конкуренции.

Показательно, что даже в языке европейских стран закреплено особое отношение к ценностной лексике. Так, в немецкой политической культуре существует терминологическое различие между ценностями в духовном смысле (*werte*) и ценами на товары и услуги (*preise*), что подчёркивает их онтологическую раздельность [8, с. 13], аналогичные оппозиции закреплены во французском (*valeurs / prix*), итальянском (*valori / prezzi*) и испанском (*valores / precios*). Этот лингвистический нюанс косвенно указывает на то, что в европейской традиции ценностные ориентиры изначально не сводились к экономической целесообразности, однако в современной внешнеполитической практике они всё чаще инструментализируются.

Важным теоретическим дополнением служит концепция «множественных современностей», которая позволяет отказаться от европоцентричного взгляда на модернизацию. Согласно этой концепции, западные паттерны современности не являются единственными «аутентичными» современностями, а их претензия на универсальность исторически несостоятельна [11, с. 6; 12, с. 78–79].. Это означает, что попытки ЕС утвердить свои ценности в качестве универсальных неизбежно встречают сопротивление в незападных обществах, особенно тех, где сильны иные культурные и религиозные традиции.

Институциональное закрепление ценностной повестки в политике ЕС

Юридическая эволюция ценностей ЕС прошла путь от расплывчатой концепции «общего достояния» (*acquis communautaire*) до конкретного перечня в Лиссабонском договоре. Сегодня ст. 2 Договора о Европейском союзе гласит: «Союз основан на ценностях уважения человеческого

достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам» [15; 6, с. 313]. Эти ценности стали обязательными «копенгагенскими критериями» для стран-кандидатов на вступление в ЕС [9, с. 36].

Однако внешняя политика ЕС часто носит характер «двух треков»: наднациональные структуры в Брюсселе и национальные правительства крупных государств-членов (Германии, Франции, Италии) не всегда действуют в унисон. Область внешней политики ЕС превратилась в коллективный инструмент лишь частично, а вопросы обороны и безопасности в основном остаются в суверенном ведении стран-членов [4, с. 45]. Это создаёт разрыв между декларируемыми ценностями и реальными возможностями их продвижения.

Важным изменением последних лет стала секьюритизация публичной дипломатии ЕС. Как отмечается в исследованиях, после кризиса 2008 г. подчёркивание уникального, многостороннего и мирного характера ЕС ослабевает, уступая первенство повестке внешней угрозы. В 2015 г. была создана рабочая группа по стратегическим коммуникациям на Востоке (East StratCom), нацеленная на противодействие «российской дезинформации». При этом под дезинформацией понимаются не только заведомо ложные сообщения, но и «нежелательные» мировоззренческие установки [10, с. 21]. Тема внешней угрозы становится инструментом консолидации интеграционного проекта и обоснования расширения полномочий наднациональных органов ЕС [10, с. 26–27]. После принятия «Стратегического компаса» 2022 года в ЕС всё чаще звучат призывы говорить на языке силы [7, с. 2], что знаменует отход от постмодернистской мягкой силы к более традиционной геополитике.

Средиземноморье и Центральная Европа как проверка ценностной повестки

Наиболее наглядными примерами противоречий ценностной политики ЕС являются Средиземноморский регион и Центральная Европа. После «арабской весны» Евросоюз попытался продвигать демократию и права человека в Северной Африке, но столкнулся со сложностями реализации этих инициатив. Политика соседства, включая Восточное партнёрство, потерпела крах [4, с. 123]. Вместо демократизации регион погрузился в гражданские войны (Ливия, Сирия), что привело к беспрецедентному миграционному кризису.

Одновременно страны ЕС демонстрируют двойственное отношение к мигрантам. Опросы показывают, что, с одной стороны, большинство европейцев приветствуют развитие толерантного и многокультурного общества, а с другой – почти половина респондентов уверена, что национальные и религиозные меньшинства злоупотребляют системой социальных пособий [8, с. 17]. Эта амбивалентность подрывает легитимность ценностной риторики ЕС.

В Центральной Европе после начала специальной военной операции на Украине страны региона поддержали Киев, а Вашингтон использовал их как инструмент продвижения собственных интересов на уровне ЕС. США сумели усилить позиции своих энергетических компаний, используя риторику центральноевропейцев о полном отказе от торгово-экономического сотрудничества с Россией [1, с. 35–36]. При этом Центральная Европа стала восприниматься как регион, сдерживающий российскую и китайскую угрозы, что высвободило возможности Соединённых Штатов для работы на других направлениях [1, с. 37–38].

Показательны и отдельные внешнеполитические инициативы стран-членов. Например, Италия выдвинула программу сотрудничества с Африкой («план Маттеи»), провозглашающую принципы равноправного партнёрства и устойчивого развития [2, с. 22–24]. Однако, как показывает анализ, подобные инициативы сталкиваются с внутренними противоречиями: избыточный прагматизм, разрыв между риторикой равноправия и реальным фокусом на

энергетической безопасности Европы, а также острая нехватка ресурсов [3, с. 162]. Это обнажает фундаментальную дилемму: попытка предложить привлекательный нарратив наталкивается на ограниченность возможностей и необходимость учитывать собственные интересы.

Противоречия и критика ценностной повестки

Критика европейских ценностей как внешнеполитического инструмента ведётся по нескольким направлениям. Во-первых, это указание на двойные стандарты: ЕС требует соблюдения прав человека от третьих стран, одновременно закрывая глаза на их нарушения внутри самого союза. В частности, дискриминация русскоязычного населения в Латвии и Эстонии долгие годы оставалась без должной реакции Брюсселя [4, с. 187].

Во-вторых, само понятие «европейские ценности» часто интерпретируется как постхристианское и постсекулярное, что вступает в конфликт с традиционными ценностями обществ Восточной Европы, России и исламского мира. Российские дипломаты характеризуют эти ценности как «нечто новое, уже осовремененное и вседозволенное», что коренным образом расходится с ценностями, передаваемыми из поколения в поколение в России [6, с. 310].

В-третьих, внутренний кризис ЕС – политическая нестабильность во Франции, рост поддержки правых партий в Германии, брекзит – подрывает способность союза быть моральным авторитетом. Согласно «Европейской аналитике 2025», политический кризис во Франции охватил все ветви власти, а Национальное собрание разделено на три непримиримых блока [5, с. 111]. В таких условиях ценностная риторика выглядит как попытка отвлечь внимание от внутренних проблем.

Более того, как отмечает французский политолог Стефан Розес, кризис Европы связан с тем, что её институты противоречат европейскому коллективному воображению, основанному на конкретном универсализме – способности строить общее на основе многообразия. Пытаясь обойти нации и сблизить народы через унифицированные процедуры, Евросоюз подорвал

собственную опору – на народы, оформившиеся в процессе истории как нации [14, с. 4–5]. Это породило недоверие к правящим элитам, вспышки изоляционизма и популизма.

Наконец, конкуренция с Россией и Китаем дополнительно снижает привлекательность европейской модели. Россия предлагает прагматичное, неидеологизированное партнёрство, а Китай – нарратив «взаимовыгодного сотрудничества» (win-win), фокусируясь на масштабных инфраструктурных проектах [3, с. 157]. Способность предоставлять ресурсы без явных политических условий делает эти страны привлекательными партнёрами для многих правительств региона, разочарованных условиями западной помощи.

От ценностного универсализма к стратегическому прагматизму

В поиске своего места в конкурентной среде ЕС сталкивается с фундаментальными дилеммами. Ключевой остаётся баланс между трансатлантической солидарностью и необходимостью диверсификации партнёров. Другая дилемма – сочетание интересов ЕС (безопасность границ, энергетическая стабильность) с подлинными потребностями развития партнёров на Юге (преодоление бедности, создание рабочих мест) [3, с. 163–164]. Узкий фокус на первом рискует воспроизвести критикуемый транзакционный подход.

Как отмечается в исследованиях, крен публичной дипломатии ЕС в секьюритизацию является частью более масштабных процессов внутри Союза, связанных с борьбой за ресурсы и полномочия высшей бюрократии под лозунгами «геополитической Комиссии» [10, с. 27]. Если комплекс уже принятых решений и планов ЕС в сфере борьбы с дезинформацией будет полностью реализован, то основные гуманитарные программы ЕС (научные исследования, академическая мобильность, культура) могут принять ярко выраженный конфронтационный характер в отношении России, а в перспективе – и Китая [10, с. 27–28].

Возможная стратегия выхода из кризиса включает несколько элементов: углубление подлинного партнёрства через инвестиции в

образование и создание рабочих мест; принятие принципа «неэсклюзивного сотрудничества» – готовность взаимодействовать с Россией и Китаем по конкретным вопросам (стабильность, развитие инфраструктуры, борьба с терроризмом) без втягивания в идеологическую конфронтацию; а также комплексный подход к увязке безопасности и развития [3, с. 164–165]. Как подчёркивает Розес, если бы институты Европы соответствовали её историческому духу, она могла бы вновь вернуть себе место в Истории и стать мостом между Западом и цивилизациями Глобального Юга [14, с. 12].

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Европейские ценности прошли долгий путь институционализации, но их внешнеполитическое использование страдает от двойных стандартов и неспособности учесть культурное многообразие мира. Кризисные явления внутри ЕС – экономическая стагнация, миграционный кризис, рост популизма – подрывают моральный авторитет союза. На смену ценностному универсализму приходит стратегический прагматизм, особенно в сфере безопасности и обороны, что наглядно демонстрирует секьюритизация публичной дипломатии и коммуникаций ЕС.

Анализ конкретных направлений внешней политики ЕС (средиземноморская политика, роль Центральной Европы в евроатлантической системе, трансформация публичной дипломатии) показывает, что ценностная внешнеполитическая повестка объединения находится в глубоком кризисе. Декларируемые принципы равноправного партнёрства, демократии и прав человека вступают в противоречие с прагматическими интересами (энергетика, миграция, геополитическое соперничество), а также с ограниченностью ресурсов. Конкуренция со стороны России и Китая, предлагающих альтернативные нарративы, дополнительно снижает привлекательность европейской модели.

Вместе с тем полицентричный характер современного миропорядка исключает изоляцию России, а значит, диалог о ценностях неизбежно

продолжится. Перспективы европейской ценностной повестки будут зависеть от способности ЕС преодолеть внутренние противоречия, выработать более гибкий, плюралистический подход к взаимодействию с другими цивилизациями и перейти от деклараций к реальным действиям, подкреплённым адекватными ресурсами и готовностью к неэсклюзивному сотрудничеству. Без этого европейские ценности рискуют окончательно превратиться из инструмента «мягкой силы» в объект критики и отторжения на Глобальном Юге.

Список литературы

1. Ведерников М.В. Центральноевропейское направление внешней политики США: от «бархатных революций» до украинского кризиса // Современная Европа. 2025. № 3. С. 31–42.
2. Глубокая О.А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 3. С. 19–30.
3. Глубокая О.А. Конкуренция за влияние в Средиземноморье: нарративы, интересы и место Италии // Вестник учёных-международников. 2025. № 3 (33). С. 152–166.
4. Громыко Ал.А. О насущном: Европа и современный мир. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. – 232 с.
5. Европейская аналитика 2025 / под общ. ред. К.Н. Гусева. – М.: ИЕ РАН, 2025. – 202 с.
6. Миронов В.В. Европейские интересы и европейские ценности: общие перспективы анализа или ложная дихотомия? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 3. С. 309–319.
7. Неймарк М. Что показывает «Стратегический компас» Европы. – М.: ИЕ РАН, 2022. – 10 с.
8. Орлов Б.С. Ценностные подходы в европейской политике. – М.: ИЕ РАН, 2003. – 46 с.
9. Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы. – М.: ИЕ РАН, 2013. – 56 с. (Доклады Института Европы № 297).
10. Сутырин В.В. Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы // Современная Европа. 2021. № 6. С. 17–29.
11. Тимакова О.А. Структурные ограничения "стратегической автономии" ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: роль политики США и КНР / О.А. Тимакова // Азия и Африка сегодня. – 2025. – №11. – С. 5-13.
12. Шангараев Р. Н. Мультикультурализм в политическом процессе Европейского союза: от кросс-культурного конфликта к

- межконфессиональному взаимодействию / Р. Н. Шангараев, О. А. Тимакова // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 3(25). – С. 69-82.
13. Шкалина Г.Е. Европейские ценности: история формирования // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 1. С. 69–78.
14. Розес С. Исторический дух Европы и её коллективное воображение // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 1. С. 38–50.
15. Consolidated version of the Treaty on European Union. As amended on 1 Mar 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu_2016/oj (accessed 29.12.2025).

Овсянникова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, Научно-исследовательский
центр проблем национальной безопасности, Москва
e-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

Olga A. Ovsyannikova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Executive Director
Scientific Research Center for National Security Problems, Moscow,
e-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

**СТРЕМЛЕНИЕ К ПЕРЕХОДУ К МНОГОПОЛЯРНОЙ,
ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ И КОНКУРЕНТНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СИСТЕМЕ В СТРАТЕГИЯХ КИТАЯ, ИНДИИ, БРАЗИЛИИ И
ВЕДУЩИХ СТРАН АФРИКАНСКИХ СТРАН «ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА»**

**ASPIRATION FOR TRANSITION TO A MULTIPOLAR,
FRAGMENTED, AND COMPETITIVE INTERNATIONAL SYSTEM IN
THE STRATEGIES OF CHINA, INDIA, BRAZIL AND LEADING
AFRICAN COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH**

Аннотация: статья посвящена анализу становления и эволюции концепции многополярного мира в современной системе международных отношений. Рассматриваются истоки формирования данной идеи, включая российско-китайскую декларацию 1997 года и вклад Е.М. Примакова, а также ее развитие в политических стратегиях Китая, Индии, Бразилии и стран Африки. Особое внимание уделяется институциональным механизмам реализации многополярности, таким как БРИКС и ШОС, а также инициативам Китая в области глобального управления. Анализируются экономические и политические тенденции, свидетельствующие о перераспределении мирового влияния в пользу стран глобального Юга. Делается вывод о том, что многополярность становится объективной характеристикой мировой политики, сопровождающейся усилением регионализации, ростом автономии государств и трансформацией существующих международных институтов в условиях глобальной конкуренции.

Ключевые слова: многополярность, международные отношения, БРИКС, ШОС, глобальное управление, Китай, Индия, Бразилия, глобальный Юг, мировой порядок.

Abstract: the article examines the formation and evolution of the concept of a multipolar world in the contemporary system of international relations. It explores the origins of this idea, including the 1997 Russian-Chinese declaration and the contribution of Yevgeny Primakov, as well as its development in the foreign policy strategies of China, India, Brazil, and African states. Particular attention is paid to institutional mechanisms supporting multipolarity, such as

BRICS and the Shanghai Cooperation Organization, along with China's global governance initiatives. The paper analyzes economic and political trends indicating a redistribution of global influence in favor of the Global South. It concludes that multipolarity is becoming an objective feature of world politics, accompanied by regionalization, increased state autonomy, and the transformation of existing international institutions under conditions of intensifying global competition.

Keywords: multipolarity, international relations, BRICS, Shanghai Cooperation Organization, global governance, China, India, Brazil, Global South, world order.

Введение

Современная система международных отношений переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную снижением гегемонии США и какого бы то ни было влияния других стран коллективного Запада. Закономерным следствием данного процесса стало укрепление позиций на мировом уровне акторов так называемого «глобального Юга», и их стремления к многополярному миру.

Переход к многополярности проявляется в стратегиях России, Китая, Индии, коалиций БРИКС, ШОС и других ведущих государств и межгосударственных образований мирового большинства. В документах стратегического планирования данных акторов геэкономика, технологическое соперничество и институциональные альтернативы либеральному порядку выступают ключевыми инструментами. В реальной политической практике, таким образом, идет процесс реализации основных положений концепции многополярности. В странах Востока и «глобального Юга», где идеи антигегемонизма и равноправия имеют глубокие исторические корни, концепция многополярности (в различных формах и проявлениях) используется для конструирования новой политической реальности, образа желаемого будущего и идейной платформы коллективных действий [2].

Методология и методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, сочетающий элементы теорий международных

отношений. Это позволяет всесторонне проанализировать процесс формирования многополярного миропорядка как результат взаимодействия политических, экономических и институциональных факторов. В статье используется системный подход, позволяющий рассматривать международные отношения как динамичную и взаимосвязанную систему, в которой изменения в одном элементе оказывают влияние на другие.

Основными методами исследования выступают сравнительный анализ, направленный на выявление особенностей внешнеполитических стратегий ключевых акторов (Китая, Индии, Бразилии и других стран «глобального Юга»), а также историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию концепции многополярности с конца XX века до современного этапа. Применяется контент-анализ официальных документов и международных деклараций, что обеспечивает выявление ключевых смысловых ориентиров и концептуальных установок.

Обсуждение результатов

В официальный оборот концепция многополярности была введена одновременно с принятием российско-китайской декларации «О многополярном мире и формировании нового международного порядка» (1997 г.) [13]. Декларация определила стратегическое направление внешней политики двух государств. При этом её важнейшим значением стала провозглашение в качестве конечной цели российско-китайских усилий создание многополярного мира, системы международных отношений, где ни одна страна не будет навязывать другой свою волю.

Разработка и подписание Декларации стали отражением позиции не только России и Китая, но и ряда других стран в отношении гегемонистских устремлений США и их союзников по утверждению американоцентричного однополярного мирового порядка.

Одним из первых идею многополярности озвучил министр иностранных дел России Е.М. Примаков. По его оценкам, движение в сторону «многополюсного мира» началось задолго до официального

окончания «холодной войны», но тормозилось логикой блокового противостояния двух сверхдержав – СССР и США. В своей программной статье в журнале «Международная жизнь» в октябре 1996 года он обозначил переход к многополярности как магистральную тенденцию мирового развития. В числе необходимых условий формирования нового полицентричного миропорядка Е.М. Примаков выделил:

- недопущение появления новых разделительных линий;
- освобождение от менталитета «ведущий – ведомый»;
- демократизацию международных экономических отношений, включая «отказ от использования экономических средств в эгоистических политических целях»;
- налаживание широкого международного сотрудничества для эффективного решения ключевых проблем современности.

Отдельно акцентировалось внимание на проблеме создания в Европе новой архитектуры безопасности на принципах ее равенства и неделимости. При этом в качестве главного механизма в деле перехода к многополярному миру называлась Организация Объединенных Наций [12].

В 1998 году Е.М. Примаков уже в статусе Председателя Правительства Российской Федерации впервые придал этой идейной конструкции практическое измерение в свете формирования трехсторонней кооперационной структуры «Россия – Индия – Китай» (РИК), в которой он увидел прикладной инструмент для строительства многополярности международных отношений.

Позиционирование РИК как одного из потенциальных центров многополярного мира нашло поддержку и в Индии. Так, в декабре 1999 года в Джайпуре состоялась XXVI национальная конференция Индийского Общества сотрудничества и дружбы (ИСКАФ). Итогом ее работы стало принятие пяти резолюций, среди которых по своему значению выделяется «Резолюция по построению стратегического “треугольника” между Индией, Россией и Китаем», где, в частности, отмечается, что две великие азиатские

державы – Индия и Китай – вместе с великой евроазиатской державой – Россией – составляют «краеугольный камень» будущего многополярного мира. «Стратегический “треугольник” Индия – Китай – Россия ... имеет целью внесение необходимых корректив в существующий несправедливый и неравноправный однополярный мировой порядок» [15].

Большой интерес к концепции многополярности в этот период проявили и китайские ученые и специалисты в области международных отношений. В китайской интерпретации идею многополярности (доцзихуа) впервые озвучил в 1997 году тогдашний председатель КНР Цзян Цзэминь. Она стала констатацией нежелания Китая терпеть проявления неравноправия в международных отношениях, свойственные однополярной системе.

Чуть позже министр иностранных дел КНР Тан Цзя сюань по сути разделил позицию Е.М. Примакова относительно того, что общая тенденция мирового развития заключается в движении к многополярности международных отношений, путь к которой «может быть тернист и долог, но историческая тенденция необратима. Все попытки установить «однополярный мир» или монополизировать международные дела обречены на фиаско» [15, с. 71].

В китайской трактовке концепция многополярности предполагает, что главная роль в мировой политике должна принадлежать нескольким центрам влияния, «которые не станут стремиться к гегемонии ни порознь, ни вместе». Поэтому они «не должны вступать между собой ни в какие союзы», и именно это должно стать залогом естественного вызревания баланса мировых сил. (Данное положение полностью вписывается в неблоковый принцип китайской внешней политики) [15].

По мнению Е.И. Сафроновой, важная заслуга политического руководства КНР состоит в том, что во многом благодаря его усилиям идея многополярности была распространена по всему развивающемуся миру, пройдя красной нитью почти во всех документах, принятых Китаем с 1990-х

годов на форумах и встречах с лидерами развивающихся государств [15, с. 24].

Имея поначалу весьма ограниченный круг сторонников, в том числе внутри самой России, идея многополярности от года к году обретала притягательность. К ней потянулись те, кто осознавал ущербность навязываемых Западом моделей и стремился к развитию без ущерба для суверенитета и самобытности.

«Многополярность» стала обозначать объективный процесс рассредоточения мирового потенциала развития, укрепления новых самостоятельных центров экономического роста и принятия политических решений.

Практическими мерами, способствовавшими продвижению идеи многополярного мира, стали введение единой европейской валюты евро в безналичное обращение (1999 г.), создание ШОС (2001 г.) и БРИКС (2006 г.), принятие Лиссабонского договора, изменившего систему управления Евросоюза (2007 г.). Эти и другие внешнеполитические акции России, Китая, Индии, Бразилии и ЕС, направленные на обеспечение автономности подтолкнули многие крупные страны и организации к претворению в жизнь потенциала собственной международно-политической субъектности.

Наиболее отчетливо это проявляется в мировой экономике и торговле. Так, в частности, за период с 2000 по 2024 год доля пяти стран – основательниц БРИКС в глобальном ВВП по ППС выросла с 17,4 до 34,1%, а стран «Группы семи» (G – 7) сократилась с 44,5 до 28,8%. Этот разрыв продолжает увеличиваться и, по прогнозам МВФ, к 2030 году достигнет 10% (пять стран – основательниц БРИКС – 36,3%, «Группа семи» – 26,3%) [2].

Экономический подъем развивающегося мира, рост влияния крупных объединений развивающихся государств стали решающими факторами усиления их позиций в современной системе международных отношений. Так, если в 1980 году на развитые страны приходилось 75,4 % мирового ВВП, а на развивающиеся страны менее 25 %, то к 2021 году доля первой

группы в мировом ВВП упала до 57,8 %, а доля второй повысилась до 42,2 %. При этом, по данным китайских специалистов, на долю развивающихся стран в настоящее время приходится более 70 % вклада в прирост мировой экономики [3].

В значительной мере утверждению многополярности способствует также развитие странами «мирового большинства» моделей сотрудничества, снижающих их зависимость от Запада. Таковыми, в частности, являются организации ШОС и БРИКС+, развитие и расширение которых стало одним из наиболее значимых трендов современного мирового политического процесса. В условиях эскалации геополитической напряженности данные организации демонстрируют беспрецедентный рост своего влияния на всю геополитическую ситуацию, в том числе потенциал по реформированию современной глобальной финансовой системы, основанной на гегемонии доллара [5].

Одновременно с этим идет процесс регионализации международных отношений и кризис подконтрольных США и ЕС многосторонних механизмов взаимодействия. Фактически международные отношения обрели многополярный характер: потенциал незападных центров продолжает увеличиваться, а способность стран «коллективного Запада» навязывать свою волю «мировому большинству» – сокращаться. Это особенно стало очевидным на фоне реализации основных положений внешней политики США, дистанцирующихся в последнее время от интересов стран Европейского союза и некоторых других своих бывших союзников. Все это открывает возможности для развития интеграции стран мирового большинства и усиления их роли и значения в мировой политике.

Очевидно, что именно на достижение данных целей в процессе перехода к многополярному миру ведущих стран «мирового большинства» – России, Китая, Индии, Бразилии и их партнеров и союзников направленно их стратегическое планирование внешнеполитической деятельности.

Наиболее отчетливо это прослеживается в эволюции внешней политики Китая, прошедшей путь от концепции «скрывать силы, ждать времени», принятой на вооружение в 1990-х годах к инициативе глобального управления, обнародованной председателем КНР Си Цзиньпином на расширенном заседании «ШОС +» 1 сентября 2025 года [8].

Инициатива по глобальному управлению, по мнению китайских дипломатов, является очередной важной инициативой Китая наряду с Инициативой по глобальному развитию, Инициативой по глобальной безопасности и Глобальной инициативой по цивилизациям. Сущность основных положений данных концепций (инициатив) сводится к следующему:

- Инициатива по глобальному развитию (сентябрь 2021 г.) направлена на продвижение международного сотрудничества в области развития;
- Инициатива по глобальной безопасности (апрель 2022 г.) – на разрешение международных споров путем диалога и консультаций;
- Глобальная инициатива по цивилизациям (март 2023 г.) – на развитие обменов и взаимное обогащение цивилизаций;
- Инициатива по глобальному управлению – на выработку направлений, принципов и путей реформирования системы глобального управления.

Данные инициативы имеют свои приоритеты и могут осуществляться параллельно.

Провозглашение Китаем данных инициатив стало своего рода апелляцией, прежде всего, к развивающимся странам, поскольку практическое наполнение указанных инициатив должно способствовать смягчению проблемы экономического разрыва между «глобальным Югом» и «глобальным Севером».

Основная концепция Инициативы по глобальному управлению совпадает с целями и принципами Устава ООН и отвечает общему ожиданию

подавляющего большинства стран. Ее содержание определяют пять основных принципов

Первый раскрывает сущность глобального управления: необходимость демократизации международных отношений, равноправного участия в глобальном управлении и получение от этого выгоды для развивающихся стран, «независимо от размера, мощи и благосостояния».

Второй и третий принципы требуют соблюдения международного права, определяют роль ООН, содержат критику односторонних действий, политики двойных стандартов и навязывания «своих домашних порядков» (США и странами Запада).

Четвертый принцип относится больше к социальным аспектам глобального управления: новый подход должен быть ориентирован на людей, обеспечивать участие в глобальном управлении народов всех стран, преодолевать разрыв между Севером и Югом, защищать общие интересы всех стран.

Пятый принцип определяет порядок действий, направленных на формирование и развитие предложенного мирового порядка: систематическое планирование развития, общая координация глобальных действий и прагматичное сотрудничество, более полное использование ресурсов. В этой связи отмечена необходимость разработки альтернативной платежной системы, создания Банка развития ШОС, выделяется помощь в рамках ШОС.

В целом же очевидно, что современная стратегия Китая по трансформации международного порядка представляет собой системный проект по созданию параллельной архитектуры глобального управления, сочетающий геοэкономику, институциональные инновации и нормативную дипломатию.

Китайские политологи отмечают, что КНР стоит перед необходимостью серьезно рассмотреть в качестве главной стратегической задачи создание новой системы, не заменяющей западную, но параллельную

ей. В Китае полагают, что развитие новой международной системы и активное участие в существующей системе – это два процесса, которые могут идти одновременно и без конфликтов, и в которых две системы неизбежно взаимопроникают друг в друга [16].

Это обусловлено тем, что Китай в свое время извлек немалую пользу из экономической глобализации «по-западному». Не приемля политическую глобализацию как угрозу суверенности развивающихся стран, китайские руководители не раз заявляли о необходимости использовать «плюсы» глобализации экономической.

В условиях хаотизации и фрагментации мировой экономики Китай выступает защитником глобализации, но на новых принципах, привлекательных для стран мирового большинства. Таковыми, по мнению китайских специалистов, являются:

- сохранение суверенитета и равноправие всех стран, защита их общих интересов;
- участие народов всех стран в управлении;
- координация действий стран;
- развитие бедных стран «глобального Юга»;
- поддержание порядка, основанного на международном праве и критика его нарушений отдельными странами.

Эти положения давно продвигаются Китаем, а также другими ведущими странами «мирового большинства», но их реализация осознанно сдерживается странами Запада, стремящимися сохранить свои исторические преимущества и гегемонию в рамках концепции «Rules-Based Order» (порядка, основанного на правилах), продвигаемой западными державами, призванной отразить желательное, с их точки зрения, мироустройство и сущность современных международных отношений.

Таким образом, руководство КНР пытается осуществить собственную корректировку экономической глобализации, отмечая полезность для нее таких свойств, как открытость, инклюзивность, сбалансированность и

выгодность для всех. Новая модель глобализации связывается руководством Китая с полным раскрытием «жизненных сил мировой экономики», отказом от менталитета холодной войны и со стремлением к мирному сосуществованию. Становление глобализации по-китайски ассоциируется и с намерением Китая «поделиться своими достижениями в области развития со всем миром», поскольку, как подчеркивал Си Цзиньпин, «развитие Китая – это возможность для всего мира» [6].

С 2013 г., под руководством Си Цзиньпина, Китай последовательно реализует концепцию «сообщества единой судьбы человечества», опираясь на инициативы BRI (Инициатива «Пояс и путь»: геоэкономический якорь), АИВ (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), Global Development Initiative (GDI) (Инициатива по глобальному развитию) и расширение ШОС.

Инициатива «Пояс и путь» (BRI): геоэкономический якорь, запущенная в 2013 году, объединяет 152 страны и 32 международные организации с инвестициями \$1,2 трлн (40% в инфраструктуру, 30% в энергетику) [9]. Ключевыми коридорами являются: Китай – Пакистан, Евразийский (до ЕС), Африканский (50 портов). К началу 2023 года Китай подписал более 200 соглашений о сотрудничестве в рамках Инициативы «Пояс и путь» со 152 странами и 32 международными организациями.

Еще одним проектом, способствующим развитию и утверждению многополярности, стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ). Банк был основан в 2015 году (57 основателей, 109 членов). К 2026 году капитал банка составил порядка \$100 млрд.

Global Development Initiative (GDI) (Инициатива по глобальному развитию) представляет собой альтернативу программы ООН «Цели устойчивого развития». Как показала практика, китайская инициатива явилась более предметной и результативной, что способствовало повышению ее авторитета и доверия к ней со стороны стран «мирового большинства». К настоящему времени участниками Инициативы являются уже более 100 государств. В центре внимания Инициативы борьба с бедностью. Тем самым

Китай фактически перехватывает у ООН одну из ее наиболее значимых имиджевых программ.

Наконец, GSI (Инициатива по глобальной безопасности) продвигает концепцию обеспечения «общей безопасности». К 2026 году Программа профинансировала порядка 50 африканских проектов.

Наиболее же знаковыми проектами, реализуемыми КНР в сфере продвижения многополярности стало учреждение и развитие межгосударственных организаций ШОС и БРИКС.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) расширена Ираном (2023 г.), Белоруссией (2024 г.). На долю ШОС в настоящее время приходится более 30 % мирового ВВП и 40 % населения мира. А ВВП БРИКС, даже по данным МВФ, по паритету покупательной способности в 2021 г. составил 46,16 трлн долл.

Выдвинутая Си Цзиньпином в сентябре 2025 года на саммите ШОС в Тяньзине инициатива по совместному созданию «более справедливой и равноправной системы глобального управления», по созданию сообщества с единой судьбой человечества соотносима с другими китайскими проектами.

В условиях текущей трансформации системы международных отношений руководство КНР, опираясь на поддержку государств ШОС, стремится перехватить инициативу по созданию нового мирового порядка у США и стран Запада. Это, очевидно, ярко выраженная заявка Китая на глобальное лидерство, хотя и прикрытая коллективными решениями ШОС и защитой интересов стран и народов, прежде всего, «глобального Юга».

Предлагаемое сотрудничество стран и народов на основе лидерства ШОС – попытка изменить сложившееся положение дел. Предлагая изменения, страны ШОС, по сути, защищают исходные принципы международного права. Таким образом, предлагается новое объединение, создание новых институтов, неподконтрольных Западу и его институтам.

Аналогичным образом, стратегию глобального управления КНР продвигает и в рамках другой международной организации – БРИКС. В 2024

году организация по инициативе Китая была расширена и к настоящему времени включает также 10 государств. По мнению экспертов, к 2050 году БРИКС может занять ведущие позиции среди мировых экономик, что, безусловно, соответствует интересам Китая и органично вписывается в его инициативы глобального управления [14].

Другой ведущий актер «мирового большинства» Индия реализует свои стратегические приоритеты в формирующемся многополярном мире.

Развитие концепта «многополярность» во внешнеполитическом дискурсе Индии осуществлялось в три этапа.

Первый этап связан с периодом правления премьер-министра А.Б. Ваджпай (1998–2004 годы). В этот период данный термин фигурировал, в основном, в контексте отношений с Китаем. Примечательно, что именно в интервью шанхайскому изданию «Wen Huibao» в июне 2003 г. премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай высказал мысль о том, «что сегодня необходим многополярный мировой порядок, основанный на сотрудничестве и учитывающий законные интересы и чаяния всех его составляющих элементов» [23].

В Ежегодном отчете МИД Индии за 2004–2005 гг. было отмечено, что «Индия привержена развитию долгосрочного конструктивного партнерства и сотрудничества с Китаем на основе принципов «панча шила»³, взаимного уважения и чувствительности к проблемам друг друга и равенства», в связи с чем «сотрудничество между Индией и Китаем способствует не только их социально-экономическому развитию и процветанию, но и укреплению многополярности в мире, усилению позитивных факторов глобализации» [19].

Второй этап институализации концепции многополярности связан с деятельностью премьер-министра М. Сингха и характеризуется активными

³Панча шила (на яз. Хинди пять принципов): 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Впервые сформулированы в преамбуле соглашения между КНР и Индией о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией (апрель 1954).

попытками Индии вовлечь страны Европы в процесс построения многополярного мира.

В Ежегодном отчете за 2006 – 2007 гг., в частности, было отмечено, что «Индия продолжает работать со странами-единомышленниками ради справедливого, многополярного мирового порядка, который учитывает законные ожидания развивающихся стран» [20]. В том же Ежегодном отчете за 2006 – 2007 гг. содержится положение о том, что «Европа (особенно Европа, которая объединяется) будет играть роль ключевого полюса в развивающейся многополярной международной системе» [20].

Наконец, в годы руководства Индией Н. Модии внешняя политика рассматривается в большей степени как инструмент укрепления внутреннего единства страны, поэтому упоминание многополярности главным образом связано с участием Индии в деятельности глобальных объединений [4].

В целом же, очевидно, что индийская трактовка многополярного мира имеет почти исключительно экономическое, а не геополитическое содержание, что существенно отличает этот подход от китайского.

Во многом это определяется тем, что внешняя политика Индии в значительной степени формируется концепциями суверенитета и стратегической автономии, что позволяет стране принимать независимые решения без внешнего влияния, особенно в международных отношениях.

Внешняя политика Индии в первую очередь обусловлена её национальными целями, причём основными являются экономическое развитие, торговля, энергетическая безопасность и безопасность граждан. Индия поставила перед собой задачу к 2047 году, когда она будет праздновать столетие своей независимости, стать развитой страной. Чтобы достичь этого, Индия стремится усилить стратегическую автономию посредством экономического суверенитета, уравнивая торговые отношения, диверсифицируя источники энергии и обеспечивая стратегические ресурсы для снижения зависимости от какой-либо одной страны или группы стран.

Экономический рост и развитие Индии имеют решающее значение для её стратегической автономии. Ключевым компонентом этой стратегии является инициатива «Делай в Индии»⁴, направленная на стимулирование внутреннего производства.

На практике стратегическая автономия Индии очевидна в её внешнеполитических решениях и отражается в её участии в различных международных объединениях, в частности в Четырёхстороннем диалоге по безопасности (Quad), БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества. Эта многогранная стратегия взаимодействия подчёркивает прагматичный подход Индии к внешней политике во всё более взаимосвязанном мире.

Индия продемонстрировала готовность взаимодействовать с мировыми державами, даже если они выступают друг против друга. Примером этого является, в частности, её участие в Quad, БРИКС, ШОС и РИК. Такой многосторонний подход позволяет Индии сохранять стратегическую автономию, преследуя при этом национальные интересы.

Quad фокусируется на региональной безопасности, морском сотрудничестве и содействии свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону, тогда как ШОС делает упор на региональную взаимосвязанность, борьбу с терроризмом и экономическое сотрудничество. Взаимодействие Индии с ШОС позволяет ей поддерживать диалог с Китаем, Россией и странами Центральной Азии, уравнивая отношения с другими державами.

БРИКС фокусируется на реформировании глобального управления, расширении экономического сотрудничества между развивающимися экономиками и создании альтернативы институтам, в которых доминирует Запад, а также неэффективной долларовой платёжной системе. РИК является ядром БРИКС и ШОС.

⁴Инициатива «Делай в Индии», направленная на стимулирование внутреннего производства, является ключевым компонентом стратегической автономии. Прим. автора.

Участие Индии в БРИКС позволяет ей отстаивать интересы развивающихся стран в соответствии с более широким видением многополярного мира. Такой подход усиливает дипломатическое влияние Индии, помогая ей добиваться реформ в международных финансовых институтах и Совете Безопасности ООН.

Стратегическое партнёрство Индии с США имеет широкую основу, помимо оборонного сотрудничества. Запущена Инициатива США и Индии по критически важным и новым технологиям.(iCET), развивается сотрудничество в критических и новых технологиях, торговле, космосе, кибербезопасности, образовании. Однако Индия старается не становиться союзником США, придерживается независимой внешней политики и не участвует в стратегии сдерживания Китая.

Наряду с углублением партнёрства с США Индия продолжала своё взаимодействие с Китаем. Несмотря на сохраняющуюся напряжённость на границе, Индия поддерживает дипломатические каналы и участвует в многосторонних форумах – в БРИКС, ШОС и РИК, демонстрируя готовность сотрудничать с Китаем по вопросам, представляющим взаимный интерес.

При этом, сознавая ограниченность опоры исключительно на США или Китай, Индия активно проводит политику диверсификации партнёрств. Это включает укрепление связей с соседними странами – Бангладеш, Непалом и Шри-Ланкой – на основе принципов политики «Сначала соседство».

Помимо этого, Индия углубила взаимодействие с другими крупными державами, включая Россию, с которой установлено «особое и привилегированное стратегическое партнёрство». Обе страны ведут регулярный диалог в формате «2+2» (между министрами иностранных дел и обороны обеих стран) наряду с переговорами на высшем уровне между премьер-министром Н. Моди и Президентом России В.В. Путиным. Другими стратегическими партнёрами Индии являются ЕС, Япония и Австралия.

Таким образом, являясь одной из ведущих стран «глобального Юга», Индия стремится к формированию многополярного миропорядка, при

котором влияние и ответственность распределены между несколькими ключевыми центрами силы. Такая позиция индийского политического руководства обусловлена, в первую очередь, стремлением страны повысить свой международный статус и усилить свое влияние на мировой арене.

Позиция индийского руководства, сохраняет приверженность идее уникального цивилизационного положения страны, нашедшей наиболее яркое выражение в концепции «Трёх стратегических колец», первое из которых охватывает приграничные с Индией государства, второе – акваторию Индийского океана, третье – остальной мир, в котором Индия стремится к обретению статуса мировой державы, играющей роль гаранта в вопросе обеспечения международного мира и безопасности [17].

Согласно этому подходу, Индия фактически помещается в центр глобальных политико-экономических процессов и последовательно развивает отношения с приграничными государствами, странами Азии, а также со всем остальным миром. Это в значительной мере определяет специфику ее стратегической концепции стремления к многополярности.

Стремление к переходу к многополярной международной системе в отражается и в стратегии Бразилии. При этом сам процесс многополярности Бразилия воспринимает как возможность реформировать устаревшие международные институты и дать странам «глобального Юга» больше влияния.

Бразилия – крупнейшая экономика Латинской Америки, постоянный участник «Большой двадцатки» и один из основателей БРИКС – представляет собой яркий пример государства, стремящегося максимизировать суверенитет через политику стратегического лавирования между двумя центрами силы. Экономическая зависимость от Китая (как главного торгового партнёра) и историческая связь с США (как с традиционным региональным гегемоном) создают структурное напряжение, которое бразильская дипломатия пытается разрешить через многовекторность и активный многосторонний дискурс [10].

В XXI веке внешняя политика Бразилии стала выражено зависеть от идеологической ориентации правящей власти. В период президентств Л.И. Лулы да Силвы (2003–2010) и Дилмы Руссефф (2011–2016), представлявших левые силы, страна проводила курс на усиление региональной интеграции, независимость от США и развитие «дипломатии Юг–Юг» [там же]. Вследствие этого, Бразилия активно участвовала в создании БРИКС, продвигала идею многополярного мира и усилила участие в ООН, ВТО и других международных организациях, выступая за реформу глобального управления.

После отстранения от власти Д. Руссефф в 2016 году внешняя политика Бразилии начала смещаться вправо: наблюдалось ослабление участия в левоориентированных форматах и постепенное восстановление отношений с США, особенно в сфере безопасности и энергетики.

Еще более резкий поворот во внешней политике произошёл в 2018 году с избранием президентом страны Ж. Болсонару. Его приход к власти предопределили отказ Бразилии от многовекторности, сближение с США, укрепление связей с консервативными режимами (Израиль, Венгрия, Польша) и дистанцирование от левых правительств Латинской Америки, в первую очередь Венесуэлы и Кубы.

Победа Л.И. Лулы да Силвы на выборах 2022 года ознаменовала восстановление традиционных принципов: возвращение к стратегическому партнёрству, активной региональной интеграции и многовекторной дипломатии.

Уже в феврале 2023 года, во время визита в Вашингтон, Л.И. Лула да Силва подписал соглашения по зелёным технологиям, космосу и охране Амазонии, но отказался обсуждать Китай в контексте угрозы. В апреле 2023 года, находясь с визитом в Пекине, президент Бразилии призвал к «миру без гегемонов» и предложил создать международную валюту для торговли стран Юга – шаг, воспринятый как вызов долларовому доминированию [11].

В 2024 году внешнеполитическая активность Бразилии была сосредоточена на трёх ключевых направлениях: председательстве в G20, участии в БРИКС и использовании многосторонних платформ для укрепления своей роли как независимого медиатора.

Председательство Бразилии в G20 стало центральным элементом её дипломатической стратегии. На форуме в Рио-де-Жанейро в июле 2023 года Л.И. Лула да Силва инициировал запуск Глобального альянса против голода и бедности, к которому присоединились более 80 стран и десятки международных организаций.

В настоящее время руководство Бразилии позиционирует свою страну в качестве нейтрального посредника в международных конфликтах, выступив с инициативой создания так называемого «клуба мира» для урегулирования конфликта на Украине при участии Китая, Индии и Южно-Африканской Республики. Эта дипломатическая инициатива подчёркивает стремление Бразилии к автономной роли в глобальной политике, не привязанной к логике биполярного противостояния.

Таким образом, несмотря на внешние и внутренние ограничения, внешняя политика Бразилии последовательно реализует стратегию автономного лавирования, подтверждая, что балансирование между полюсами – не признак нерешительности, а осознанный выбор средней державы в условиях биполярного соперничества. При этом Бразилия не претендует на роль «моста» между США и Китаем – она стремится утвердить себя как самостоятельный центр силы в «глобальном Юге», способный отстаивать национальные интересы даже под давлением сверхдержав. Её внешнеполитическое лавирование – это не признак нерешительности, а осознанная стратегия укрепления суверенитета, опирающаяся на три ключевых принципа:

– экономический прагматизм, проявляющийся в сохранении прочных торговых связей с Китаем как главным партнёром;

– политическую сдержанность, выражающуюся в отказе от участия в односторонних санкционных режимах и идеологизированных конфронтациях;

– дипломатическую инициативность, направленную на использование многосторонних платформ для продвижения более справедливого и многополярного мирового порядка [10].

В условиях обостряющегося стратегического соперничества как на глобальном, так и на региональном уровне, Бразилия демонстрирует, что средние державы могут сохранять автономию, если обладают чёткой стратегией, значимым экономическим весом и накопленным дипломатическим капиталом.

Аналогичным образом, значительно усилилась роль в мировых политических процессах ведущих африканских стран «глобального Юга»

В последние десятилетия геополитическая обстановка в Африке претерпела значительные изменения и трансформации. На сцене появились новые глобальные и региональные акторы. При этом некогда доминировавшая прозападная ориентация внешней политики на континенте претерпела значительные изменения в связи с нарастанием многополярной динамики геополитических отношений.

Очевидно, что у Африки есть все слагаемые для того, чтобы сложиться в качестве суверенного центра силы. Располагая неисчерпаемыми демографическими и природными ресурсами, Африка обладает большими возможностями развития в условиях становления многополярного мира. Так, в частности, по численности населения – 1,5 млрд человек – Африка находится на одном уровне с Индией и Китаем, по возрастной структуре имеет перед ними преимущество (половина африканцев – в возрасте до 20 лет) [21]. По данным экспертов, к 2050 г. население континента может составить 2,5 млрд человек [24] – то есть каждый четвертый человек на Земле будет африканцем.

Помимо этого, Африка – чрезвычайно богата полезными ископаемыми. На континенте сосредоточено порядка 30% мировых минеральных ресурсов, включая углеводороды, драгоценные металлы и камни, хром, бокситы, кобальт, уран, литий, марганец, уголь, редкоземельные элементы. На общей территории размером 30,37 млн кв. км достаточно плодородных почв, чтобы прокормить всех африканцев. Благодаря своему географическому положению, Африка имеет прямой доступ к глобальным транспортным коридорам, прежде всего океаническим.

В политическом измерении Африка – это 54 государства-члена ООН, 27 членов ОИС, 6 – ОПЕК⁵, 5 – ФСЭГ⁶. Среди государств-участников БРИКС континент представляют ЮАР, Египет и Эфиопия, в «Группе двадцати» на постоянной основе участвуют ЮАР, Египет и Африканский союз.

Развитие и укрепление институциональной надстройки, необходимой для согласования и реализации интересов стран континента происходит на базе самобытной идеи panaфриканизма с её опорой на многовековую историю африканских народов и местный традиционализм [25].

Воплощением panaфриканских начал является Африканский союз. Консолидируя страны континента на общеконтинентальной платформе, он все чаще возвышает свой голос в мировой политике от имени всех африканцев.

Становление panaфриканской идентичности идет медленно, однако рост самосознания африканских народов и их стремление компенсировать упущенное в колониальную и постколониальную эпохи служат мощным стимулом к утверждению Африки в роли одного из полюсов многополярного миропорядка. Такая перспектива, как справедливо отмечают африканские ученые, напрямую влияет на судьбу многополярности [1].

Особую значимость в вовлечении африканских стран в процесс утверждения многополярности имеет Африканский союз. На саммите в

⁵Алжир, Габон, Ливия, Республика Конго, Нигерия и Экваториальная Гвинея

⁶Алжир, Египет, Ливия, Нигерия и Экваториальная Гвинея

Аддис-Абебе в 2015 г. был принят программный документ, нацеленный на превращение континента к 2063 г. в «зону силы» [18] – так называемая «Повестка дня 2063». Эта стратегическая инициатива Африканского союза направлена на содействие индустриализации и укрепление африканского единства. Еще одной принципиально важной инициативой в плане утверждения многополярности и участия в этом процессе африканских стран является стратегический проект создания Африканской континентальной зоны свободной торговли – самой большой ЗСТ в мире, призванной качественно укрепить интеграционные процессы с прицелом на формирование в лице Африки торгово-политического субъекта глобального уровня.

Изменения в мировом соотношении сил приобрели необратимый характер. Африканские эксперты отмечают, что в новых условиях «континент должен делать упор на развитие собственных институтов, углубление межафриканского сотрудничества, которое основывалось бы на принципе взаимной выгоды, а не на зависимости» [22].

Роль локомотива в процессе укрепления многополярности призвано сыграть объединение БРИКС, в котором Африку, представляют ЮАР, Египет и Эфиопия. Помимо этого, в работе форумов БРИКС также принимают участие Республика Конго и Мавритания.

Кроме политического значения, связанного с участием африканцев в этом многостороннем объединении, есть и прикладной срез, относящийся к валютно-финансовым инициативам БРИКС.

Так, в частности, в 2013 году был создан Деловой совет БРИКС для укрепления и развития экономических, торговых, деловых и инвестиционных связей между бизнес-сообществами стран-участниц. Уникальной особенностью БРИКС является создание в рамках организации Совета аналитических центров, Академического форума и форума Гражданского общества. Результатом взаимодействия академических кругов и гражданского общества являются независимые исследования и дискуссии,

которые способствуют успешной работе БРИКС, а Академический форум дает рекомендации лидерам БРИКС.

В 2014 г. страны БРИКС договорились об учреждении двух новых международных экономических структур – Нового банка развития (НБР) и Пула валютных резервов. Новый банк развития и Пул условных валютных резервов – надежные деполитизированные инструменты, на которые страны БРИКС смогут опираться при решении вопросов суверенного развития.

В целом же за последние полтора десятилетия с момента своего создания БРИКС стремился к углублению контактов, выходящих за рамки геополитических и экономических измерений, включая серьезную работу в области культуры, науки, образования, туризма со своими партнерами, такими как Африканский союз (АС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский союз (ЕС). Кроме того, были созданы такие подразделения, как Деловой совет БРИКС, Женская группа БРИКС, Молодежный университет БРИКС и Сетевые университеты БРИКС и так далее.

Заключение

Анализируя дальнейшее развитие БРИКС, можно сказать, что, как и у каждой из стран-участниц, есть общая заинтересованность в выработке оптимальных путей устойчивого развития, стремление обеспечить благополучие и процветание своих народов в условиях гарантированного мира и безопасности. Это также создание справедливой и всеобъемлющей модели партнерства, способной обеспечить устойчивое глобальное управление в XXI веке.

Многополярная структура международных отношений в ближайшей перспективе будет формироваться в условиях жесткой конкуренции с ее оппонентами, а также дефицита координации между ее сторонниками.

Реальный новый многополярный порядок, скорее всего, начнется с вызревания нескольких региональных «узлов». Очевидно, что ведущую роль

в этих политических процессах будут играть трансрегиональные кооперационные структуры: ШОС и БРИКС, которые уже называют полюсами складывающегося многополярного мира.

Список литературы

1. Анта Ндьяй, Сулейман (Сенегал). Выступление на Глобальной конференции по многополярности. 29 апреля 2023 г. <https://paideuma.tv/en/video/suleyman-anta-ndyay-senegal-obrashchenie-k-uchastnikam-globalnoy-konferencii-po#/?playlistId=0&videoId=0> (дата обращения 25.03.2026).
2. Дробинин А., Пискунов Е. Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты //Международная жизнь. 2025. №8.
3. Вопросы и ответы министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (дата обращения: 06.05.2026).
4. «Группа двадцати» в Индии, Моди: глобальный мир будет многополярным (2023, 6 сентября). <https://pluralia.forumverona.com/ru/a/группа-двадцатив-индии-моди-глобал-Discourse>. 2025. Vol. 22. No. 1. P. 120–137.
5. Гулянец В. Синергия ШОС и БРИКС: консолидация незападного мира // Международная жизнь. 2024. №4.
6. ИА «Синьхуа». Специальный репортаж: Как развитие Китая содействует тому, чтобы глобализация сопровождалась экономическим ростом. URL: http://russian.news.cn/2022-01/18/c_1310429446.htm (дата обращения: 06.04.2026).
7. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Политический анализ стратегических коммуникаций. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2023. 254 с.
8. Концептуальный документ об Инициативе по глобальному управлению. https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zggs/202509/t20250908_11704321.htm?ysclid=mn9qtwmlbv400719341 (дата обращения 19.03.2026).
9. Ларин В. Инициатива «Пояса и пути»: экономика и геополитика. <https://interaffairs.ru/news/show/43347?ysclid=mnd93l4ji4645484161> (дата обращения 16.03.2026).
10. Ольховская В.С. Между двумя полюсами: внешнеполитическая автономия Бразилии в эпоху биполярной конкуренции // Россия и Америка в XXI веке. 2025. Выпуск № 12.

11. Президент Бразилии призвал ускорить избавление от долларовой гегемонии посредством создания альтернативной валюты. <https://topwar.ru/214932-prezident-brazilii-prizval-uskorit-izbavlenie-ot-dollarovoj-gegemonii-posredstvom-sozdanija-alternativnoj-valjuty.html?ysclid=mnkjb57izx353395377>(дата обращения 17.03.2026).
12. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.
13. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка //Дипломатический вестник. 1997. №5.
14. Сафина Г.Л., Закиров И.В. Роль БРИКС в международных отношениях //Геополитика и экогеодинамика регионов Том 11(21). Вып. 1. 2025 г. С. 38.
15. Сафронова Е.И. Многополярность и глобализация: взаимообусловленность или взаимоисключение? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 72.
16. Сафронова Е.И. Китайский фактор в текущей эволюции многополярности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2023. Т.28. № 28. С. 25.
17. Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. №3 (13). С. 45
18. Agenda 2063. The Africa We Want // <https://au.int/en/agenda2063/overview> (дата обращения 18.03.2026).
19. Annual Report 2004–2005 (2005, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/166_Annual-Report-2004-2005.pdf Discourse-P. 2025. Vol. 22. №. 1. P. 120–137.
20. Annual Report 2006–2007 (2007, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/168_Annual-Report-2006-2007.pdf.
21. African development Bank Group. Human Development // <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/tracking-africa%E2%80%99s-progress-in-figures/human-d> (дата обращения 17.03.2026).
22. Damas Kanyabowya. Africa's Trap: the Dangers of UNSC Permanent Seats // The Citizen. 25 September 2024.
23. Interview of Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee by Wen Huibao, Shanghai (2003, June 21). Retrieved May 6, 2024, from <https://www.mea.gov.in/interviews.htm?dtl/4683/Interview+of+Prime+Minister+Shri+Atal+Bihari+Vajpayee+by+Wen+Huibao+Shanghai> (дата обращения 6.04.2026).
24. Mikatekiso Kubayi. Development Imperatives in Africa: What of Tech?. 28 May 2024 // <https://valdaiclub.com/a/highlights/development-imperatives-in-africa-what-of-tech/> (дата обращения 26.03.2026).

25. Franklin Nyamsi. Despotisme, Néocolonialisme et Impérialisme versus Panafricanisme : combat de Titans dans le Sud Global au 21ème siècle. 25 Julliet 2023 // <https://blogs.mediapart.fr/franklin-nyamsi-wa-kamerun-wa-afrika/blog/240723/despotisme-neocolionalis> (дата обращения 16.03.2026).

Белов Евгений Николаевич,
ведущий специалист-эксперт деканата факультета подготовки кадров высшей
квалификации,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России,
e-mail: evgeniy.belov97@yandex.ru

Evgeniy N. Belov,
Leading Specialist-Expert of the Department of Higher Qualification Training,
Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
e-mail: evgeniy.belov97@yandex.ru

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ**

**CIVILIZATIONAL THEORY OF N.Y. DANILEVSKY
IN THE LIGHT OF THE CONTEMPORARY CRISIS IN
RUSSIA AND THE WEST RELATIONS**

Аннотация: статья посвящена анализу современного кризиса отношений между Россией и Западом посредством применения цивилизационной теории Н.Я. Данилевского. В статье показано, что европейская цивилизация, выйдя за географические пределы своего культурно-исторического типа и включив в свой состав славянские народы, сталкивается с внутренними противоречиями. Автор приходит к выводу, что цивилизационная теория Данилевского может быть принята во внимание при выработке внешнеполитической стратегии России в отношении славянских стран Восточной и Юго-Восточной Европы, направленной на обеспечение альтернативного цивилизационного развития славянских народов.

Ключевые слова: Цивилизационная теория, Н.Я.Данилевский, культурно-исторический тип, этнографический материал, панславизм, славянские народы.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the current crisis in relations between Russia and the West through the application of N.Ya.Danilevsky's civilizational theory. The article shows that European civilization, having expanded beyond the geographical boundaries of its cultural-historical type and incorporated Slavic peoples, is facing internal contradictions. The author concludes that Danilevsky's civilizational theory can be taken into account when formulating Russia's foreign policy strategy towards the Slavic countries of Eastern and Southeastern Europe, aimed at ensuring an alternative civilizational development for the Slavic nations.

Keywords: Civilizational theory, N.Ya.Danilevsky, cultural-historical type, ethnographic material, Pan-Slavism, Slavic nations.

Введение

Первая четверть XXI века сопровождается разного рода кризисами, начиная от социально-экономических, заканчивая военно-политическими. В актуальной версии Концепции внешней политики Российской Федерации объективно отмечается, что «человечество переживает эпоху революционных перемен», которые заключаются в «формировании более справедливого, многополярного мира», где «укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности не-западных мировых держав и региональных стран-лидеров» [1].

Фундаментом самоопределения и формирования внешней политики государств все чаще выступает культурно-цивилизационный аспект. Народы все чаще обращаются к нему для определения своей идентичности, а также для отпора западным либерально-демократическим ценностям, которые насаждаются Европой и США по всему миру в качестве универсальной основы социокультурного и экономического уклада. Особенно остро сейчас это проявляется в столкновении России и Запада на территории Украины.

В этой связи хочется вспомнить Николая Яковлевича Данилевского, выдающегося русского философа, одного из основателей цивилизационного подхода к изучению истории, а также идеолога панславизма. Сформулированные им законы исторического развития и взаимодействия культурно-исторических типов, глубокий анализ сущностных основ европейской цивилизации, отношений между Россией и Европой, а вместе с тем анализ исторического значения славянских народов Европы и Балкан наряду с их возможным предназначением, может помочь в понимании происходящего на территории Украины и в формулировании одного из вариантов внешней политики России в отношении Европы в целом и славянских народов в частности.

Особенность развития современного европейского культурно-исторического типа и нынешнее его состояние

Прежде чем перейти к цивилизационному анализу происходящих в настоящий момент событий, необходимо очертить краеугольные аспекты развития европейской цивилизации в Новейшее время. Примечательно, что русский философ обозначил две преграды на пути ко всемирному владычеству Европы – это США и Россия, при чем второй он отдавал главную роль в поддержании равновесия в Старом Свете из-за малого интереса к этому вопросу со стороны Штатов [6, с. 499]. Тем не менее укрепление государственности наряду с промышленным подъемом в Америке и логикой ее внутривнутриполитического процесса, а также геополитические и идеологические аспекты мировой политики в середине XX века, которые вылились во Вторую мировую войну, все же вынудили Вашингтон вмешаться в дела на европейском субконтиненте, где «в вопросе ликвидации России как цивилизационного антипода Запада совпадали взгляды всех ведущих мировых игроков» [14]. Победа антигитлеровской коалиции при решающей роли Красной армии привела к доминирующему положению СССР в Европе. Это делало политическую систему на территории Европы неравновесной, против чего выступала в первую очередь Британия, а также Штаты. Европа исторически стремилась к объединению своих сил как на основе гегемонии одного народа (попытка Карла V, Наполеона, Гитлера), так и на основе баланса сил (Священный союз). Теперь же в лице ЕС осуществляется попытка объединения посредством тесной экономической и технологической взаимозависимости, а также конструирования общей европейской идентичности на основе общего историко-культурного основания. Данилевский Н.Я. увидел закономерность, что при объединении Европа направляет все свои силы для расширения владений на Востоке Европы, то есть на Россию с ее обширными территориями и богатствами с целью обретения всемирного владычества [6,

с. 498-499]. В очередной раз это произошло при объединении политических и военных сил стран Западной Европы и США с целью сформировать западный блок государств для противодействия распространению коммунизма в Европе. Особенным отличием стало то, что в Европу проникли два внешних элемента в лице США и СССР, которые между собой вели идеологическую борьбу. Важность поддержания равновесия системы европейской безопасности ушла на второй план перед мировой политической системой в целом, где европейская оказалась лишь составной частью всемирной.

В свою очередь отметим, что европейский культурно-исторический тип, согласно теории Данилевского, состоит из следующих племен: англосаксонское, верхне-германское (сама Германия), нижне-германское (Голландия), норманнское/скандинавское, французское, итальянское, испанское [6, с. 119]. Как раз данный состав стран являлся изначальным ядром НАТО и ЕС, где общие интересы стран-участниц имели минимальные различия. При этом главным особенностями стали: 1) интеграция европейских стран на наднациональной основе вместо баланса сил или гегемонии одной страны; 2) сплочение национальных государств Европы вокруг США, что поставило их в зависимое положение от Вашингтона во всех международных делах в силу экономической слабости из-за разрушительных последствий войны.

С распадом СССР Штаты стали доминировать не только в Европе, но и в мировой политике в целом. Вместе с тем Европа оставалась в зависимости от Вашингтона главным образом в сфере обороны. США со своей стороны рассматривали Европу в качестве «основополагающего партнера в решении всего спектра глобальных проблем» [3], а также надежного плацдарма для проецирования своего влияния на евразийском континенте. Важность стран ЕС для США подчеркивал Зб. Бжезинский, по мнению которого полная автономность Евросоюза от старшего партнера может привести к концу «участия Америки в игре на евразийской шахматной доске» [6, с. 65], что

означает невозможность борьбы за лидерство в мире. Базовыми документами евроатлантического взаимодействия стали «Трансатлантическая декларация» 1990 года и «Новая трансатлантическая повестка дня» 1995 года, отражавшие намерения обеих сторон укреплять взаимоотношения на базе тесной исторической, политической и культурной связи.

В этой связи встает вопрос: являются ли США частью европейской цивилизации или являются чужеродным элементом? Если принять во внимание состав населения, который положил основу создания государства Соединенных Штатов Америки (европейцы), а также философско-политический, религиозный и правовой фундамент государственного строительства можно сделать вывод, что являются. Тем не менее, географическое положение оказывает непосредственное влияние на формирование особой политической картины мира у народов и их руководителей. Цивилизационная, культурная и ценностная близость не всегда может уберечь народы от противоречий. Геополитические интересы США и Европы расходились по многим вопросам. Можно вспомнить разногласия вокруг Суэцкого кризиса 1956 года, противоречия в контексте американского вторжения в Ирак, разность подходов к Иранской ядерной сделке, неприязнь США к строительству трубопроводов для поставок энергоносителей из России и многое другое. На правах сильного американцы почти всегда продавливали свою позицию и свои интересы, выдавая их за общий консенсус внутри западного блока, а порой и попросту вынуждали союзников действовать требуемым ими образом. Однако все противоречия «абсорбировались общими институтами безопасности (НАТО), близкими идеологическими позициями во внешней политике, равно как и тесными экономическими связями» [13]. Несмотря на определенную самостоятельность действий европейцев в ряде случаев (строительство Северных потоков, Иранская ядерная сделка и др.), в сущности, получалось, что Вашингтон делал в собственных интересах все, что считал для себя необходимым, а Европа следовала в фарватере его политики с

незначительными отклонениями. Это подтверждает роль США в качестве препятствия на пути укрепления влияния Европы в мире, а вместе с этим и всемирного владычества романо-германской цивилизации, про которое писал Данилевский.

Николай Яковлевич вывел еще одну особенность развития цивилизаций, а именно закон силы составных элементов культурно-исторического типа. Согласно этому закону, тесная связь в виде федерации или политической системы государств «может и должна существовать только между членами одного культурно-исторического типа и лишь искусственно и не иначе, как к общему вреду, может распространяться далее пределов того же типа» [6, с. 121]. Выходя за рамки своего культурно-исторического типа, общественная связь, требующая подчинения частных интересов (в том числе государственных) более общим интересам высшей исторической единицы, потеряет внутренний баланс, вследствие чего культурно-исторический тип лишится самостоятельности в решении стоящих перед ним задач.

С точки зрения геополитики вполне естественно, что после распада СССР и социалистического блока европейцы захотели заполнить политический и идеологический вакуум, который образовался в Восточной и Юго-Восточной Европе. Расширение ЕС на восток объясняется еще одной важной особенностью культурно-исторического типа, которое заключается в «наличии у гецивилизаций стремления к расширению своего влияния и контроля на цивилизационных соседей, оказанию на них давления, т.е. наличие стремления к экспансии» [8]. В то же время, вспомнив вышеуказанный состав народов европейского культурно-исторического типа, можно заметить, что народы нынешней Восточной и Юго-Восточной Европы не входят в ядро европейской цивилизации.

Вместе с тем вхождение в европейскую цивилизацию для новых стран осуществлялось после соблюдения требований социально-экономического, правового и политического характера, а также новые страны-участницы должны полностью разделять геополитические интересы «старой» Европы.

Кроме того, через либеральные законы, рыночную систему экономики и пропагандирование индивидуалистического стиля жизни осуществляется попытка заставить их отодвинуть на второй план свою идентичность и культуру или даже отказаться от них вовсе. Вбирая в свой состав чужеродные для себя славянские народы Восточной Европы и Балкан, европейская цивилизация вышла за пределы территории своего культурно-исторического типа. Тем самым усилилось и без того значительное «противоречивое сочетание различий этнического происхождения, языков, культуры, религиозных конфессий населяющих её народов с глубокой общностью системы их основополагающих ценностей» [10]. Это существенно препятствует выработке единой политики в социальной, экономической и оборонной сферах, снижает скорость принятия решений и их исполнения, что мешает ЕС выступать в качестве единого и целостного актора в международных делах.

Восточный вопрос в понимании Данилевского Н.Я. в условиях современного кризиса отношений России и Запада

В первую очередь, следует обозначить понимание Данилевского природы и хода развития цивилизаций, а также его концепцию этнографического материала.

Законы исторического развития культурно-исторических типов состоят из следующих параметров: 1) языковая общность; 2) политическая независимость; 3) невозможность передачи начал одной цивилизации другой; 4) достижение высшей степени развития достигается только при наличии разнообразных этнографических составляющих, которые не должны быть поглощены общим целым, но пользоваться независимостью, составляя федерацию или политическую систему государств; 5) ход развития культурно-исторического типа состоит из продолжительного периода роста и довольно краткого периода плодоношения и цветения, который истощает навсегда его жизненную силу [6, с. 107-108].

Под этнографическим материалом понимаются народы, которым «не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия – ни положительной, ни отрицательной исторической роли», которые «составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов – культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собой разнообразие и богатство их, но сами не достигают до исторической индивидуальности» [6, с. 105]. В этой связи ретроспективный взгляд на историю западных славян показывает следующее.

Прежде всего необходимо уточнить, что речь будет идти главным образом о славянских народах, ставшими членами Европейского союза, а именно: чехах, словаках, словенцах, болгарях, греках, румынах и поляках. У славянских народов Восточной Европы и Балкан после их освобождения от турецкого гнета в конце XIX века почти не было времени для того, чтобы встать на ноги и укрепить свою государственность, а также добиться полного суверенитета, не говоря уже о нахождении сил и ресурсов для объединения. Мировые войны XX века были главными преградами на этом пути. По их окончании часть славян Восточной Европы и Балкан оказались под влиянием СССР. Казалось бы, можно утверждать, что Москва под эгидой СЭВ и ОВД смогла объединить часть славян, обеспечить их независимость и возможности для развития. Выяснилось, что это не совсем так, потому что скрепляющим элементом была сугубо коммунистическая идеология, продвигаемая Москвой. Коммунистическая социально-экономическая система оказалась не органична балканским славянам. Часть из них, в частности Югославия еще в XX веке решила дистанцироваться от СССР, выбрав путь нейтралитета, а православная Греция и вовсе стала страной НАТО в 1952 году и в 1981 году членом ЕС. А после распада СССР страны Восточной и Юго-Восточной Европы отбросили коммунистическую идеологию и выбрали путь интеграции в успешно реализуемый проект новой

Европы, объединяемой единым экономическим и политическим пространством.

Быстрый рост экономики, связанный с большими инвестициями из ЕЭС, довольно быстро остановился. Это связано с особенностью структуры экономики ЕС, которая заключалась в том, что «получая выгоды от тесных связей с более развитыми партнёрами по ЕС в благополучные для европейской экономики годы, страны ЦВЕ одновременно становились всё более зависимыми от них в отношении финансирования экономического роста, осуществления долгосрочных инвестиций и сбыта произведённой продукции» [7]. Одновременно с этим осуществлялось политическое давление, нацеленное на ускоренное внедрение демократических институтов, а также на принуждение отказаться от конструктивных отношений с Москвой, в первую очередь в энергетической и военной сферах, на фоне военного освоения НАТО территории Восточной и Юго-Восточной Европы. В итоге они оказались в той же зависимости, что и от Советского Союза в XX веке, но уже от западных либеральных демократий. Причем жесткие требования кредиторов во время долгового кризиса в Греции показали, что европейская политическая структура нацелена больше на эконоцентризм, нежели чем на социальную справедливость и солидарность с греческим народом, оказавшимся в беде. В отношении же Югославии европейская цивилизация во всей красе продемонстрировала главную свою черту – насильственность. Бомбежки Белграда – первый признак истинного отношения Европы к инородным элементам своей цивилизации в случае их отказа от следования по пути западной демократизации и либерализации. В дальнейшем это выразится в отношении европейцев к малороссийскому этносу, где с подачи Запада был сконструирован и укреплен националистический элемент с антироссийской направленностью, который под видом возможности принятия в свои ряды используют в качестве средства для борьбы с Россией.

Тем не менее за последние полтора столетия славянские народы Европы обрели государственность, которую к настоящему моменту они смогли сохранить и укрепить. Однако их постоянное зависимое положение оставляет их на этапе этнографического материала для более сильных народов, которые в разные периоды обретают над ними власть.

Тем временем, согласно логике цивилизационной теории Данилевского, нынешнее стремление Европы победить и разделить Россию на части помимо практического значения (обладание ее ресурсами и устранение политического конкурента вблизи своих границ), имеет и цивилизационное измерение – предотвращение соединения славян в одну общность, видя именно в русском народе силу и возможность стать стержнем Всеславянского союза. В случае слабости России, Европа «не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит (смотря по обстоятельствам, в той или другой форме) оплоты против связи ее с западными славянскими родичами; но, с одной стороны, при помощи турецких, немецких, мадьярских, итальянских, польских, греческих, может быть, и румынских пособников своих, всегда готовых разъедать несплоченное славянское тело, с другой – своими политическими и цивилизационными соблазнами до того выветрит самую душу Славянства, что оно распустится, растворится в европействе и только утучнит собой его почву» [6, с. 472]. Украинский кризис показывает, что европейцы, к сожалению, ушли куда дальше – ставили между собой славянские народы, составляющие «один народ, единое целое» [2].

В настоящий момент деструктивные действия по отношению к России в финансово-экономической и энергетической сфере, наряду с морально-духовном кризисом Западной Европы, уже приводят если не к пробуждению славянского духа, то по крайней мере стремлению отстаивать свои национальные интересы и свою идентичность. Примеры мы видим в Словакии, которая вместе с Венгрией выступает за рациональный подход ко взаимоотношениям с Россией, в частности в энергетической сфере, а также

против военных поставок Киеву [11]. Поднимает голову и Словения, заявившая в лице спикера Парламента стремление провести референдум по выходу из НАТО и осуществлять «суверенную политику, сотрудничая со всеми великим державами, что в свою очередь не должно означать подчинения» [12]. В Болгарии пришла к власти правая партия, которая выступает против поставки военной помощи Киеву [9]. Становится очевидно, что многие славянские православные народы Европы все более недовольны треком социальных изменений в Западной Европе на фоне стратегических ошибок Брюсселя вокруг украинского кризиса.

Россия могла бы воспользоваться этими настроениями славянских народов Европы, но для этого ей надо укрепить статус великой мировой державы и выдержать очередной натиск с Запада, чтобы у славянских народов снова появилась альтернатива выбора: оставаться этнографическим материалом чуждой ей цивилизации или же создать вместе с русскими самобытную славянскую цивилизацию. По мнению Данилевского «Славянство есть термин одного порядка с Эллинизмом, Латинством, Европеизмом, – такой же культурно-исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе» [6, с. 145]. Для России, ищущей сейчас свое предназначение и цель, такая конструктивная цивилизационная повестка, могла бы стать одним из инструментов внешней политики и составной частью общего позиционирования в мире.

Главной объединительной основой помимо народности могли бы стать традиционные ценности, основанные на православной христианской вере, подкрепленные военной силой и внутренней политической стабильностью России, а также ее экономическими и технологическими успехами. Следует помнить, что «в условиях демократического транзита власти и коренных изменений в социально-экономической сфере в странах Восточной и Юго-Восточной Европы национальные православные церкви стали оплотом

сохранения национальных культур и традиций, структурами, способными к самоорганизации и мобилизации верующих для решения социальных проблем и удовлетворения духовных запросов своих членов» [15]. Постепенное возвращение русского народа к своей вере – православию [5] – может стать конструктивным элементом во взаимоотношениях с единоверцами в Европе. Поэтому важным фактором сближения может выступить Русская православная церковь, которая имеет интернациональное влияние. При этом возврат к конструктивным отношениям России со славянскими народами должны оформиться ненасильственным, естественным образом.

Заключение

На основе вышенаписанного, можно сделать следующие выводы. Цивилизационная теория русского философа Николая Яковлевича Данилевского вполне укладывается в логику происходящего сегодня кризиса отношений между Россией и Западом и может быть использована для трактовки и анализа актуальных событий.

Подтверждается неизменность враждебности Запада по отношению к русскому народу, несмотря на попытки России стать частью европейской цивилизации в послесоветский период. При этом структура европейского культурно-исторического типа обрела особенность внешнего патроната своей отколовшейся части в виде США, что сильно ослабило возможность проведения суверенной политики, которая бы отвечала сугубо европейским интересам.

Вместе с тем данная теория вполне может являться одной из составляющих процесса выработки внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении ЕС, а в частности славян Восточной Европы и Балкан. На фоне жесткой антироссийской риторики и насаждения Еврокомиссией единомыслия в отношении якобы надвигающейся «российской угрозы», конструктивное сотрудничество почти во всех сферах деятельности со славянскими народами Европы на данный момент крайне

затруднительны. Однако нарастающее недовольство политикой Брюсселя, может склонить часть славянских народов в сторону рационального подхода выстраивания отношений с Россией. Отсутствие враждебности и стремления стран Восточной и Юго-Восточной Европы избежать распространения украинского конфликта и вовлечения в него своих народов было бы для России положительным результатом внешней политики. Затем в условиях отторжения секулярного западного мейнстрима могло бы произойти духовно-нравственное и культурно-историческое сближение с Россией.

Решение украинского вопроса в свою пользу придаст Москве еще больше притягательности и геополитического влияния. Оно даст славянским народам Европы альтернативу выбора своей будущности, в которой сильная Россия, не вмешиваясь в их внутренние дела, может обеспечить их суверенитет и самостоятельное цивилизационное развитие.

Список литературы:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». / Kremlin.ru. 21.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 24.04.2026).
3. National Security Strategy of the USA. – The White House. Washington. October 2022. URL: http://www.dmrsc.com/DocumentUS/2022_NationalSecurityStrategy.pdf (дата обращения 20.04.2026).
4. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. / Збигнев Бжезинский. – М.: Издательство АСТ. – 2020. – С. 65.
5. ВЦИОМ: более 80% россиян считают себя верующими. / ТАСС. 24.07.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24601365> (дата обращения: 25.04.2026).
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Издательство Азбука, 2025. – С. 498-499.
7. Куликова, Н. В. Социально-экономические эффекты интеграции стран Центрально-Восточной Европы в Европейский союз / Н. В. Куликова // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы / Институт Европы РАН. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2014. – С. 30-36.

8. Киселев, С. Г. О гецивилизационном подходе к пониманию глобальной реальности / С. Г. Киселев // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 5. – С. 228-232.
9. «Наш братский народ». Появился ли у Москвы союзник в Болгарии? / Газета.ru. 20.04.2026. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2026/04/20/22816543.shtml> (дата обращения: 25.04.2026).
10. Рубинский, Ю. И. Ценностные ориентиры Европы / Ю. И. Рубинский; Институт Европы РАН. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2013. – С. 12.
11. Сийярто заявил, что Венгрия и Словакия выступают против поставок оружия Киеву / ТАСС. 07.11.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19223181> (дата обращения 25.04.2026).
12. Спикер парламента Словении заявил о намерении провести референдум о выходе из НАТО // Коммерсантъ. 13.04.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8588442> (дата обращения: 15.04.2026).
13. Тимофеев Иван. Состоялся ли раскол между США и ЕС? / Иван Тимофеев // Международный клуб Валдай. 13.01.2026. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sostoyalsya-li-raskol-mezhdu-ssha-i-es/> (дата обращения: 20.04.2026).
14. Штоль В.В. 1.2. Геополитическое противостояние России и Запада / В.В. Штоль // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. – С. 18-46.
15. Шиманская О.К. Европейская идентичность и православие в Европе. / О.К. Шиманская // Европа в глобальной пересборке : Старый Свет – новые времена / А. А. Громыко, Е. В. Ананьева, Е. С. Алексеенкова [и др.]. – Москва: Институт Европы РАН, 2023. – С. 209.
16. Ногмова А.Ш., Шангараев Р.Н. Евразийская интеграция в контексте модернизационных проектов и системы экономических связей // Актуальные проблемы международных отношений. Взгляд политологов и экономистов. Сборник подготовлен Центром мировой экономики ИАМП, Кафедрой государственного управления и национальной безопасности и Кафедрой мировой экономики Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва, 2015. С. 60-65.

Борисов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России
e-mail: aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov,
Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Political Theory,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
e-mail: aborisof@gmail.com

**ЛОВУШКА «ТРЕТЬЕЙ КОРЗИНЫ»:
СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОГО ПОСЛАНИЯ РОССИИ
В ЭПОХУ ПОСТГЕГЕМОНИИ**

**“THIRD BASKET” TRAP:
SPECIFICS OF RUSSIA’S HUMANITARIAN MESSAGE
IN THE ERA OF POST-HEGEMONY**

Аннотация: статья посвящена критическому анализу концептуальных оснований отечественной гуманитарной политики. Автор утверждает, что современная российская стратегия в этой сфере по-прежнему исходит из логики «третьей корзины» Хельсинкского заключительного акта, трактуя гуманитарное взаимодействие как контролируемую межгосударственную коммуникацию. Это вступает в противоречие как с нелокализуемой природой современного информационного пространства, так и с исторической сущностью гуманитаризма, сформировавшегося в XX веке как инструмент утверждения и поддержания глобальной гегемонии. На основе анализа ключевых исторических этапов развития гуманитарного дискурса автор обосновывает необходимость переосмысления гуманитарной политики: превращения ее из самоцели в средство формирования глобальной архитектуры взаимодействия, способной обеспечить реализацию национальных интересов России в условиях децентрализации миропорядка.

Ключевые слова: гегемония, гуманитарная политика, идеология, международные отношения, «мягкая сила», мировой порядок, национальные интересы, права человека, Россия, суверенитет, Хельсинкский заключительный акт, «Холодная война», СССР.

Abstract: the article provides a critical analysis of the conceptual foundations of Russia’s humanitarian policy. The author argues that contemporary Russian strategy in this field remains rooted in the logic of the “Third Basket” of the Helsinki Final Act, treating humanitarian interaction as a form of controlled interstate communication. This approach contradicts both the non-localizable nature of the modern information space and the historical essence of humanitarianism, which emerged in the 20th century as a tool for asserting and maintaining global hegemony. Based on an analysis of key historical stages in the

development of humanitarian discourse, the author justifies the need to rethink humanitarian policy: transforming it from an end goal into a means of shaping a global architecture of interaction capable of securing Russia's national interests amidst the decentralization of the world order.

Keywords: hegemony, humanitarian policy, ideology, international relations, soft power, world order, national interests, human rights, Russia, sovereignty, Helsinki Final Act, Cold War, USSR.

Введение

Специфичность отечественного гуманитарного послания заключается в том, что мы, по сей день, трактуем гуманизм в духе третьей корзины Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, как взаимодействие в области культуры и образования, способствование более широкому распространению информации, установление контактов между людьми [23]. Забывается о том, что Хельсинкский акт был принят в условиях холодной войны и его ключевой целью было обеспечение контролируемой коммуникации между противостоящими блоками. Термин гуманитарный, в определении третьей корзины, означал лишь постулируемое единство человечества, которое двигалось к одной, пусть и воспринимаемой по-разному каждой из договаривающихся сторон, цели. В основу единства были положены права человека, как набор ценностей и норм, делающих коммуникацию возможной, позволяющих понять и интерпретировать передаваемое послание.

Леонид Ильич Брежнев, выступая в Хельсинки, заявил: «Никто не должен, опираясь на те или иные соображения внешнеполитического характера, пытаться диктовать другим народам, как они должны устраивать внутренние дела» [13]. По сути в этом заявлении выражена уверенность, что у коммуницирующих государств достаточно сил для контроля каналов коммуникаций, а у их политического руководства достаточно здравого смысла, позволяющего не переходить границы дозволенного. Эта уверенность существует и поныне, что находит отражение в отечественных документах стратегического планирования. Так, три из четырех принципов

гуманитарной политики России, такие как: «невмешательство во внутренние дела других государств»; «готовность учитывать интересы иных игроков на мировой арене» и «партнерство, заключающееся в реализации участниками международного гуманитарного сотрудничества совместных проектов, основанных на объединении ресурсов и координации деятельности» [12], постулируют принцип суверенного равенства и готовности равноправному сотрудничеству государств. Четвертый же принцип заключается в репрезентации России, как государства «формирующего условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей».

Проблема заключается даже не в том, что заявленные принципы гуманитарной политики сталкиваются с определенной проблемой – современное информационное пространство принципиально не локализуемо, они противоречат самой сути гуманитаризма. Гуманитарная политика не специфический способ коммуникации. Гуманитаризм, в его современной трактовке, есть обоснование и следствие попыток построения глобальной гегемонии после «тотальных» войн XX века. Именно тотальность войны, неразличимость комбатантов и некомбатантов, необходимость мобилизации народных масс в условиях неопределенных и постоянно меняющихся целей, преследуемых воюющими сторонами, привели к беспрецедентному росту пропагандистских усилий воюющих государств, которые были сосредоточены на дегуманизации противника и продвижении образа мира, который устраивал бы всех участников коалиции-победителей. Противник, кто бы он ни был, совершал преступление против человечности, а победители выступали от его лица.

От Вильсона до Нюрнберга: рождение «человечества» в политическом дискурсе

Архитектор послевоенного мира, Вудро Вильсон, не был идеалистом, когда выступал от лица человечества с предложением мира без победы и победителей. Посол Германской империи в США в 1908–17 гг. граф

Бернсторф утверждал в своих мемуарах, что не ожидал от Вильсона ничего иного, «нежели действий, исходящих исключительно из американских, а не чьих-то ещё, интересов» [27] и добавляет, что «мир без победы» позволил бы Соединенным Штатам стать бесспорным мировым лидером. И действительно, вскоре после вступления США в войну, Вудро Вильсон напишет своему советнику Эдварду Хаусу: «Когда война закончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем прочем, будут в финансовом отношении у нас в руках» [11, с. 199]. Это была попытка формирования глобальной гегемонии, когда одно государство достаточно могущественно, чтобы устанавливать и поддерживать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения и готово это делать [10, с. 64]. Но гегемония невозможна вне достижения идентичности субъектов международных отношений, в основе которой лежит их, субъектов, готовность добровольно принять эти правила.

Поэтому В.Вильсон обращался к народам, а не государствам, выступал от лица человечества, утверждая, что полномочия участников Парижской мирной конференции определяет именно оно, а «не партии и не политические силы» [1, с. 320]. Обращение к народам было попыткой легитимировать мировой порядок, выходящий за пределы национальных границ, утвердить всеобщий характер правил и норм, регулирующих поведение государств, как лишь одной из возможных форм репрезентации народов, которая может быть признана легитимной лишь в случае ее соответствия требованиям победителей, представляющих человечество. В конце тридцатых годов прошлого века К. Шмитт укажет на то, что «Женевская юриспруденция Лиги Наций, приступила к развенчиванию понятия государства, выступая против понятия суверенитета. Это происходит так, чтобы без сомнения предстоящему преодолению понятия государства в международном праве придать направление к пацифистско-гуманитарному, то есть к универсалистскому мировому праву» [26, с. 535]. Переход к универсальному мировому порядку не состоялся в силу целого

ряда причин и, прежде всего, отказа США от установления и поддержания универсальной гегемонии, но именно тогда выдвигается универсальная идея человечества, а отрицание суверенитета, которое с этой идеей сопряжено, рассматривается как ключевое условие достижения мира.

Вторая попытка выступить от лица человечества предпринимается после второй мировой войны. То, что отрицание суверенности государства было одной из целей архитекторов мирового порядка, подчеркнет, выступая в январе 1941 г. перед Конгрессом, Ф. Рузвельт. Он заявляет о желании противопоставить «новому порядку», который отождествляет с тиранией, «величественную концепцию морального порядка», который должен базироваться на основополагающих человеческих свободах: «Мировой порядок, к которому мы стремимся, предусматривает взаимное сотрудничество свободных государств, трудящихся в дружелюбном, цивилизованном обществе ... Свобода означает господство прав человека повсюду» [22]. Обращение к идее прав человека не означала безусловную приверженность этим правам. Упоминания о правах человека не содержались в Атлантической хартии [32] и Декларации четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности (далее – Московская декларация) [8], тема прав человека не обсуждалась на конференции в Думбартон-Оксе, а в предложениях, выработанных на конференции, права человека упоминаются лишь в контексте сотрудничества по международным экономическим и социальным вопросам, где на ООН возлагались обязанности по поощрению прав человека и основных свобод [31].

По мнению ведущего исследователя в области права прав человека С.Мойна, появление прав человека в Уставе ООН и околоООНовском политическом дискурсе, было не более, чем «попыткой «продать» создаваемую международную организацию народам», а права человека рассматривались как «символическое улучшение ее (ООН – А.Б.) публичного имиджа» [16, с. 97].

Права человека - порождение Международного военного трибунала в Нюрнберге, когда судьи выступали как представители человечества, суверенность государства была поставлена под сомнение, а право вмешаться с гуманитарными целями была объявлена новой нормой. Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко сказал: «Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами» [18, с. 195]. Представитель Великобритании Х.Шоукросс, при полной поддержке американского обвинителя Р.Джексона, в заключительной речи идет дальше, заявляя, что «право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип ... и содержит предупреждение для будущих диктаторов и тиранов, маскирующихся под законное государство, предупреждение о том, что, если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов» [18, с. 97].

Гуманитаризм между универсализмом и суверенитетом: позиция СССР VS позиция Запада

Выступающие апеллируют к человечеству как к источнику своих полномочий. Но СССР настаивает на правах народов, которые вправе судить тех, кто пытался порабощать и истреблять народы, оставляя в стороне вопросы формы государственного устройства и характера политических режимов. Позиция же, выраженная английской стороной, отражает стремление к унификации государств, как формы репрезентации народов,

создавая норму, которая впоследствии найдет свое воплощение в концептах «безопасности человека» и «ответственности по защите». Столь отличные подходы найдут выражения в развернувшейся позже дискуссии по поводу институционализации прав человека. СССР настаивал на том, что права человека могут быть защищены и гарантированы только государством, а не наднациональными институтами [24, с. 574-593]. США и Британия отстаивали принцип универсализма, предполагая, что находящиеся под их контролем надгосударственные политические институты, прежде всего ООН, смогут легитимировать их деятельность по унификации политических режимов. Стоит сравнить выступление Шоукросса и заявление Кофи Анана, сделанное в 2000 г.: «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, то как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?» [17, с. 46-47].

Права человека не связаны напрямую с понятием человечества и принятие Всеобщей декларации прав человека не рассматривалась как знаковое событие планетарного масштаба. Сам процесс принятия декларации и широкая дискуссия, происходившая в процессе ее принятия, указывают на ее компромиссный характер, когда «права человека» формулировались представителями правительств [29, р. 148]. Делегации ряда стран, не входящих в орбиту геополитического влияния США и Британии, указывали на концепцию прав человека, как инструмент для реализации имперских амбиций США [14; 16; 24]. И с этим трудно не согласиться. Но проблема заключалась не только в этом. Декларация прав человека оставила нерешенным вопрос – кто выступает от лица человечества в расколотом мире, переживающим «холодную войну»? А следовательно - кто определяет, способствует ли «социальный и международный порядок» осуществлению прав и свобод человека, как того требует статья 28 Всеобщей декларации прав человека, а также вопрос соответствия того или иного государства

требованиям статьи 21 означенной декларации [5]. В отечественной политологическом и околополитическом дискурсе указывают на использование прав человека и правозащитной риторики во внешней политике США и их союзников, но подобная риторика использовалась Советским Союзом и странами социалистического блока [4].

Вряд ли можно назвать случайным совпадением то, что разрядка, ратификация СССР одобренных ООН пактов, посвященных правам человека, подписание Хельсинкского заключительного акта и провозглашение «доктрины Брежнева» происходят практически в одно и то же время – конец шестидесятых - первая половина семидесятых годов. Отказ от военного противостояния, как следствие понимания его потенциальной катастрофичности, приводит не к отказу от геополитической конкуренции, а к упорядочению конкуренции за гегемонию, в центре чего оказались вопросы – кто будет определять судьбу человечества, выступая от его имени, кто и каким образом будет определять параметры человечества, интерпретируя положения Всеобщей декларации прав человека.

Хельсинкский процесс как упущенная возможность

Включение гуманитарных вопросов в хельсинкский заключительный акт не было, как это любят утверждать отечественные и зарубежные обществоведы, ошибкой советского руководства и одной из причин поражения в холодной войне. Хельсинкские соглашения предполагали соглашение о взаимодействии сторон в глобализирующемся мире, устанавливая ограничения для возможного использования прав человека, как инструмента вмешательства во внутренние дела. В формулировке первого же принципа, которым государства-участники совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе будут руководствоваться во взаимных отношениях - суверенного равенства государств, указывается что они «будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила» [23]. Стоит

сравнить эту формулировку с заявлением, сделанным Л. И. Брежневым в 1968 г. на V съезде ПОРП, которое считается анонсом одноименной доктрины: «КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учетом специфики своих национальных условий» [21, с. 329].

Так же предполагалось, что «в области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларацией прав человека. Они будут также выполнять свои обязательства, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области, включая в том числе Международные пакты о правах человека, если они ими связаны» [23]. Таким образом, права человека обозначены лишь как обязательства государств «если они ими связаны». Но Декларация прав человека носит характер рекомендации и не «связывает» государства, а международные пакты о правах человека в преамбуле содержат указание на обусловленность прав человека его групповой принадлежностью – «каждый отдельный человек, имея обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит, должен добиваться поощрения и соблюдения прав» [15], а в статье первой, также общей для Международных пактов о правах, утверждается право народа на установление своего политического статуса и свободного обеспечения своего экономического, социального и культурного развития [15]. Примечательно, что разделе, посвященном «сотрудничеству в гуманитарных и других областях» («третья корзина» – А.Б.) вообще не содержится указаний на права человека, там лишь перечислены формы и условия коммуникации между гражданами государств [23].

Термин гуманитарный лишь подчеркивал трансграничность (или же трансблоковость) взаимодействия, его неполитический характер. гуманитарность обозначает лишь беспристрастность, ничего более. Подобное употребление определения «гуманитарный» имеет давнюю традицию – в

1926 году руководитель Международного соглашения для борьбы с III Интернационалом Теодор Обер обратился к руководству МККК с предложением добиться от СССР разрешения посетить советские тюрьмы и концлагеря, чтобы оказать помощь заключенным. Ответ представителя Международного комитета – «...Международный Комитет Красного Креста на вчерашнем заседании изучил вашу просьбу, с позиций исключительно гуманитарных и аполитичных...» [2, с. 247]. В последовавшей за этим обращением переписке с председателем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Народным комиссариатом иностранных дел СССР неоднократно подчеркивался гуманитарный, неполитический и беспристрастный характер Международного Комитета Красного Креста и его деятельности [2, с. 248-257].

СССР не смог использовать достигнутые договоренности в своих интересах, что в последствии породило миф, широко тиражируемый отечественными и зарубежными авторами, о губительности для СССР включения в заключительный акт гуманитарных вопросов. Основная проблема подобных исследователей заключается том, что, рассматривая хельсинкские договоренности, они упускают из виду контекст. Хельсинки – продукт и высшая точка разрядки международной напряженности, которой предшествовало балансирование на грани ядерного апокалипсиса и достижение паритета в гонке ядерных вооружений. Поэтому-то в период с 1968 по 1975 год обнародована доктрина ограниченного суверенитета - «доктрина Брежнева», подписаны Соглашение между СССР и США об обменах и сотрудничестве в научной, технической, образовательной, культурной и других областях; Основы взаимоотношений между СССР и США; Московский договор между СССР и ФРГ. ООН, наконец-то, определяет понятие агрессии, принимаются Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Хартия экономических прав и обязанностей

государств. Таким образом, Хельсинкские договоренности не были чем-то принципиально новым, они лишь фиксировали сложившееся на тот момент положение дел, закрепляя за сверхдержавами зоны контроля и ограничивая возможное вмешательство со стороны геополитического конкурента. Происходит формирование набора правил, определяющих взаимодействие «первого» и «второго» мира, которые репрезентовали США и СССР соответственно. Два мира, в этом случае, можно представить как две гегемонии, или же, обращаясь к терминологии К. Шмитта, два «больших пространства», где ведущие державы устанавливают «порядок, подчиненный определенным мировоззренческим идеям и принципам, порядок, который исключает интервенцию чуждых пространству сил и чьим гарантом и хранителем является народ, который обнаруживает свою способность справиться с этой задачей» [26, с. 544]. Но отношения между этими «пространствами», ведущими державами, определяющими эти «пространства», между народами внутри и во вне этих «пространств», нуждались в регламентации. Выработка регламента, определяющего подобные взаимодействия, и происходит в Хельсинки.

Проблема была не в том, что на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе «права человека» стали предметом широкой дискуссии и стимулировали движение диссидентских групп, или же запустили неконтролируемый государствами обмен информацией. Проблема заключалась в том, что СССР, исчерпав революционный запал, не смог выдвинуть современные «мировоззренческие идеи и принципы», которые бы смогли определить и ограничить мировой порядок. Черняев А. Б., в 1975 г. заместитель начальника Международного отдела ЦК КПСС, пишет в своем дневнике: «Но куда и как идем! Что от идеологии ничего не осталось — уже очевидный факт. ... если с превращением провалов и отставания в новые исторические успехи, мы, спичрайтеры, как-нибудь еще справимся ..., то с определением перспективы вообще не знаем, что делать. ... Обидно, что страна при таких ресурсах, наверно, уже превращается в заурядное большое

государство с иррациональной, но закономерно присущей большой стране, логикой внешней и внутренней политики с бездуховностью и безыдейностью, с реагированием на всякое внутри и вокруг, но без собственных идей и без вдохновения» [25, с. 144]. Отсутствие идеи компенсировалось либо использованием силовых методов, либо раздачей финансово-экономических «подачек». И первое, и второе приводило к экономическому надрыву, истощению ресурсной базы и необходимостью выбора между решением внутривнутриполитических проблем и проблем, связанных с сохранением гегемонии.

Трансформация гуманитаризма: от биполярного мира к системе глобального управления

Выбор между внутривнутриполитическим развитием и сохранением гегемонии был заведомо обречен на провал, поскольку в обществе потребления, которое сформировалось в шестидесятых годах, идеи классовой борьбы и классовой солидарности упирались в простой вопрос: кто способен обеспечить более высокий уровень благосостояния народа? Именно в этом и заключается суть концепции «мягкой власти», которую, пытаясь объяснить неожиданную для США победу в холодной войне, выдвинет Дж. Най: «если его (государства – А.Б.) культура и идеология привлекательны, другие последуют за ним с большим желанием. Если оно может установить международные нормы, согласующиеся с его общественной жизнью, ему, скорее всего, не понадобится меняться» [30, р. 19]. «Мягкая власть» — это те ресурсы, которыми обладает государство и, которые могут быть, в определенных условиях, привлекательными для граждан тех или иных государств. Эти ресурсы находят отражение в информационных сообщениях, преломляясь через оценки тех, кто эти сообщения передает. Оценка «мягкой власти» означает ответ на вопрос – «если бы Вы не были гражданином своей страны, то в какой стране Вы хотели бы жить?». Дефицит «мягкой власти», обусловленный внутренними проблемами социально-экономического развития страны, может быть компенсирован обращенной в будущее идеей,

обещанием нового мира, к которому ведет непростой путь. Но в условиях, когда «от идеологии ничего не осталось», а путь, который СССР призывал разделить остальные страны, оказался путем в экономический тупик, усилия государства были направлены лишь на сохранение статус-кво, что требовало затрат, в том числе для защиты коммуникационных каналов и воспрепятствованию информационного воздействия оппонента. Подобное бремя оказалось непомерным для СССР.

Отказ от «доктрины Брежнева» во второй половине восьмидесятых годов [19] был продиктован, в том числе и экономическими соображениями. Так, в исследовании, посвященному 1989 г., последнему году холодной войны, содержится следующее заявление: Горбачев тоже не рассчитывал на «победу» в холодной войне. Он и его тогдашние сподвижники понимали и признавали, что в дальнейшей «гонке» на новом технологическом витке мы проиграем, не выдержим чудовищного «соревнования» [7, с. 19]. Но для нас же принципиально то, что добровольный отказ советского руководства от гегемонии привёл к реанимации нарратива о едином человечестве. М. С. Горбачев, выступая с докладом на 43 сессии Генеральной ассамблеи ООН, заявил: «Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку» [6]. Идея единой человеческой судьбы в выступлении Горбачева сопровождается заявлениями о деидеологизации международных отношений, что должно привести к «верховенству общечеловеческой идеи над бесчисленным множеством центробежных сил, к сохранению жизнеспособности цивилизации»; о демократизации и гуманизации международных отношений; о том, что в центре международных отношений должен быть «человек, его заботы, права и свободы», о демократии, как единственно возможной форме политического устройства, о новой, ведущей роли ООН [6].

Предложение, сделанное Горбачевым М. С., было с радостью воспринято нашими геополитическими оппонентами СССР. Стоит обратить внимание на стенограмму состоявшегося в январе 1992 г. заседания Совета

Безопасности ООН на высшем уровне с повесткой «Ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности» [20], где во имя обеспечения прав человека был подставлен под вопрос принцип безусловного суверенитета государств, и сравнить ее с Экономической декларацией саммита G7, состоявшегося в Лондоне 17 июля 1991 г., где уже в преамбуле четко обозначены намерения победителей в холодной войне: «Мы стремимся к построению глобального партнерства, основанного на общих ценностях, и укреплению международного порядка. Наша цель — поддерживать демократию, права человека, верховенство закона и эффективное управление экономикой, которые в совокупности являются залогом процветания. Для достижения этой цели мы будем продвигать по настоящему многостороннюю систему, безопасную и гибкую, которая будет широко и справедливо распределять ответственность. В ключевым условием для достижения этой цели является необходимость создания более сильной и эффективной системы ООН» [28]. Необходимость укрепления ООН, как элемента глобального управления громко звучит на всех саммитах, начиная с 1991 года. Это не представляется случайным.

Стоит также обратить внимание на заявление Президента США Дж. Буша, сделанное в ходе выступления на заседании Совета Безопасности ООН на высшем уровне: «Крах имперской коммунистической идеологии и окончание холодной войны вдохнули новую жизнь в Организацию Объединённых Наций. ... Сейчас вновь настало время сделать шаг вперед, осуществить внутренние реформы, ускорить обновление, взять на себя ответственность с тем, чтобы активизировать деятельность Организации Объединённых Наций и повысить ее эффективность» [20, с. 48-49]. Он напрямую увязывает изменение роли ООН и краха СССР, заявляя монополию стран победительниц на использование ООН как политического инструмента, легитимирующего усилия западных стран по построению нового мирового порядка, продвигающего глобальные повестки – в области торговли и развития, миротворчества и миростроительства, климата и

зеленой экономики, миграции, вырабатывая не только новые цели и нормы, но и инструменты вмешательства во внутренние дела суверенных государств. К таковым инструментам можно с полной уверенностью отнести права человека, гуманитарную помощь, основные параметры которой были разработаны на лондонском саммите «Большой семерки» в 1991 г. [3], концепции «безопасности человека», «ответственности по защите», превентивную дипломатию и миротворчество, содействие развитию и многое другое.

Взаимосвязанные глобальные политические повестки продвигаются от лица человечества, а инструменты задействуются во благо человека. Но это лишь предлог, который способствует реализации интересов узкой группы стран, принадлежащих к золотому миллиарду. Именно эти страны, где-то и когда-то совместно с СССР, сформировали глобальную политическую и экономическую инфраструктуру, которая способствует продвижению их интересов, заставляя других играть по правилам, которые невозможно отнести к источникам международного права. Гуманитарная деятельность/политика не более, чем формирование, обоснование, поддержание и продвижение правил игры, которые определяют движение глобальных игроков к заданной цели, которая предельно подвижна, побуждая их к определенным формам сотрудничества, которое не рассматривается как самоцель, а лишь как средство для достижения множества других целей, помогая поддерживать глобальную гегемонию Запада. Когда руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, заявляет о том, что «Россотрудничество занимается гуманитарной внешней политикой» [9], это значит лишь то, что в России гуманитарная политика превратилась в самоцель, а не средство, которое способствует реализации национальных интересов государства формируя, поддерживая и защищая единое пространство коммуникаций, создавая предпосылки для однозначного

понимания всеми участниками коммуникативного взаимодействия тех или иных мировых событий, заявлений и позиции государства.

Заключение

Превращение гуманитарной политики из инструмента в самоцель, полагая, что можно сохранить суверенитет коммуникационного пространства, опираясь на принципы, выработанные в эпоху биполярного противостояния, обрекает Россию на роль вечно догоняющего участника международного взаимодействия, принимающего реактивные решения. Дальнейшее следование логике «третьей корзины», декларативное противопоставление собственных ценностей универалистскому проекту, без выдвижения убедительной альтернативы существующему глобальному порядку, неизбежно ведет к истощению ресурса «мягкой силы» и нарастанию коммуникативного разрыва с теми акторами, кто, так или иначе, интегрирован в сетевую инфраструктуру влияния Запада.

Подлинная гуманитарная политика обретает смысл лишь тогда, когда перестает быть демонстрацией лояльности устаревшим нормам и/или защитой от внешнего давления, превратившись в сложный, организационно и технически обеспеченный, проект по формированию альтернативной сетевой архитектуры взаимодействия. Такой проект должен базироваться не на консервации иллюзий суверенной неуязвимости и не на имитации партнерства, а на выдвижении, продвижении и последовательной институционализации модели мира, где объединяющей целью станет не унификационная модель единого «человечества», а обеспечение устойчивого развития при безусловном уважении права народов самостоятельно определять собственный политический, социальный, экономический и культурный уклад. Только предложив разделяемую и привлекательную для других глобальных игроков цель, выходящую за рамки узконациональных интересов, Россия сможет превратить гуманитарную политику из затратного атрибута «великодержавности» в действенный механизм утверждения

собственного суверенитета в условиях неизбежной децентрализации современного миропорядка.

Список литературы:

1. Боббитт Ф. Щит Ахилла. Война, мир и ход истории (том второй). М.: Individuum, 2022. 736 с.
2. Богомазов Н.И. «Отказ советского правительства произведет удручающее впечатление»: попытка Красного Креста получить разрешение на посещение советских тюрем и лагерей // Новейшая история России. 2013. №3. С. 245-260.
3. Борисов, А. В. Д. Трамп и будущее гуманитарной системы ООН // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 2(44). С. 32-50.
4. Бюхнер-Удер В. Права человека: утопия или реальность? М.: Знание, 1985. 192 с.
5. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.03.2026).
6. Выступление М.С. Горбачева на 43 сессии Генеральной ассамблеи ООН. 7 февраля 1988 г. // Горбачев Фонд. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oop.pdf (дата обращения: 19.03.2026).
7. Горбачевские чтения. Вып. 7. 1989 год в российской и мировой истории / Первый съезд народных депутатов СССР: 20 лет спустя / 1989–2009: Пути Европы. М.: Горбачев–Фонд, 2010. 234 с.
8. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности (Московская декларация). 30 октября 1943 г. // Управление делами Президента РФ. URL: <https://www.prilib.ru/item/407353> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Евгений Примаков: «Можем только по любви». Глава Россотрудничества о финансовой составляющей мягкой силы, русской эмиграции и гуманитарном наследстве ЧВК. // Ведомости. 12.01.2026. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2026/01/12/1168544-evgenii-primakov-mozhem-tolko-po-lyubvi> (дата обращения: 19.03.2026).
10. Кеохейн Р. После гегемонии. Что будет с ними и с нами? М.: Родина, 2024. 432с.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
12. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 // Президент России. 05.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 15.03.2026).

13. Лукьянов Ф. Корзина замедленного действия. // Forbes. 30.07.2005. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/opyty/26834-korzina-zamedlennogo-deistviya> (дата обращения: 15.02.2026).
14. Мазовер М. Власть над миром: История идеи. М.: Кучково поле, 2016. 432 с.
15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года] // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ARES-2200-XXI> (дата обращения: 22.03.2026)
16. Мойн С. Последняя утопия: Права человека в истории. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.
17. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке : доклад Генерального секретаря: [А/54/2000] // ООН. 27.03.2000. URL: <https://docs.un.org/ru/A/54/2000> (дата обращения: 22.03.2026).
18. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 7 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 7: Заключительные речи главных обвинителей. Последние слова подсудимых. Приговор / [Сост.: Г. Н. Александров, А.Ф. Волчков, Д. С. Карев, М.Ю. Рагинский] М.: Государственное издательство Юридической литературы, 1961. 760 с.
19. Польшин М.Ф. «Доктрина Брежнева» и «Доктрина Горбачева»: реализация и результаты // Общество. Среда. Развитие. 2022, № 3. С. 3-16.
20. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сорок шестом заседании, состоявшемся в центральных учреждениях [ООН], Нью-Йорк, в пятницу, 31 января 1992 года, в 10 ч. 30 м. S/PV.3046. // ООН. 31.12.1992. URL: <https://docs.un.org/ru/S/PV.3046> (дата обращения: 22.03.2026).
21. Речь на V Съезде Польской объединенной рабочей партии. 12 ноября 1968 г. // Брежнев, Леонид Ильич. Ленинским курсом: Речи и статьи (В 2-х т.). М.: Политиздат, 1970. Том 2. 608 с.
22. Речь Франклина Рузвельта «Четыре свободы». // Дилетант. 26.07.2017. URL: <https://diletant.media/articles/36656237/#> (дата обращения: 03.03.2026).
23. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975 // ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 29.02.2026).
24. Хирш Ф. Суд в Нюрнберге: Советский Союз и Международный военный трибунал. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 640 с.
25. Черняев, А. С. Совместный исход: Дневник двух эпох (1972–1991 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
26. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
27. Bernstorff J.H. My Three Years in America. [s. l.] : Legare Street Press, 2022. 436 p.

28. G7 London Summit. Economic Declaration: Building World Partnership. London, July 17, 1991 // G7 Research Group. University of Toronto. URL: <https://g7.utoronto.ca/summit/1991london/communique/> (дата обращения: 19.03.2026).
29. Holas H.G. The United Nations as a Political Institution. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 1975. 263 p.
30. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
31. Proposals For the Establishment of a General International Organization. Washington Conversations on International Peace and Security Organization. October 7, 1944. // Cornell University Library. URL: <https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:21796682> (дата обращения: 3.03.2026).
32. The Atlantic Charter // Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum. Digital Collections. August 14, 1941. URL: https://www.fdrlibrary.org/documents/356632/390886/atlantic_charter.pdf/30b3c906-e448-4192-8657-7bbb9e0fdd38 (дата обращения: 22.03.2026).

Суртаев Сергей Николаевич,
аспирант кафедры мировых политических процессов
МГИМО МИД России . Москва, Россия.
e-mail: s707s@bk.ru

Sergey N. Surtaev,
Postgraduate student of the Department of World Political Processes at
MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia.
e-mail: s707s@bk.ru

**ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ НА УПРАВЛЕНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫМИ ФЕЙКАМИ В ЭПОХУ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**CHALLENGES AND RESPONSES TO MANAGING
INFORMATION FAKES IN THE ERA OF INTELLIGENT
COMMUNICATION**

Аннотация: статья посвящена анализу вызовов, связанных с распространением информационных фейков в условиях развития технологий искусственного интеллекта и интеллектуальных медиа. Рассматриваются особенности технологий Deepfake, а также влияние пользовательского и генеративного контента на трансформацию информационного пространства. Выявляются ключевые проблемы контроля за дезинформацией, включая рост объемов неструктурированных данных, сложность распознавания фейков и усиление роли цифровых платформ. Особое внимание уделяется перспективам применения искусственного интеллекта для управления информационными потоками, включая развитие нормативного регулирования, технологий анализа больших данных, систем раннего предупреждения и инструментов фактчекинга. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего технологические, правовые и социальные механизмы противодействия фейкам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дезинформация, Deepfake, AIGC, UGC, медиа, фактчекинг, цифровые технологии, информационная безопасность.

Abstract: this article analyzes the challenges associated with the spread of information fakes in the context of the development of artificial intelligence and intelligent media technologies. It examines the features of Deepfake technology and the impact of user-generated and AI-generated content on the transformation of the information environment. The study identifies key issues in controlling disinformation, including the growing volume of unstructured

data, difficulties in fake detection, and the increasing role of digital platforms. Particular attention is paid to the prospects of using artificial intelligence for managing information flows, including the development of regulatory frameworks, big data analysis technologies, early warning systems, and fact-checking tools. The article concludes that a comprehensive approach combining technological, legal, and social mechanisms is necessary to effectively combat misinformation.

Keywords: artificial intelligence, disinformation, Deepfake, AIGC, UGC, media, fact-checking, digital technologies, information security.

Введение

В современном мире сфера применения технологий искусственного интеллекта постоянно расширяется. Информационная медиаиндустрия в связи с этим претерпевает значительные изменения: появляются новые средства для производства и распространения информационных фейков. Технология Deepfake, занимающаяся производством и распространением фейковой информации, имеет три важные особенности: во-первых, видео, синтезированное и подделанное с помощью этой технологии, имеет не только видеоряд, но и звук, естественную речь, что затрудняет рядовым пользователям отличить правду от вымысла. [12, с. 1760].

Во-вторых, информация, созданная этой технологией, виртуальна, и опровержение фейков всегда запаздывает, тогда как воздействие реальности мгновенно [1, с. 215]; в-третьих, распространение дипфейков имеет определенные социальные корни и в определенной степени связано с реальными событиями. Например, в одном из видеороликов Deepfake появилась ложная информация о том, что Маск поощрял фанатов покупать определенные крипто-токены. Эти слухи базировались на том, что сам Маск действительно восхищался биткоином и Dogecoin с 2019 года и их влиянием на колебания рынка. Какие же проблемы создает ИИ для появления фейков? Как технология ИИ может расширить возможности управления фейками? Этот вопрос стоит изучить глубже.

Вызовы ИИ в сфере контроля за распространением фейков

В эпоху традиционных СМИ информация, распространяемая средствами массовой информации, проверяется экспертами, учреждениями и ведомствами, то есть распространяется только после предварительной проверки. В эпоху социальных медиа все чаще создается и распространяется пользовательский контент (UGC). Многочисленные платформы предоставляют множество каналов коммуникации, что делает процесс создания и распространения информации отдельными лицами все более доступным. В результате возрастает степень неопределенности, появляется все большее количество дезинформации и слухов. [11, с. 140; 4].

Во-первых, UGC (User Generated Content) + AIGC (Artificial Intelligence Generated Content): пользовательский контент и генеративный контент вместе оказывают давление на регулирование информации. Расширение возможностей технологии искусственного интеллекта позволяет большему количеству пользователей участвовать в производстве и создании информации [3; 10], следует учесть, что ложную информацию UGC трудно изменить, как только она будет полностью записана с помощью технологии блокчейн.

AIGC обладает способностью создавать реальность, построенную на сочетании реального и виртуального, эта технология способна менять представления о пространстве и времени, а также создавать многомерное пространство. Разнообразие проявлений AIGC и симбиоз реального и виртуального оказывают мощное влияние на информационное пространство [3]. Прежде всего, AIGC представляет собой наложение и слияние реального мира с виртуальным двойником, целиком виртуальной сценой или виртуальной симбиотической сценой. Аналогично этому фейки также фабрикуются, добавляются и удаляются на основе определенного фактического материала, в который вставлена недостоверная информация. Эти два вида информации естественным образом переплетаются, что

создает огромные проблемы для контроля и предотвращения распространения фейков. Это усиливает давление на информационное законодательство и создает проблемы, связанные с регулированием в сфере СМИ. Во-вторых, как оценить реальное социальное воздействие, которое может оказать распространение созданного пользователями контента, продвижение их собственной культуры и идей? В системе AIGC, созданной для симбиоза реальностей, отличить виртуальное от реального становится все сложнее. Наконец, чрезмерная зависимость пользователя от погружения в виртуальную реальность может привести к отсутствию критического мышления (рационального подхода), пользователь с большой вероятностью попадает в ловушку недостоверной информации [9], ему сложнее контролировать распространение и проникновение нежелательной информации.

Во-вторых, короткое видео + прямые трансляции обостряют проблему распространения фейков. С наступлением эры 5G распространение видео становится все более популярным, а платформы короткого видео, такие как Shake, Shutter и т. д., стали новым каналом распространения фейков, где очень легко заставить пользователей поверить в фейки, поскольку контент содержит правдоподобный звук, картинки, сцены, изображения [6, с. 1147]. Если пользователи будут пересылать или обрабатывать информацию о фейках на платформе коротких видеороликов и распространять ее на других платформах социальных сетей, это будет иметь больший эффект агрегации и создаст новые проблемы для проверки слухов и контроля за ними.

В-третьих, ИИ не способен точно распознавать фейки. В настоящее время ИИ имеет преимущество в написании шаблонных текстов и обработке структурированных данных на основе алгоритмов, но его интеграционных возможностей далеко не достаточно для обработки неструктурированных данных и сложной информации [8; 10]. ИИ трудно определить, являются ли полученные им данные истинными или нет, и

если данные, которые он принимает, ложные, то и информация, которую он производит на их основе, тоже может быть ложной. В сложных ситуациях возможности искусственного интеллекта по обработке информации ограничены, и это общепринятое мнение. Технология искусственного интеллекта не может точно идентифицировать слухи, особенно в областях, где отсутствуют данные и которые невозможно описать с помощью алгоритмов, а также в трансграничных, сложных и нестандартных условиях, которые подвержены неправильному прочтению и оценке. Качество данных - одна из проблем, с которой сталкиваются технологии искусственного интеллекта, а выявление фейков и определение подлинности информации в огромных объемах информации - еще более сложная задача для создателей искусственного интеллекта.

Перспективы применения технологии искусственного интеллекта для управления фейками

Технология искусственного интеллекта, способная эффективно генерировать текстовый, графический, аудио- и даже видеоконтент, имеет большой потенциал в сфере новостных СМИ, но она также используется для создания и распространения фейков [5]. Если обучающие (входящие) данные содержат недостоверную или ложную информацию, контент, созданный ИИ, может еще больше усилить влияние ложной информации и ввести общественность в заблуждение. Вместе с тем, технология ИИ открывает новые возможности для управления дезинформацией.

Во-первых, усовершенствование законов и нормативных актов, а также использование технологии искусственного интеллекта для расширения возможностей регулирования медиа сферы [14]. Технология интеллектуальных медиа - это инновационная голографическая медиатизация, которая будет генерировать новую логику, шаблоны и правила. Медиа имеют тесную связь между изображением реальности и реальным миром. Поэтому правила должны быть сформулированы в соответствии с нормами развития отрасли, что позволит медиа играть

посредническую роль среди различных кругов, будет способствовать установлению социального консенсуса и улучшению возможностей социального управления при одновременной экономии затрат на социальное управление.

Во-вторых, повышение технической защищенности, увеличение исследований и раннего предупреждения фейков, а также препятствование распространению высококонфиденциальной информации. Применение технологии искусственного интеллекта в медиаиндустрии заключается во всесторонней интеграции и реорганизации таких технологий, как виртуальная реальность, смешанная реальность, облачные вычисления, блокчейн, искусственный интеллект, взаимодействие человека с компьютером, визуализация данных, видеоигры, технология цифрового дизайна человека и Интернет вещей. Развитие базовых технологий может эффективно обеспечить сохранность данных, безопасную разведку и надежную коммуникацию. Технологии искусственного интеллекта могут эффективно использоваться для анализа больших данных, расширения возможностей по производству, обмену и распространению информации, а также для улучшения оценки и раннего предупреждения фейков [5]. Как инструмент обработки информации искусственный интеллект может помочь в анализе больших данных, сравнении текстов, распознавании изображений и т.д. Благодаря машинному обучению и технологиям обработки естественного языка он может автоматически идентифицировать огромные объемы информации, быстро и эффективно выявлять и отфильтровывать возможную ложную информацию и повышать эффективность и точность обзора новостей. В то же время могут быть разработаны специальные инструменты и платформы, такие как веб-сайты, для проверки фактов, базы данных фейков и т.д., которые помогут пользователям быстро выполнять запросы для проверки подлинности информации.

В-третьих, усиление возможности цифровых ньюсмейкеров распространять опровергающую фейки информацию. Технология искусственного интеллекта обеспечивает более гибкий и разнообразный способ социального взаимодействия и преодолевает ограничения времени, пространства и взаимоотношений. Она может в полной мере использовать это свойство для содействия всестороннему развитию интеграции средств массовой информации, одновременно укрепляя ведущую роль основных ценностей и эффективно продвижения этих ценностей в обществе. Необходимо совершенствовать создание и взаимодействие виртуальных новостных и информационных площадок, усиливать руководство виртуальными ведущими, цифровыми переводчиками информации и виртуальными презентаторами информации, а также углублять разработку и усовершенствование таких технологий, как перцептивные портативные интерактивные информационные терминалы. С одной стороны, это усилит восприятие пользователями авторитетной информации в основных средствах массовой информации, а с другой стороны, усиливает способность цифровых ньюсмейкеров распространять опровергающую фейки информацию и направлять общественное мнение [7, с. 210].

В-четвертых, создание удобной и эффективной интеллектуальной системы поиска и генерации информации. Использование открытых источников данных в сочетании с такими технологиями, как блокчейн, позволяет создавать защищенные от взлома записи об источниках новостей, повышая их прозрачность и достоверность [14]. Исходя из этого, современные медиа могут в полной мере использовать технологию ИИ для создания удобной и эффективной интеллектуальной системы поиска и генерации информации. Система ИИ может составить портрет пользователя на основе его привычек и данных, предположить, какая информация ему нужна и что он предпочитает, а также быстро получить соответствующую информацию на основе условий фильтрации, предоставленных пользователем. Среди них сложной задачей для ИИ

остается распознавание подлинности информации в массивах данных. Однако уже были успешные попытки внедрить ИИ для распознавания подлинности информации в определенные модели программирования. Агентство Reuters для решения проблемы определения правдивой и ложной информации использует систему отслеживания новостей под названием News Tracer, которая обрабатывает 500 миллионов сообщений в Twitter в день, чтобы дифференцировать реальные новостные события от фальшивых новостей, слухов, рекламы и болтовни. С помощью таких алгоритмов журналисты могут высвободить время на более важную работу. Ожидается, что в будущем ИИ добьется более автономного и эргономичного распознавания информации, чтобы обеспечить более интеллектуальный поиск и генерацию информации.

В-пятых, создание системы контроля и оценки безопасности информации искусственного интеллекта. Создание системы мониторинга и оценки безопасности распространения информации ИИ как внутренней, так и внешней, позволит предотвратить публикацию и распространение контента, который может нарушить законы и правила и повлиять на журналистскую этику [4; 9]. Внутренняя система мониторинга и оценки может внедрять такие программы ИИ, как «подавители» и «цензоры». Процесс «подавления» - это процесс, в котором ИИ подавляет «плохую идею» на этапе ее появления для предотвращения дальнейших действий; процесс «цензуры» - это процесс, в котором ИИ перехватывает идею как можно раньше, не дожидаясь, пока она будет опубликована или распространена. Для определения целей вмешательства системе внешнего регулирования и оценки требуется участие экспертов. В сферу ответственности экспертов входит выбор соответствующих технических решений, разработка алгоритмов, формулирования правил обработки данных и т. д. При внедрении такого регулирования важно обеспечить соблюдение законов, норм и этических стандартов, включая защиту частной жизни, обеспечение безопасности данных, недопущение

дискриминационного принятия решений и т. д., чтобы технология служила общественным интересам.

В-шестых, интеграция ИИ-технологий в производство новостного контента поможет основным СМИ улучшить свои «четыре силы» (силу ног, силу глаз, силу мозга и силу пера) [2]. Вместе с развитием медиатехнологий и информационных платформ поведение пользователей становится изменчивым, более фрагментированным и эмоциональным. Однако эпоху индивидуальных СМИ профессиональные новостные организации, как производители и распространители детерминированной информации, противопоставленной слухам, имеют преимущество перед прочими СМИ, в которых «каждый является репортером». Преимущество заключается именно в «четырех силах». Сочетание технологии искусственного интеллекта с новостными продуктами и платформами распространения информации полностью изменит весь процесс производства новостей, будет способствовать дальнейшему углублению конвергенции СМИ. Изменение процесса производства новостей постепенно затронет всю промышленную экосистему медиа и ее взаимодействие с пользователями. Как ожидается, это усилит «четыре силы» основных СМИ. Это также обеспечивает гарантию высококачественной передачи данных искусственному интеллекту, образуя, таким образом, положительный цикл на уровне данных.

В-седьмых, опираясь на информационные базы данных и накопленный профессиональный опыт, ИИ способен предоставлять индивидуализированные новостные и информационные услуги. Американский ученый Пол Брэдшоу (Paul Bradshaw) однажды выдвинул «бриллиантовую модель» редакции новостей XXI века. Согласно этой модели, производство новостей включает в себя флэш, проект, отчет, фон, анализ/рефлексию, взаимодействие, персонализацию и т. д. В XXI веке флэш и проект будут использоваться для достижения «быстрого распространения», а отчет, анализ и фон будут использоваться для

обеспечения «глубокого анализа». В то же время участие общественности должно быть учтено во всех этапах производства новостей. В XXI веке социум участвует во всем процессе производства новостей, а информация подстраивается под пользователей. Технология анализа больших данных с использованием искусственного интеллекта позволяет настраивать контент и его интерактивность с пользователями на основе их потребностей в самом новостном контенте. Эта технология позволяет также реализовать потребности различных средств массовой информации в распространении информации, точно отображать портреты пользователей на основе интересов, предпочтений и исторического поведения. Вместе с тем, технология позволяет также предоставлять пользователям персонализированную информацию о слухах, чтобы помочь получать более достоверную информацию и снизить вероятность влияния фейковой информации [3; 7].

Заключение

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта оказывает двойственное влияние на информационную среду, одновременно создавая новые риски и предоставляя инструменты для их минимизации.

Распространение фейков становится более масштабным и сложным явлением, требующим комплексного подхода к регулированию. Эффективное противодействие дезинформации возможно только при сочетании технологических решений, нормативного регулирования и повышения уровня медиаграмотности общества [5; 13].

В перспективе дальнейшее развитие искусственного интеллекта позволит создать более совершенные системы анализа и контроля информации, однако ключевым фактором останется взаимодействие технологий и человеческого фактора, обеспечивающее баланс между инновациями и социальной ответственностью.

Список литературы:

1. Allcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. № 31 (2). С. 211–236.
2. Баранов А. Н. Лингвистика лжи: как распознать обман в тексте. М.: Языки славянской культуры, 2017. – 376 с.
3. Bradshaw P. The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age. L.: Routledge, 2017. – 352 p.
4. Бурдые П. О телевидении и журналистике: Пер. с фр. М.: Праксис, 2002. – 160 с.
5. Вартанова Е. Л. Медиасистема России. М.: Аспект Пресс, 2019. – 384 с.
6. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The Spread of True and False News Online // *Science*. 2018. № 359 (6380). С. 1146–1151.
7. Кастельс М. Власть коммуникации: Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 592 с.
8. Lazer D. et al. The Science of Fake News // *Science*. 2018. № 359 (6380). С. 1094–1096.
9. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
10. Rubin V., Chen Y., Conroy N. Deception Detection for News: Three Types of Fakes // *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. 2015. № 52 (1). С. 1–4.
11. Tandoc E., Lim Z., Ling R. Defining “Fake News” // *Digital Journalism*. 2018. № 6 (2). С. 137–153.
12. Chesney R., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // *California Law Review*. 2019. № 107 (6). С. 1753–1820.
13. What are Deepfakes? // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/news/technology-42912529> (21.04.2026).
14. Artificial Intelligence and Disinformation: A Guide for Policymakers // European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 21.04.2026).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Сардарова Мария Анатольевна

старший преподаватель кафедры языков стран
Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, г. Москва
e-mail: msardarova@yandex.ru

Maria A. Sardarova

Senior Lecturer at the Department of Languages of the Middle East Countries,
MGIMO University Russia, Moscow
e-mail: msardarova@yandex.ru

ОАЭ И КАТАР В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ ПРИОРИТЕТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ (2021-2026 ГГ.)

THE UAE AND QATAR IN THE SYSTEM OF RUSSIAN PRIORITIES IN THE MIDDLE EAST: COMPARATIVE ANALYSIS OF BILATERAL RELATIONS (2021-2026)

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ политики двух ключевых монархий Персидского залива: ОАЭ и Катара в отношении России в период с 2021 по 2026 год. Исследование охватывает два основных трека двустороннего взаимодействия: политико-дипломатическое, включая посредничество в украинском кризисе, голосование в ООН и участие в формате БРИКС, и экономико-инвестиционное. На основе анализа официальных заявлений, статистических данных и экспертных оценок выявляются общие черты и ключевые различия в подходах двух стран. Особое внимание уделяется трансформации двусторонних отношений после 2022 года: от формальной приверженности международному праву к практическому участию в мирном процессе и выстраиванию новой инвестиционной политики в условиях санкционного давления.

Ключевые слова. Россия, Катар, ОАЭ, Ближний Восток.

Abstract: the article provides a comparative analysis of the policies of two key monarchies of the Persian Gulf: Qatar and the UAE in relation to Russia in the period from 2021 to 2026. The study covers two main tracks of bilateral cooperation: political and diplomatic, including mediation in the Ukrainian crisis, voting at the UN and participation in the BRICS format, and economic and investment. Based on the analysis of official statements, statistical data and expert assessments, common features and key differences in the approaches of the two countries are identified. Special attention is paid to the transformation of bilateral relations after 2022: from formal adherence to international law to practical

participation in the peace process and building a new investment policy in the face of sanctions pressure.

Keywords: Russia, Qatar, the UAE, Middle East.

Введение

Арабские государства Персидского залива, благодаря комплексу культурных, стратегических и политико-экономических факторов представляют для России значительный интерес. Нельзя не отметить, что геополитическая ценность данного региона имеет давние корни в системе национальных интересов России, так как во времена «холодной войны» государства Персидского залива представляли собой платформу политической конфронтации СССР и США. Таким образом, страны региона можно было условно разделить на две геополитические группы, одна из которых принадлежала к сфере влияния Вашингтона (Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Кувейт), а другая группа стран входила в «клуб интересов России» (Йемен и Ирак).

Данная типология носила крайне неустойчивый и относительный характер, так как ее конфигурация менялась в зависимости от баланса сил между мировыми сверхдержавами, а также от конкретных внешнеполитических действий каждого из полюсов силы мирового лидерства. Как отмечают Е.П. Бажанов и Н.Е. Бажанова, Саудовская Аравия и Оман «подчеркивали важность России как противовеса слишком возросшему влиянию США как посредника в урегулировании региональных конфликтов» [1].

В настоящее время дипломатические отношения России с арабскими странами Персидского залива строятся на основе двустороннего взаимодействия. Как отмечает Николай Кожанов, исследователь из Университета Катара, «отношения между Москвой и арабскими монархиями Персидского залива — это нечто большее, чем брак по расчету, но меньшее, чем полноценное партнерство» [2].

В период с 2021 по 2026 год политический курс Катара и ОАЭ в контексте российско-украинского урегулирования выявили как общие черты, так и существенные различия, особенно примечательные в ключевых аспектах международного взаимодействия: голосовании в ООН, посреднических усилиях и участии в многосторонних форматах, включая БРИКС.

В мае 2026 года Пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков подчеркнул: «Москва остается открытой для мирного пути урегулирования. Он является для нас предпочтительным» [6]. Эту позицию подтвердил и Заместитель министра иностранных дел России Михаил Галузин, заявивший, что «Россия сохраняет прежние подходы к мирному процессу, основанные на устранении первопричин украинского кризиса и понимании Анкориджа» [3]. Одновременно Москва неоднократно указывала на препятствия, чинимые киевским режимом: Пресс-секретарь Президента России назвал Владимира Зеленского «главным препятствием» на пути к мирному урегулированию, отметив, что его «милитантные заявления» не способствуют созданию атмосферы, благоприятной для переговоров» [19].

Роль Катара и ОАЭ в мирном процессе между Россией и Украиной

Именно в контексте российской приверженности политико-дипломатическому урегулированию особое значение приобретает посредническая роль государств Персидского залива. Оба государства последовательно позиционировали себя в качестве нейтральных посредников в мирном процессе. ОАЭ стали ключевым местом для проведения российско-американских консультаций. Так, в январе 2026 года в Абу-Даби прошло первое заседание «трехсторонней рабочей группы по вопросам безопасности с участием России, США и Украины» [16].

Эмираты также выступали организаторами многочисленных обменов военнопленными, что Россия неоднократно приветствовала как важный гуманитарный аспект мирного процесса.

Катар, в свою очередь, сосредоточился на воссоединении семей и возвращении украинских детей — направлении, которое Россия также поддерживает в рамках гуманитарных задач, включая, по словам замглавы МИД России Михаила Галузина, «возвращение гражданских лиц и воссоединение семей, прежде всего детей с родителями» [3].

Позиция в ООН и многосторонние форматы

В ходе экстренной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 2022 года оба государства проголосовали за резолюцию ES-11/1 [10], осуждающую действия России. Однако, подчеркивается, что Россия продолжает учитывать специфику позиции каждой из стран.

Более значимым для России стало различие в подходах к участию в альтернативных интеграционных форматах. Так, в 2024 году ОАЭ присоединились к БРИКС, тогда как Катар воздержался от этого шага. На саммите в Казани в октябре 2024 года эмиратская делегация поддержала российский курс «на дедолларизацию и развитие альтернативных систем расчетов, что было воспринято в Москве как важный сигнал» [4].

В то же время необходимо отметить, что внутри самого БРИКС нет полного единства по вопросу дедолларизации, что подтверждают и зарубежные аналитики. Не все члены блока готовы полностью поддержать амбициозные планы России по созданию единой альтернативной платежной системы, так как такой шаг сопряжен с «высокими рисками и потенциальным давлением со стороны США» [17]. Тем не менее, на саммите было принято решение создать рабочую группу для изучения возможности «использования национальных валют во взаимных расчетах и развития независимой платежной инфраструктуры» [14]. В итоговой декларации лидеры стран-участниц, включая ОАЭ, приветствовали использование местных валют в трансграничных операциях и поручили министрам финансов и главам центральных банков представить соответствующий доклад к следующему саммиту.

Российская инициатива по Ближневосточному урегулированию

Показательно, что та же модель посредничества, которую Москва высоко оценила в украинском контексте, была предложена Россией и для урегулирования эскалации в самом Персидском заливе. В марте 2026 года, на фоне обострения конфликта с участием США, Израиля и Ирана, Президент России Владимир Путин провел телефонные переговоры с лидерами ОАЭ и Катара. В беседе с президентом ОАЭ Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном оба лидера «подчеркнули необходимость немедленного прекращения огня и возврата к политико-дипломатическому процессу» [8]. Российский лидер также заявил о готовности передать Тегерану озабоченности ОАЭ относительно ответных ударов Ирана и «оказать содействие в стабилизации обстановки в регионе» [7]. В разговоре с эмиром Катара шейхом Тамимом бен Хамадом Аль Тани стороны выразили обеспокоенность «рисками расширения конфликта и опасностью втягивания в него третьих стран» [9].

Таким образом, такая коммуникация с двумя ключевыми посредниками по Украине демонстрирует, что Москва рассматривает Катар и ОАЭ не только как партнеров по украинскому урегулированию, но и как значимые площадки для реализации миротворческих инициатив на Ближнем Востоке. Столкнувшись с изоляцией со стороны Запада, Россия стремится укреплять партнерские отношения в регионе, поддерживая тесные связи как с Ираном, так и с монархиями Залива. В этой логике Катар и ОАЭ выступают для Москвы одновременно и каналами коммуникации, и моделями в выстраивании многовекторной, нейтральной посреднической дипломатии.

Таким образом, с точки зрения российских приоритетов, оба государства-посредника представляют значительную ценность. Их готовность предоставлять площадку для переговоров, содействовать гуманитарным обменам и поддерживать политический диалог полностью соответствует заявленной Россией приверженности мирному пути урегулирования. При этом ОАЭ, благодаря более тесной институциональной

интеграции (БРИКС) и активной роли в организации переговорных площадок, к 2026 году заняли положение более значимого партнера для России в контексте реализации конкретных шагов по деэскалации конфликта.

Эволюция экономического и инвестиционного партнерства России со странами Персидского залива: сравнительный анализ ОАЭ и Катара (2021-2026 гг.)

Экономические связи между Россией и ключевыми арабскими государствами Персидского залива значительно расширились после начала СВО на Украине. Товарооборот России и ОАЭ вырос с 5,3 млрд в 2021 году [15] до 11,2 млрд в 2023 году [5], а в 2025 году товарооборот достиг 12 млрд долларов. Таким образом, «ОАЭ вошел в топ-10 торговых партнеров России» [13].

Кроме того, ОАЭ стали крупнейшим инвестором в российскую экономику среди стран Залива. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и фонд Mubadala (ОАЭ) создали «совместную платформу для инвестирования в российские проекты» [18].

Аналогичные механизмы созданы с Государственным инвестиционным фондом Саудовской Аравии (PIF), который рассматривает Россию «как одно из приоритетных направлений для долгосрочных инвестиций» [11].

Общая стоимость реализуемых и объявленных совместных проектов между РФПИ и партнерами с Ближнего Востока оценивается в «десятки миллиардов долларов США и охватывает инфраструктуру, энергетику, логистику и высокие технологии» [18].

Катар, в свою очередь, демонстрирует более сдержанный, но растущий интерес. В 2014 году РФПИ и Катарское инвестиционное управление (QIA) создали совместную платформу, через которую было инвестировано более одного миллиарда долларов в ведущие российские компании. В апреле 2025 года было подписано новое соглашение о создании

российско-катарской инвестиционной платформы «объемом 2 миллиарда долларов» [20]. Катарское инвестиционное управление также выразило заинтересованность в российских инфраструктурных и финансовых активах.

Важным шагом в развитии двусторонних экономических связей является организация Российско-Катарского бизнес-форума в этом году. Мероприятие, организуемое при поддержке Министерства экономического развития России и Российско-Катарского делового совета, призвано стать ключевой площадкой для запуска новых совместных проектов. Основное внимание уделяется сотрудничеству в области искусственного интеллекта, кибербезопасности, «зеленой» энергетики, водородных технологий и электронной коммерции. Ожидается, что форум даст импульс для реализации соглашения о платформе «объемом 2 млрд долларов и привлечет катарский капитал в российские высокотехнологичные сектора» [20].

Министр экономического развития России Максим Решетников отметил, что по итогам первого полугодия 2025 года Катар уверенно входит в топ-5 иностранных инвесторов в Россию, а «катарская сторона довольна качеством инвестиций с точки зрения надежности и доходности» [12]. Однако в отличие от ОАЭ, Катар сохраняет значительно более высокую осторожность в отношении рисков вторичных санкций США. Этим объясняется относительно скромный, по сравнению с ОАЭ, рост товарооборота (менее 1 млрд долларов в 2024 году) и отсутствие участия катарского бизнеса в схемах по обходу санкций.

Катар делает ставку на «чистые», публичные инвестиции, избегая серых зон. Таким образом, если ОАЭ превратились для России в ключевого оперативного логистического и финансового партнера в условиях санкций, то Катар выступает в роли стратегического, но осторожного инвестора, концентрирующегося на долгосрочных, технологически сложных проектах, реализация которых намечена на 2026-2027 года.

Заключение

В политико-дипломатической сфере Катар и ОАЭ, несмотря на формально сходную позицию в ООН: голосование за резолюцию ES-11/1 в 2022 году, к 2026 году избрали различные модели взаимодействия с Россией, что проявилось в трех ключевых аспектах.

Во-первых, оба государства стали активными посредниками в украинском кризисе, но осуществляли разные функции. ОАЭ сосредоточились на организации переговорных площадок, включая трехстороннюю рабочую группу в январе 2026 года, и массовых обменах военнопленными, тогда как Катар сделал ставку на гуманитарное направление — возвращение детей и воссоединение семей.

Во-вторых, более значимым для Москвы стало расхождение в подходах к многосторонним форматам. ОАЭ присоединился к БРИКС и поддержал курс на дедолларизацию, что укрепило позиции Абу-Даби как стратегического партнера России. Катар, в свою очередь, в отличие от ОАЭ придерживается политики более осторожного нейтралитета.

В-третьих, сама Россия последовательно продвигала идею многовекторной посреднической дипломатии, используя связи как с Тегераном, так и с монархиями Залива, что в марте 2026 года вылилось в попытку применить ту же модель для деэскалации ближневосточного конфликта. Таким образом, к 2026 году ОАЭ заняли положение более значимого партнера для России в контексте политико-дипломатического урегулирования, в то время как Катар сохранил за собой роль гуманитарного посредника.

В экономической и инвестиционной сфере различия между двумя странами оказались еще более заметными. ОАЭ стали для России ключевым торгово-экономическим партнером. Так, товарооборот вырос с 5,3 млрд долларов в 2021 году до 12 млрд к 2025 году, что позволило эмиратам войти в топ-10 торговых партнеров России.

Кроме того, ОАЭ превратились в крупнейшего инвестора из стран Залива, создав совместные платформы с РФПИ на десятки миллиардов долларов, охватывающие инфраструктуру, энергетику и логистику.

Катар, напротив, продемонстрировал более сдержанную политику. Товарооборот оставался на уровне менее 1 млрд долларов в 2024 году, а инвестиционное сотрудничество развивалось через отдельные платформы. Например, 1 млрд долларов в 2014 году и новая платформа на 2 млрд, анонсированная в 2025 году.

Ключевое различие заключалось в отношении к санкционным рискам. Если ОАЭ активно использовались как логистический и финансовый хаб, включая «теневой» флот и параллельный импорт, то Катар сознательно избегал серых зон, делая ставку на «чистые» публичные инвестиции в высокотехнологичные сектора, такие как искусственный интеллект, кибербезопасность, водородная энергетика. Запуск Российско-Катарского бизнес-форума в 2026 году и заявления Министра экономического развития России о том, что Катар «уверенно входит в топ-5 иностранных инвесторов», свидетельствуют о росте интереса Дохи, однако по масштабу партнерства Катар по-прежнему уступает ОАЭ.

Список литературы:

1. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI в. – М.: Восток-Запад, 2009. – 96 с.
2. Кожанов Н. Развитие отношений РФ с нефтедобывающими монархиями Персидского залива в условиях секьюритизации четвертого энергоперехода. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2024/02/09-Kozhanov.pdf
3. МИД РФ: Москва не получала сигналов от Киева по переговорам // Регнум. 2026. URL: <https://regnum.ru/news/4038078>
4. Новый миропорядок РФ и Китая, замена доллара: чем удивит саммит БРИКС // News.ru. 2024. URL: <https://news.ru/russia/novyj-miroporyadok-rf-i-kitaya-zamena-dollar-chem-udivit-sammit-briks>
5. ОАЭ нарастили закупки нефтепродуктов из России до рекордных \$971 млн в 2023 году // Коммерсант. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6821509>

6. Песков напомнил об открытости РФ к мирному урегулированию на Украине // Известия. 2026. URL: <https://iz.ru/2100388/2026-05-20/peskov-napomnil-ob-otkrytosti-rf-k-mirnomu-uregulirovaniyu-na-ukraine>
7. Путин в понедельник поговорил с лидерами четырех стран Персидского залива // РИА Новости. 2026. URL: <https://ria.ru/20260302/putin-2078047518.html>
8. Путин и президент ОАЭ обсудили события на Ближнем Востоке, отметив необходимость прекращения огня // Интерфакс. 2026. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1075556>
9. Путин и эмир Катара отметили опасность расширения конфликта на Ближнем Востоке // Известия. 2026. URL: <https://iz.ru/2051918/putin-i-emir-katara-vyrazili-ozabochennost-riskami-rasshireniia-konflikta-na-vostoke-izi>
10. Резолюция ES-11/1 // Организация Объединенных Наций. 2022. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3958976?ln=es&v=pdf>
11. Статья специального представителя Министра иностранных дел Российской Федерации по ближневосточному урегулированию, директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России С.В. Вершинина «Диалог Россия – ССАГПЗ – широкие перспективы, большие возможности», опубликованная в газете «Араб Ньюс» (Саудовская Аравия) 20 марта 2014 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2014. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/sa/1706361/>
12. Суверенный фонд Катара активно инвестирует в российскую экономику – Решетников // Financial One. 2025. URL: <https://fomag.ru/news-stream/suverennyu-fond-katara-aktivno-investiruet-v-rossiyskuyu-ekonomiku-reshetnikov/>
13. Товарооборот между Россией и ОАЭ 2025 превысил исторический максимум: анализ достижений и перспектив 2026 // Центр международной торговли. 2026. URL: <https://wtcmoscow.ru/company/news/7293/>
14. Цель БРИКС — не просто дедолларизация, а девестернизация // Vietnam.vn. 2024. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/muc-tieu-cua-brics-khong-chi-la-phi-usd-hoa-ma-la-phi-phuong-tay-hoa>
15. Что известно об отношениях России и ОАЭ // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/info/24727225>
16. Commentary by Aide to the President Yury Ushakov regarding Vladimir Putin's meeting with US President's Special Envoy Steve Witkoff. 2026. URL: <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/US/events/copy/79029>
17. Holmes V. BRICS and the Drive Towards De-Dollarization: Has It Stalled? // Braumiller Law Group. 2025. URL: <https://www.braumillerlaw.com/brics-and-the-drive-towards-de-dollarization-has-it-stalled/>
18. Middle Eastern Businesses Gains New Opportunities for Expansion in Russia // Financial content. 2026. URL: <https://markets.financialcontent.com/stocks/article/getnews-2026-2-26-middle-eastern-businesses-gains-new-opportunities-for-expansion-in-russia>

19. Moscow says Zelenskyy's June strike plans do not support peace efforts // Anadolu Agency. 2026. URL: <https://mobil.aa.com.tr/en/russia-ukraine-war/moscow-says-zelenskyy-s-june-strike-plans-do-not-support-peace-efforts/3943237>

20. Russia and Qatar to hold business forum in 2026 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2025. URL: https://en.economy.gov.ru/material/news/russia_and_qatar_to_hold_business_forum_in_2026.html

Гончаров Сергей Витальевич

Главный советник отдела протокола Центра народной дипломатии,

e-mail: goncharov.serg2018@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9790-5294>

SPIN-код: 7138-5434, AuthorID: 1268809;

Sergei V. Goncharov

Chief Adviser of the Protocol Department

of the Center for Public Diplomacy,

e-mail: goncharov.serg2018@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9790-5294>

SPIN-код: 7138-5434, AuthorID: 1268809;

**ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА: КРИЗИС И АКТИВИЗАЦИЯ КОНТАКТОВ
С 1990 ПО 2026 ГГ.**

**FEATURES OF RUSSIAN-AFRICAN COOPERATION:
CRISIS AND INTENSIFICATION OF CONTACTS (1990-2026)**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности российско-африканских отношений от советского периода, характеризовавшегося масштабной экономической и военной помощью с идеологизацией, периодами кризиса, до современного этапа активизации сотрудничества с конца 1990-х годов. На основе анализа двух саммитов «Россия — Африка» (2019 и 2023 гг.), итогов KazanForum 2026 и государственного визита президента Танзании выявляются ключевые особенности текущего этапа: переход от политических деклараций к практическим проектам в промышленности, логистике, цифровой экономике и гуманитарной сфере. Особое внимание уделяется подготовке к третьему саммиту «Россия — Африка», который состоится в октябре 2026 года в Москве, призванный закрепить новую модель взаимовыгодного партнёрства, свободную от идеологических догм и ориентированную на технологический суверенитет и многополярность.

Вывод: в результате проведенного исследования автором сделан вывод, что отношения между Россией и Африкой характеризуются как кризисными этапами, так и активизацией контактов с 1990-ого года, знаменующий переход от советской модели помощи, обременённой идеологией и блоковым противостоянием, к прагматичному, взаимовыгодному партнёрству. Ключевыми катализаторами выступают институционализация диалога через саммиты «Россия — Африка», диверсификация сотрудничества: от торговли оружием и зерном до ядерных технологий, искусственного интеллекта и транспортных коридоров, расширения дипломатического, культурного и гуманитарного присутствия. Подтверждением этому служат рекордные итоги KazanForum 2026 и конкретные проекты с Египтом, Алжиром, Танзанией,

которые создают основу для успеха предстоящего саммита в Москве в октябре 2026 года.

Ключевые слова: Россия, Африка, саммит «Россия — Африка», Казаньфорум 2026.

Abstract: the article examines the features of Russian-African relations from the Soviet period, characterized by large-scale economic and military assistance with ideologization, periods of crisis, to the current stage of intensification of cooperation since the late 1990s. Based on the analysis of the two Russia-Africa summits (2019 and 2023), the results of KazanForum 2026 and the state visit of the President of Tanzania, the key features of the current stage are identified: the transition from political declarations to practical projects in industry, logistics, digital economy and the humanitarian sphere. Special attention is being paid to preparations for the third Russia-Africa Summit, which will be held in October 2026 in Moscow, designed to consolidate a new model of mutually beneficial partnership, free from ideological dogmas and focused on technological sovereignty and multipolarity. **Conclusion:** as a result of the research, the author concludes that relations between Russia and Africa have been characterized by both crisis stages and increased contacts since 1990, marking the transition from the Soviet model of assistance burdened with ideology and block opposition to a pragmatic, mutually beneficial partnership. The key catalysts are the institutionalization of dialogue through the Russia-Africa summits and the diversification of cooperation.: from the arms and grain trade to nuclear technologies, artificial intelligence and transport corridors, and the expansion of diplomatic, cultural and humanitarian presence. This is confirmed by the record results of KazanForum 2026 and specific projects with Egypt, Algeria, and Tanzania, which create the basis for the success of the upcoming summit in Moscow in October 2026.

Keywords: Russia, Africa, Russia-Africa Summit

Введение

Российско-африканские отношения насчитывают чуть менее ста лет и долгое время носили ограниченный характер. Дипломатические контакты поддерживались с 1898 г. с Эфиопией, с 1943 г. – Египтом, а также с ЮАР, причем консульские отношения были установлены в 1943 г. После Второй мировой войны, с появлением независимых государств на континенте, СССР активизировал сотрудничество. В 1948 г. заключено первое торговое соглашение с Египтом, затем с Тунисом (1957 г.), Марокко (1958 г.), Ганой, Эфиопией и Гвинеей (1959 г.). В начале 1960-х (в период активной деколонизации) СССР одним из первых установил дипломатические

отношения с 17 новыми африканскими государствами, получивших независимость в т.н. «год Африки».

К концу 1980-х СССР имел более 40 партнёров на континенте. Техничко-экономическое сотрудничество СССР с Африкой составляло «18% общего объёма советской помощи зарубежным странам» [6].

СССР предоставлял льготные кредиты и техническую помощь. Например, Гвинее в 1960 г. был увеличен кредит на «86 млн рублей (20 млн — поставки, остальное — беспроцентная помощь)» [9]. Сомали получила кредиты на «47 млн рублей и безвозмездную помощь» [10]. На промышленность и энергетику приходилось более 2/3 советского содействия. К знаковым объектам относились: бокситодобывающий комплекс в Гвинее, НПЗ в Эфиопии, металлургические комбинаты в Алжире и Нигерии, Асуанский гидрокомплекс в Египте. Внешнеторговый оборот вырос с «270 млн руб. (1960) до 3,5 млрд руб в 1984 году» [8]. К середине 1980-х СССР строил «600 объектов, из них 280 было сдано в эксплуатацию» [18]. Подготовлено около «500 тыс. африканских кадров» [23].

Активно развивалось военно-техническое сотрудничество. СССР поставлял оружие странам «социалистической ориентации», таким как Анголе, Эфиопии, Сомали, Мозамбику, Алжиру, Ливии. Военная помощь выросла с «241 млн долл. в 1965 году до 3,3 млрд долл. в 1974 году» [1]. К началу 1990-х доля советских вооружений в Африке: «более 70% танков, 40% самолётов, 35% вертолёт» [3]. Однако советский опыт неоднозначен: идеологизация, незнание местных реалий приводили к неэффективности проектов. Африканская политика СССР диктовалась логикой блокового противостояния с США. Распад СССР привёл к кризису. Так, в 1992 г. закрыты девять посольств и три генконсульства. Африка оказалась на «периферии внешней политики России» [3].

Особенности активизации российско-африканского сотрудничества с конца 1990-х по 2026 год

Контакты активизировались с конца 1990-х; так состоялись визиты В.В. Путина в Египет в 2005 году, Марокко и ЮАР в 2006 году стали прорывом. Тем не менее, уровень знаний об Африке в России пока не на самом высоком уровне.

Новый импульс дал саммит «Россия-Африка» в Сочи, который состоялся 23-24 октября 2019 года. В нем принимали участие делегаты из «104 государств, подписано 92 соглашения на сумму более 1 трлн рублей» [21]. В.В. Путин отметил, что Россия экспортирует в Африку «сельхозпродукции на 25 млрд долл., причем оружия — на 15 млрд долл» [12].

Второй саммит прошёл 27-28 июля 2023 года в Санкт-Петербурге. Несмотря на давление Запада, участвовали делегации из 48 стран. Из них 27 — на уровне глав государств, подписано 161 соглашение, принят пакет из пяти ключевых документов, включая Декларацию саммита и План действий на 2023–2026 годы. В.В. Путин заявил о бесплатных поставках зерна африканским странам, где первые партии направлены в Сомали и Буркина-Фасо, дополнительном списании около «900 млн долл. долгов, где общая сумма составила 23 млрд долл» [14]. Достигнуты договорённости о переходе на национальные валюты во взаимных расчётах, открытии филиалов российских вузов в Африке и помощи в борьбе с инфекциями на 1,2 млрд рублей. Таким образом, началась новая глава в двусторонних отношениях между Россией и Африкой, основанная на взаимной выгоде, учёте исторического опыта и современных геополитических реалиях.

Еще одним из подтверждений наращивания российско-африканского сотрудничества служат итоги участия африканских представителей в международном экономическом форуме «Россия — Исламский мир: KazanForum 2026», прошедшего в Казани с 13 по 15 мая. По данным прессы «KazanForum 2026» и отчета Агентства инвестиционного развития Республики Татарстан, казанский форум установил новый рекорд по представительству африканских стран.

На форуме присутствовали делегации из «99 государств, причем Агентство инвестиционного развития Татарстана зафиксировало «беспрецедентный ажиотаж» со стороны Африки, который ранее не наблюдался» [25]. Главным экономическим итогом форума стала высокая результативность: было подписано «163 соглашения и меморандума, из которых 86 носят международный характер» [25], что свидетельствует о переходе диалога в практическую плоскость.

В рамках промышленной кооперации министр промышленности Египта Халед Хашем подтвердил запуск «Российской промышленной зоны» [4] в Айн-Сохне, назвав этот проект одним из самых значимых в отношениях двух стран, что открывает российскому бизнесу прямой выход на африканские рынки. В сфере цифровой экономики и искусственного интеллекта алжирская делегация во главе с министром Нуреддином Удахом выступила с инициативой позиционировать себя как «региональный цифровой хаб, сделав основной упор на строительство центров обработки данных для развития ИИ и трансфер технологий» [24].

В вопросе сельского хозяйства и логистики в рамках специальной сессии посольства Эфиопии обсуждались перспективы стратегического сотрудничества, «включая логистику и кофейную индустрию» [5] — один из ключевых экспортных товаров Африки.

Помимо экономики, на полях казанского форума обсуждались вопросы гуманитарного сотрудничества. Так, Казанский федеральный университет провел специальную конференцию по партнерству с вузами Африки, где аспирант из Нигерии презентовал дорожную карту развития отношений, включающую «запуск совместных исследовательских центров и программ академической мобильности» [2].

В области культурной дипломатии Буркина-Фасо в галерее современного искусства состоялась открытие выставки «Страна честных людей. Традиционная скульптура Буркина Фасо», организованной Международной общественной организацией «Центр народной дипломатии»

в сотрудничестве с Министерством промышленности, торговли и ремесел, при поддержке Посольства Буркина-Фасо в Российской Федерации и Правительства Новосибирской области. Выставка представляет традиционную бронзовую скульптуру Буркина-Фасо, жизнь, быт, традиции и обычаи буркинийского народа. Среди африканских представителей на открытии выставки приняли участие «Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сенегал в Российской Федерации Стефан Сильвен Самбу и руководитель женского альянса БРИКС, председатель общественной организации «Первые леди Африки» мадам Слаузи Зодва Могами» [17]. Участие африканских представителей высокого уровня говорит о заинтересованности Африки к культурным проектам Центра народной дипломатии и стремлению развивать контакты с этой организацией.

Кроме того на полях казанского форума была проведена сессия, посвященная культурному сближению России и Африки, организованная Центром народной дипломатии. Послы Республики Гана и Сьерра-Леоне отметили «влияние советских и российских выпускников на развитие отношений и близость культур» [22]. Примером востребованности обмена стала упомянутая выше выставка бронзы из Буркина-Фасо. Президент «Дома Африки» Серж Фокас подчеркнул, что «культурное взаимодействие необходимо перед развитием экономики» [22].

Подводя итог деятельности казанского форума, можно сделать вывод, что Африка рассматривает Россию (в лице Татарстана как промышленного хаба) как технологического партнера, а Россия видит в африканских государствах новых сильных союзников в выстраивании многополярного мира и перестройке глобальных цепочек поставок. Таким образом, взаимодействие переходит из сферы политических деклараций в стадию реализуемых индустриальных, академических и культурных проектов.

Кроме того, в рамках Петербургского международного экономического форума 2026 состоялся бизнес-диалог «Россия-Африка», на котором обсуждалась подготовка к третьему саммиту «Россия-Африка», который

пройдет в Москве 28-29 октября. Выступая на сессии, Директор департамента партнерства с Африкой МИД России Татьяна Довгаленко отметила, что «Москва рассчитывает на придание дополнительного импульса сотрудничеству "на земле" по итогам предстоящего саммита» [15]. По ее словам, за последние полтора года Россию посетили 17 лидеров африканских стран. Одновременно расширяется и дипломатическое присутствие. «В настоящее время у нас 45 посольств в Африке, — сообщается в официальном заявлении. — Мы надеемся, что до конца года их будет уже 49» [15]. Ранее Директор департамента государств Африки (южнее Сахары) МИД России Анатолия Башкина отметил, что «Посольства РФ в ближайшее время физически заработают в четырех странах Африки» [16], а именно на Коморских островах, в Гамбии, Либерии и Того, что еще раз подтверждает заинтересованность сторон к установлению прочного взаимовыгодного сотрудничества, основанного на взаимном уважении и равенстве. Более того, в соответствии с Концепцией внешней политики России 2023 г. [7], одним из приоритетов внешнеполитического курса нашей страны выступает сотрудничество именно с африканскими государствами и объединениями внутри континента.

В подтверждении заявления Директора департамента партнерства с Африкой МИД России Татьяны Довгаленко стоит отметить, государственный визит Президента Танзании, Ее Превосходительства Самии Сулуху Хассан в Россию. Визит проходил с 3 по 5 июня, и его ключевым событием стали переговоры в Кремле, где Президенты России и Танзании обсудили широкий круг вопросов, включая расширение сотрудничества «в энергетике, геологоразведке, промышленности, транспорте, логистике, сельском хозяйстве и здравоохранении» [5], а также подтвердили подготовку к третьему саммиту «Россия — Африка», который состоится в Москве 28-29 октября 2026 года. Танзанийский лидер подтвердила свое участие в этом саммите.

Основные договоренности и заявленные проекты отражают стремление к диверсификации и углублению связей. В экономической сфере страны договорились увеличить усилия по развитию торговли и инвестиций. Товарооборот демонстрирует устойчивый рост: по разным оценкам, в 2025 году он увеличился на «20-25%, а совокупный рост с 2020 по 2025 год достиг 72%» [26]. Ключевой прорыв заключается в достижении финальной стадии переговоров о соглашении, которое позволит вести двустороннюю торговлю в национальных валютах: танзанийских шиллингах и российских рублях, что снизит зависимость от третьих стран. В числе конкретных проектов: освоение крупного уранового месторождения на юге Танзании, на которое «Росатом» получил лицензию еще в 2013 году, и реализация проекта Южной железной дороги через государственно-частное партнерство .

Значительное внимание было уделено логистике и туризму. Помощник президента России Юрий Ушаков анонсировал запуск «прямых авиарейсов между Москвой и Дар-эс-Саламом летом 2026 года авиакомпанией Air Tanzania» [20]. Предположительно, первый рейс будет произведен 2 июля этого года. Это решение обусловлено растущим турпоток из России в Танзанию. Кроме того, обсуждаются перспективы упрощения визового режима, что, по оценкам Минэкономразвития, может «увеличить количество туристических поездок до 80 тысяч в год» [19]. Кроме того, ведутся переговоры о возможности приема в Танзании российских карт «Мир» .

Научно-образовательное сотрудничество получило символическое и практическое закрепление. 4 июня в Российском университете дружбы народов (РУДН) имени Патриса Лумумбы Президенту Самии Сулуху Хасан было «присвоено звание почетного доктора» [13]. На церемонии она отметила, что выпускники РУДН вносят большой вклад в развитие Танзании в сферах здравоохранения, образования и сельского хозяйства, и пообещала укреплять связи с университетом. В более широком смысле лидеры двух стран обсудили сотрудничество в сферах искусственного интеллекта, цифровых технологий, космической науки и фармацевтики, что

свидетельствует о переходе к партнерству, ориентированному на технологическое развитие и подготовку кадров для танзанийской экономики.

Заключение

Проведённый анализ показывает, активизацию российско-африканского сотрудничества. Пройдя путь от кризиса Россия и Африка сформировали устойчивое партнёрство, основанное на взаимной выгоде, уважении суверенитета и учёте геополитических реалий.

Саммиты «Россия-Африка» и Казаньфорум 2026 подтвердили переход диалога в практическую плоскость. Конкретными примерами стали Российская промышленная зона в Египте, инициатива Алжира по созданию цифрового хаба и государственный визит президента Танзании в июне 2026 года, в ходе которого достигнуты договорённости о расчётах в национальных валютах, прямых авиарейсах и совместной разработке уранового месторождения. С учетом интенсификации сотрудничества в атомной сфере между Россией и Танзанией можно предположить, что в Танзании будет дан старт строительству АЭС.

Ключевое значение имеет предстоящий третий саммит «Россия — Африка», призванный подвести итоги предыдущих «дорожных карт» и дать импульс сотрудничеству «на земле». Учитывая, что за полтора года Россию посетили 17 африканских лидеров, а дипломатическое присутствие России достигнет 49 посольств, саммит закрепит за Россией статус ключевого технологического и торгового партнёра Африки в формирующемся многополярном мире, став платформой для реализации индустриальных, инфраструктурных, культурных и гуманитарных проектов.

Список литературы:

1. Африка и контуры формирующегося мира / О.Г. Карпович, Г.М. Сидорова, Р.Н. Шангараев, А.А. Шахалова. — Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. — 252 с. — ISBN 978-5-6048377-7-1. — EDN TMQUSP.
2. Африка — Россия: новый виток в развитии академического и культурного партнёрства в рамках ОИС // Казанский федеральный университет. — 2026. —

- URL: <https://ifmk.kpfu.ru/news/afrika-rossiya-novyj-vitok-v-razviti-akademicheskogo-i-kulturnogo-partnyorstva-v-ramkah-ois/>
3. Доклад А.М. Васильева на VII конференции африканистов. – Москва, 1998. – С. 12.
 4. Казань приняла делегацию из Египта: на повестке промышленная зона и кооперация в фарме и автопроме // Агентство Бизнес Новостей. – 2026. – 14 мая. – URL: <https://abn.agency/2026/05/14/kazan-prinyala-delegacziyu-iz-egipta-na-povestke-promyshlennaya-zona-i-kooperacziya-v-farme-i-avtoprome/>
 5. КазаньФорум-2026, день третий: международная повестка и стратегическое партнерство // Ведомости. – 2026. – 15 мая. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2026/05/15/kazanforum-2026-den-tretii-mezhdunarodnaya-povestka-i-strategicheskoe-partnerstvo .
 6. Калинина Л.П. Советско-африканское торгово-экономическое сотрудничество. – Москва, 2007. – С. 46.
 7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2023. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> .
 8. Кошелев П.Я. Советско-африканское экономическое сотрудничество. – Москва, 1981. – С. 16.
 9. Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке. – Москва, 2008. – С. 97-98.
 10. Околоков А. СССР в борьбе за мировое господство. – Москва, 2009. – С. 209.
 11. Путин 3 июня проведет переговоры с президентом Танзании // Интерфакс. – 2026. – URL: <https://www.interfax.ru/forumspb/1093348>.
 12. Путин заявил, что общая сумма списанных РФ долгов странам Африки уже превысила \$20 млрд // ТАСС. – 2019. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7034370> .
 13. Путин поздравил лидера Танзании с присвоением звания почетного доктора РУДН // РИА Новости. – 2026. – URL: <https://ria.ru/20260603/tanzaniya-2096501645.html> .
 14. Путин сделал Африке подарки в советском духе // Московский комсомолец (МК.RU). – 2023. – 28 июля. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/07/28/putin-sdelal-afrike-podarki-v-sovetskom-dukhe.html>.
 15. Россия и Африка обсудили на ПМЭФ подготовку к предстоящему саммиту в Москве // Российская газета (RG.RU). – 2026. – 4 июня. – URL: <https://rg.ru/2026/06/04/rossiia-i-afrika-obsudili-na-pmef-podgotovku-k-predstoiashchemu-sammitu-v-moskve.html> .
 16. Россия расширяет свое дипломатическое присутствие в Африке // Российская газета (RG.RU). – 2026. – 1 июня. – URL: <https://rg.ru/2026/06/01/rossiia-rasshiriaet-svoe-diplomaticheskoe-prisutstvie-v-afrike.html> .

17. С участием делегатов форума "Россия - исламский мир: КазаньФорум" официально презентована выставка бронзовой скульптуры Буркина Фасо // Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. – 2026. – URL: <https://izo-museum.ru/museum/news/sostoyalas-ofitsialnaya-prezentatsiya-vystavki-strana-chestnykh-lyudey-traditsionnaya-skulptura-burk/> .
18. Современная Африка. Экономика. – Москва, 1989. – С. 271.
19. Турпоток между РФ и Танзанией может превысить 80 тыс. при упрощении визового режима // Интерфакс. – 2026. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/tourism/news/turpotok-mezhdu-rf-i-tanzaniey-mozhet-prevysit-80-tys-pri-uproshchenii-vizovogo-rezhima> .
20. Ушаков: Air Tanzania планирует запустить прямые рейсы из Дар-эс-Салама в Москву // ТАСС. – 2026. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/27614549> .
21. Участники форума Россия - Африка подписали документы на более чем 1 трлн рублей // ТАСС. – 2019. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7053928> .
22. ЦНД провел сессию в рамках KazanForum 2026 // Центр народной дипломатии. – 2026. – 14 мая. – URL: <https://cndmoscow.ru/2026/05/14/cnd-provel-sessiju-v-ramkah-kazanforum-2026/> .
23. Четвертаков Н.А. Экономическое сотрудничество СССР со странами Африки. – Москва, 1990. – С. 230.
24. AI and Algerian startups drive talks at Kazan forum // Horizons. – 2026. – URL: <https://www.horizons.dz/language/en/2026/05/ai-and-algerian-startups-drive-talks-at-kazan-forum/> .
25. Marat Khusnullin: The International Economic Forum “Russia – Islamic World: KazanForum” brought together representatives from 99 countries. Results of KazanForum 2026 // KazanForum 2026. – 2026. – URL: <https://kazanforum.ru/en/press-center/pressreleases/15951/> .
26. Tanzania, Russia agree to increase efforts in trade, investment // TASS. – 2026. – URL: <https://tass.com/world/2141425>
27. Шангараев Р.Н. "Армия Турана" - проект Турции по военной интеграции тюркского мира. угрозы и перспективы // Обозреватель. 2021. № 7 (378). С. 70-84.
28. Россия - Африка: стратегическое сотрудничество. Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Троянский М.Г., Шангараев Р.Н. (2-е издание, исправленное и дополненное) Москва, 2023.
29. Африка и контуры формирующегося мира. Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., Шахалова А.А. Москва, 2024.

Алиев Шамиль Муртузович,
кандидат юридических наук, ассистент
кафедры международного права МГУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: alievsm@mail.ru

Shamil M. Aliev,
Ph.D. (Law), Assistant
of the department of international law of Lomonosov Moscow State
University,
e-mail: alievsm@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ОГОВОРК СССР К ЖЕНЕВСКИМ
КОНВЕНЦИЯМ ОТ 12 АВГУСТА 1949 Г. О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВОЙНЫ**

**LEGAL STATUS OF THE USSR'S RESERVATIONS TO THE
GENEVA CONVENTIONS OF 12 AUGUST 1949 FOR THE PROTECTION
OF WAR VICTIMS**

Аннотация: в 1949 году при участии СССР были приняты Женевские конвенции о защите жертв войны. В 1954 году СССР, Белорусская и Украинская ССР ратифицировали Женевские конвенции. При подписании конвенций все три участника сделали оговорки, которые изменили правовой режим действия отдельных положений конвенций по отношению к рассматриваемым участникам. В 1991 году СССР прекратил свое существование, что, в свою очередь, повлекло ряд вопросов, вытекающих из правопреемства государств. Одним из таких вопросов стала судьба сделанных ранее СССР оговорок к Женевским конвенциям о защите жертв войны: продолжают ли они распространять свое действие на вновь возникшие на территории бывшего СССР государства, либо же государства откажутся от оговорок и примут на себя обязательства по соблюдению норм конвенций без каких-либо оговорок.

Ключевые слова: Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны, оговорки к международным договорам, Венская конвенция 1978 г. о правопреемстве государств в отношении договоров, правопреемство государств, новое независимое государство, отделение государств, Комиссия международного права ООН.

Abstract: in 1949 the Geneva Conventions for the Protection of War Victims were adopted with the participation of the USSR. In 1954, the USSR, the Belorussian SSR, and the Ukrainian SSR ratified the Geneva Conventions. Upon signing the Conventions, all three parties made reservations that changed the legal status of certain provisions of the Conventions for those parties. In 1991, the USSR ceased to exist, which, in turn, gave rise to a number of issues arising from the

succession of states. One such issue was the fate of the reservations previously made by the USSR to the Geneva Conventions for the Protection of War Victims: will they continue to apply to newly established states on the territory of the former USSR, or will those states renounce their reservations and accept the obligations to comply with the Conventions without any reservations.

Keywords: the Geneva Conventions of 1949 for the Protection of War Victims, reservations to treaties, Vienna Convention of 1978 on Succession of States in respect of Treaties, succession of states, newly independent State, separation of parts of a State, United Nations International Law Commission.

Введение

12 августа 1949 г. представители 59 государств, собравшихся на дипломатическую конференцию в г. Женеве, приняли 4 Женевские конвенции о защите жертв войны, направленные на пересмотр норм права вооруженных конфликтов с учетом опыта Второй мировой войны.

Как известно, СССР подписал Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. с оговорками, а 17 апреля 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР конвенции были ратифицированы. При этом в Указе следовало лишь упоминание о ратификации конвенций «с оговорками, сделанными при подписании Конвенции 12 декабря 1949 г.» [1, с.160-161.]. Сами же оговорки в тексте Указа не раскрывались.

Они приведены в официальном издании Ведомостей Верховного Совета СССР 1954 г [2, с.218-219.; 3; 4]. Ниже мы приведем норму Женевской конвенции и оговорку, сделанную СССР при подписании. При подписании ЖК-I СССР в части статьи 10⁷ сделал следующую оговорку:

⁷ Высокие Договаривающиеся Стороны смогут во всякое время войти в соглашение о том, чтобы доверить какой-нибудь организации, представляющей полную гарантию беспристрастия и действенности, обязанности, возлагаемые настоящей Конвенцией на Государы-Покровительницы. Если на раненых и больных или санитарный и духовный персонал не распространяется или перестала распространяться по каким-либо причинам деятельность какой-нибудь Государы-Покровительницы или организации, предусмотренной в первом абзаце, Государы, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к нейтральному Государству или такой организации принять на себя функции, выполняемые в соответствии с настоящей Конвенцией Государы-Покровительницей, назначенной сторонами, находящимися в конфликте. Если не удастся осуществить покровительство указанным образом, Государы, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к какой-либо гуманитарной организации, такой, как, например, Международный Комитет Красного Креста, или с учетом положений настоящей статьи принять предложение такой организации взять на себя выполнение гуманитарных функций, выполняемых в соответствии с настоящей Конвенцией Государы-Покровительницами. Любая нейтральная Государы или любая организация, приглашенная заинтересованной Государы или предлагающая себя для этих целей, должна действовать с сознанием ответственности по

«СССР не будет признавать законным обращение державы, во власти которой находятся раненые, больные или санитарный персонал, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции, выполняемые державой-покровительницей, если на это не имеется согласия правительства страны, гражданами которой являются покровительствуемые лица».

Аналогично при подписании ЖК-II 1949 г. СССР сделал оговорку к статье 10⁸ следующего содержания: ««СССР не будет признавать законным обращение державы, во власти которой находятся раненые, больные, потерпевшие кораблекрушение или санитарный персонал, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции, выполняемые державой-покровительницей, если на это не имеется согласия правительства страны, гражданами которой являются покровительствуемые лица».

отношению к стороне, находящейся в конфликте, за которой числятся лица, пользующиеся покровительством настоящей Конвенции, и предоставить достаточные гарантии того, что она в состоянии взять на себя соответствующие функции и выполнять их беспристрастно. Предыдущие положения не могут нарушаться специальными соглашениями между Державами, когда одна из этих Держав, даже временно, ограничена в своих возможностях свободно вести переговоры с другой Державой или её союзниками в силу военной обстановки, особенно в тех случаях, когда вся или значительная часть территории данной Державы оккупирована. Каждый раз, когда в настоящей Конвенции упоминается Держава-Покровительница, это наименование означает также организации, заменяющие её согласно настоящей статье.

⁸ Высокие Договаривающиеся Стороны смогут во всякое время войти в соглашение о том, чтобы доверить какой-нибудь организации, представляющей полную гарантию беспристрастия и действительности, обязанности, возлагаемые настоящей Конвенцией на Державы-Покровительницы. Если на раненых, больных и потерпевших кораблекрушение или санитарный и духовный персонал не распространяется или перестала распространяться по каким-либо причинам деятельность какой-нибудь Державы-Покровительницы или организации, предусмотренной в первом абзаце, Держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к нейтральному Государству или такой организации принять на себя функции, выполняемые в соответствии с настоящей Конвенцией Державой-Покровительницей, назначенной сторонами, находящимися в конфликте. Если не удастся осуществить покровительство указанным образом, Держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к какой-либо гуманитарной организации, такой как, например, Международный Комитет Красного Креста, или с учётом положений настоящей статьи принять предложение такой организации взять на себя выполнение гуманитарных функций, выполняемых в соответствии с настоящей Конвенцией Державами-Покровительницами. Любая нейтральная Держава или любая организация, приглашённая заинтересованной Державой или предлагающая себя для этих целей, должна действовать с сознанием ответственности по отношению к стороне, находящейся в конфликте, за которой числятся лица, пользующиеся покровительством настоящей Конвенции, и предоставить достаточные гарантии того, что она в состоянии взять на себя соответствующие функции и выполнять их беспристрастно. Предыдущие положения не могут нарушаться специальными соглашениями между Державами, когда одна из этих Держав даже временно ограничена в своих возможностях свободно вести переговоры с другой Державой или её союзниками в силу военной обстановки, особенно в тех случаях, когда вся или значительная часть территории данной Державы оккупирована. Каждый раз, когда в настоящей Конвенции упоминается Держава-Покровительница, это наименование означает также организации, заменяющие её согласно настоящей статье.

При подписании ЖК-III 1949 г. СССР сделал оговорки к статьям 10⁹, 12¹⁰ и 85¹¹. По статье 10 СССР «не будет признавать законным обращение державы, во власти которой находятся военнопленные, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции, выполняемые державой-покровительницей, если на это не имеется согласия правительства страны, гражданами которой являются военнопленные».

По статье 12 СССР сделал оговорку, согласно которой «не будет считать законным освобождение державы, передавшей ею захваченных военнопленных другой державе от ответственности за соблюдение

⁹ Договаривающиеся Стороны смогут во всякое время войти в соглашение о том, чтобы доверить какой-нибудь организации, представляющей полную гарантию беспристрастия и действенности, обязанности, возлагаемые настоящей Конвенцией на Державы-Покровительницы. Если на военнопленных не распространяется или перестала распространяться по каким-либо причинам деятельность какой-нибудь Державы-Покровительницы или организации, предусмотренной в первом абзаце, Держава, во власти которой находятся военнопленные, должна обратиться с просьбой к нейтральному Государству или такой организации принять на себя функции, выполняемые в соответствии с настоящей Конвенцией Державой-Покровительницей, назначенной сторонами, находящимися в конфликте. Если покровительство не может быть обеспечено указанным образом, Держава, во власти которой находятся военнопленные, должна обратиться с просьбой к какой-либо гуманитарной организации, такой, как, например, Международный Комитет Красного Креста, или, с учётом положений настоящей статьи, принять предложение такой организации взять на себя выполнение гуманитарных функций, выполняемых в соответствии с настоящей Конвенцией Державами-Покровительницами. Любая нейтральная Держава или любая организация, приглашённая заинтересованной Державой или предлагающая себя для этих целей, должна действовать с сознанием ответственности по отношению к стороне, находящейся в конфликте, за которой числятся лица, пользующиеся покровительством настоящей Конвенции, и предоставить достаточные гарантии того, что она в состоянии взять на себя соответствующие функции и выполнять их беспристрастно. Предыдущие положения не могут нарушаться специальными соглашениями между Державами, когда одна из этих Держав, даже временно, ограничена в своих возможностях свободно вести переговоры с другой Державой или её союзниками в силу военной обстановки, особенно в тех случаях, когда вся или значительная часть территории данной Державы оккупирована. Каждый раз, когда в настоящей Конвенции упоминается Держава-Покровительница, это наименование означает также организации, заменяющие её согласно настоящей статье.

¹⁰ Военнопленные находятся во власти неприятельской Державы, но не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен. Независимо от ответственности, которая может пасть на отдельных лиц, держащая в плену Держава несет ответственность за обращение с военнопленными. Военнопленные могут быть переданы держащей в плену Державой только Державе, которая является участницей настоящей Конвенции, и только после того, как держащая в плену Держава удостоверилась в желании и способности Державы, которой передаются военнопленные, применять Конвенцию. Если военнопленные передаются при таких условиях, ответственность за применение Конвенции несёт Держава, принимающая их, до тех пор, пока они находятся на её попечении. Однако, если эта Держава не выполнит положений настоящей Конвенции по любому важному пункту, Держава, которая передала военнопленных, получив уведомление Державы-Покровительницы, должна принять эффективные меры для исправления положения или потребовать возвращения военнопленных. Такое требование должно быть удовлетворено.

¹¹ Военнопленные, подвергающиеся преследованию в силу законодательства держащей в плену Державы за действия, совершённые ими до взятия в плен, пользуются покровительством настоящей Конвенции даже в случае их осуждения.

Конвенции в отношении этих военнопленных, пока они находятся на попечении державы, согласившейся их принять».

По статье 85 СССР «не считает для себя обязательным вытекающее из статьи 85 распространение покровительства Конвенции на военнопленных, осужденных по законам страны, где они находятся в плену, за совершение военных преступлений и преступлений против человечества в соответствии с принципами Нюрнбергского процесса, так как осужденные за эти преступления должны подчиняться режиму, установленному в данной стране для лиц, отбывающих наказание».

В ходе подписания ЖК-IV 1949 г. СССР заявил о ее принятии, несмотря на то, что она «не распространяется на гражданское население, находящееся вне оккупированной противником территории, в силу чего она не вполне отвечает требованиям гуманности».

Тем не менее, СССР подписал указанную конвенцию с оговорками применительно к статьям 11¹² и 45¹³.

¹² Договаривающиеся Стороны смогут во всякое время войти в соглашение о том, чтобы доверить какой-нибудь организации, представляющей полную гарантию беспристрастия и действенности, обязанности, возлагаемые настоящей Конвенцией на Державы-Покровительницы.

Если на покровительствуемых лиц не распространяется или перестала распространяться по каким-либо причинам деятельность какой-нибудь Державы-Покровительницы или организации, предусмотренной в первом абзаце, Держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к нейтральному Государству или такой организации принять на себя функции, выполняемые в соответствии с настоящей Конвенцией Державой-Покровительницей, назначенной сторонами, находящимися в конфликте.

Если покровительство не может быть обеспечено указанным образом, Держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, должна обратиться с просьбой к какой-либо гуманитарной организации, такой, как, например, Международный комитет Красного Креста, или, с учетом положений настоящей статьи, принять предложение такой организации взять на себя выполнение гуманитарных функций, выполняемых в соответствии с настоящей Конвенцией Державами-Покровительницами.

Любая нейтральная Держава или любая организация, приглашенная заинтересованной Державой или предлагающая себя для этих целей, должна действовать с сознанием ответственности по отношению к стороне, находящейся в конфликте, за которой числятся лица, пользующиеся покровительством настоящей Конвенции, и предоставить достаточные гарантии того, что она в состоянии взять на себя соответствующие функции и выполнять их беспристрастно.

Предыдущие положения не могут нарушаться специальными соглашениями между Державами, когда одна из этих Держав, даже временно, ограничена в своих возможностях свободно вести переговоры с другой Державой или ее союзниками в силу военной обстановки, особенно в тех случаях, когда вся или значительная часть территории данной Державы оккупирована.

Каждый раз, когда в настоящей Конвенции упоминается Держава-Покровительница, это наименование означает также организации, заменяющие ее согласно настоящей статье.

¹³ Покровительствуемые лица не могут быть переданы Державе, не являющейся участницей Конвенции.

Это положение не может служить препятствием для репатриации покровительствуемых лиц или для их возвращения в страну их места жительства после окончания военных действий.

По статье 11 СССР «не будет признавать законным обращение державы, во власти которой находятся покровительствуемые лица, к нейтральному государству или гуманитарной организации с просьбой принять на себя функции, выполняемые державой-покровительницей, если на это не имеется согласия правительства страны, гражданами которой являются покровительствуемые лица».

По статье 45 СССР «не будет считать законным освобождение державы, передавшей находившихся в ее власти покровительствуемых лиц другой державе, от ответственности за соблюдение Конвенции в отношении переданных лиц на время, пока они находятся на попечении державы, согласившейся их принять».

Во многом, рассматриваемые оговорки были обусловлены позицией представителей военных кругов СССР, прежде всего Министерства вооруженных сил СССР и его Генерального штаба, отказывавшихся использовать механизм контроля за соблюдением положений конвенций в виде института Держав-Покровительниц и международных гуманитарных организаций как субститутов державы-Покровительницы.

Их позицию можно проследить, среди прочего, по материалам переписки Управления внешних сношений Исполкома Союза Советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (ССоККиКП), которые доступны в Государственном архиве Российской Федерации. Документы свидетельствуют, что в ходе межведомственного согласования проектов конвенций Генеральный штаб неоднократно высказывался против введения

Покровительствуемые лица могут быть переданы Державой, во власти которой они находятся, только Державе, которая является участницей Конвенции, и только тогда, когда Держава, во власти которой находятся покровительствуемые лица, удостоверится в том, что данная Держава желает и в состоянии применять Конвенцию. Когда такая передача покровительствуемых лиц состоялась, ответственность за применение Конвенции возлагается на Державу, которая согласилась их принять, в течение того времени, на которое они будут ей доверены. Однако в случае, если эта Держава не выполнит положений Конвенции по какому-либо важному пункту, Держава, которая передала покровительствуемых лиц, должна будет по уведомлению Державы-Покровительницы принять эффективные меры с тем, чтобы исправить положение или потребовать возвращения ей покровительствуемых лиц. Эта просьба должна быть удовлетворена. Покровительствуемое лицо ни в коем случае не может быть передано в страну, в которой оно могло бы опасаться преследований в связи со своими политическими или религиозными убеждениями. Положения этой статьи не препятствуют выдаче покровительствуемых лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях, на основании заключенных до начала военных действий договоров о выдаче.

института Держав-Покровительниц как института контроля за соблюдением положений конвенций и предлагал создавать смешанные комиссии. Памятуя о непростых отношениях, сложившихся в период Великой Отечественной войны с МККК, Генштаб выступал и против предоставления статуса субститута Державы-Покровительницы любой гуманитарной организации, полагая, что контроль должны осуществлять только государства. Кроме того, Генеральный штаб просил уточнить, действительно ли аутентичные тексты проектов конвенций содержат слово «контроль», а не «наблюдение» в соответствии с семантико-смысловым значением, придаваемым слову «контроль» в русском языке [5].

Иные ведомства, входившие в состав межведомственной комиссии по проектам конвенций (МИД СССР, МВД СССР, Минздрав СССР и ССоККиКП), в своих письмах замечаний, имеющих прямое отношение к заявленным впоследствии советской стороной оговоркам, не сделали[5].

Таковы исторические предпосылки формирования оговорок со стороны СССР к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны.

Правопреемство оговорок к международным договорам: общая практика.

После распада СССР бывшие союзные республики в качестве независимых государств присоединились к Конвенциям, направив Правительству Швейцарии – депозитарию Конвенций, соответствующие уведомления. В связи с этим возникает вопрос о судьбе сделанных Советским Союзом оговорок: связаны ли новые государства обязательствами бывшего СССР в части продолжения соблюдения заявленных оговорок, либо такие оговорки утрачивают юридическую силу с момента распада СССР.

Действующее международное право содержит, по существу, всего одну норму, затрагивающую проблему правопреемства оговорок к многосторонним договорам. Речь идет о статье 20 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г., которая устанавливает презумпцию сохранения оговорки государства-

предшественника государством (государствами) – преемником (преемниками) «которая была действительной в момент правопреемства государств в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, за исключением тех случаев, когда, делая уведомление о правопреемстве, оно выражает противоположное намерение или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и вышеуказанная оговорка» [6].

Однако цитируемая норма распространяется на ситуацию правопреемства в результате образования нового независимого государства, т.е. государства-преемника, «территория которого непосредственно перед моментом правопреемства государств являлась зависимой территорией, за международные отношения которой было ответственно государство-предшественник» (подпункт «f» пункта 1 статьи 2 Конвенции 1978 г.), образовавшегося в ходе процесса деколонизации.

Прекращение существования СССР же подпадает под регулирование статьи 34 Конвенции 1978 г. (правопреемство государств в случаях отделения частей государства), устанавливающей положение о непрерывности договорных обязательств государства-предшественника (любой договор, находившийся в силе в момент правопреемства государств в отношении всей территории государства-предшественника, продолжает находиться в силе в отношении каждого образованного таким образом государства-преемника), если соответствующие государства не договорились об ином.

Вопрос оговорок к международным договорам не остался без внимания со стороны Комиссии международного права ООН.

На своей сорок пятой сессии (1993 год) Комиссия постановила включить в свою программу работы тему «Право и практика, касающиеся оговорок к международным договорам». По истечении 17 лет кропотливой работы Комиссия международного права ООН в 2011 году приняла Руководство по практике в отношении оговорок к международным

договорам (далее – Руководство) [7]. Раздел 5 Руководства касается вопроса об оговорках, принятия оговорок и возражений против них и заявлений о толковании в случае правопреемства государств.

Анализируя действующее международное право в рамках рассматриваемой проблематики, Комиссия подчеркнула, что настоящим Руководством не ставит под сомнение правила и принципы, закрепленные в Конвенции 1978 г., положения руководства базируются на используемой в Конвенции терминологии.

Тем не менее, по справедливому мнению Комиссии, Конвенция, прежде всего, статья 20, «отнюдь не рассматривает и тем более не решает комплекс проблем, которые могут возникать в области оговорок в случае правопреемства государств. Прежде всего, следует отметить, что эта статья содержится в части III Конвенции, касающейся «новых независимых государств», по смыслу пункта 1 f) ее статьи 2, т.е. государств, появившихся в результате деколонизации, но оставляет нерассмотренным вопрос о нормах, применимых в случаях правопреемства государств в отношении части территории, объединения государств или отделения государств» [7, с.646.].

Пунктом 1 руководящего положения 5.1 Руководства Комиссия подтвердила существующую в межгосударственной практике презумпцию сохранения оговорок государства-предшественника за новым независимым государством. Более того, во избежание любой путаницы в отношении использования выражения «новое независимое государство», «учитывая важное значение, которое приобретает проведение различия между государствами-преемниками, имеющими статус новых независимых государств, и другими государствами при рассмотрении правовых вопросов, касающихся оговорок, возражений против оговорок, принятия оговорок и заявлений о толковании в случае правопреемства государств» [7, с.649.], Комиссия в пункте 4 руководящего положения 5.1 Руководства воспроизвела определение нового независимого государства, содержащегося в подпункте

«f» пункта 1 статьи 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г.

Имеющая прямое отношение к распаду СССР ситуация правопреемства оговорок в результате отделения государств закреплена в руководящем положении 5.1.2 Руководства, согласно которой государство-преемник, являющееся участником договора в результате отделения государств, «рассматривается как сохраняющее любую оговорку к договору, который на момент правопреемства применялся в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о намерении не сохранять одну или более оговорок государства-предшественника» [7, с.658.].

Из содержания руководящего положения 5.1.2 вытекает следующий вывод: в соответствии со сложившейся межгосударственной и международно-правовой практикой, признание юридической обязательности для государства положений многосторонних международных договоров осуществляется посредством уведомления о правопреемстве депозитария многостороннего договора либо направлением депозитарию отдельного акта о присоединении к многостороннему договору.

К новому государству переходят оговорки, сделанные государством-предшественником, в том виде, в каком они были на момент правопреемства. В уведомлении о правопреемстве новое государство может указать, что оно становится участником договора без оговорок государства-предшественника.

При этом в Комиссии международного права ООН отмечалось, что практика государств и депозитариев не является согласованной «в смысле признания автоматического характера правопреемства в отношении договоров в контексте отделения и объединения государств» [7, с.660.].

Швейцария как депозитарий ряда многосторонних международных договоров, включая Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны, изначально применяло в отношении государства-преемника, которое не высказалось относительно судьбы оговорок государства-предшественника,

презумпцию несохранения этих оговорок. Теперь Швейцария придерживается другого подхода, заключающегося в том, чтобы предложить государству-преемнику сообщить о своих намерениях на предмет сохранения или несохранения оговорок государства-предшественника. Такой подход был подтвержден в заключении Управления международного публичного права Федерального Департамента иностранных дел Швейцарии от 6 февраля 2007 г. «Практика Швейцарии в качестве государства-депозитария. Оговорки к договорам в контексте правопреемства государств» [7, с.663.].

Представленной позицией, как явствует из материалов официального сайта Федерального Департамента иностранных дел относительно выполнения им функций государства-депозитария, Швейцария руководствуется и в настоящее время.

Таким образом, государствам, образовавшимся в результате распада СССР, на основании положений ст.34 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. и сложившейся международно-правовой практики, целесообразно было бы направить в Швейцарию-государство-депозитарий Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., уведомления о правопреемстве с указанием судьбы оговорок, сформулированных государством-предшественником: снимает ли она ранее заявленные оговорки, либо принимает тексты конвенций с оговорками государства-предшественника.

Правопреемство государств бывшего СССР в отношении оговорок СССР к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны

Вместе с тем, уведомления и декларации государств в части их участия в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г., размещенные на официальном сайте Федерального Департамента иностранных дел Швейцарии[8]¹⁴, демонстрируют следующую картину: только 4 государства (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан) направили в

¹⁴ Используемые ниже уведомления и декларации государств бывшего СССР цитируются в соответствии с материалами данного сайта.

Швейцарию уведомления о правопреемстве (declaration of succession). Остальные бывшие союзные республики представили декларации о присоединении (instrument of accession) к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.

Последнее обстоятельство вызывает удивление по причине того, что присоединиться к многостороннему международному договору, основываясь на положениях Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г., можно в случае образования нового независимого государства.

Однако, распространение категории «новое независимое государство» на государства, образовавшиеся в результате распада СССР, в силу упоминавшегося нами выше определения нового независимого государства как государства, образовавшегося в результате деколонизации, не соответствует действующему международному праву [9, с. 91-95].

Здесь следует оговориться относительно Украины и Белоруссии – будучи членами ООН, они принимали Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. наряду с СССР и, соответственно, являлись участниками с даты их заключения СССР, Украинской ССР и Белорусской ССР.

В уведомлениях о правопреемстве Казахстана¹⁵, Кыргызстана¹⁶, Таджикистана¹⁷ и Туркменистана¹⁸ установлено, что моментом правопреемства этих республик следует считать 21 декабря 1991 года, день подписания Алма-Атинской декларации о создании Содружества Независимых Государств («The succession took effect on 21 December 1991,

¹⁵ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Kazakhstan. Berne, 14 October 1992.

¹⁶ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Kirghizistan. Berne, 14 October 1992.

¹⁷ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Tajikistan. Berne, 17 February 1993.

¹⁸ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Turkmenistan. Berne, 14 October 1992.

day of the signature of the Declaration of Alma-Ata, which created the enlarged Community of Independent States»).

Учитывая изложенное, а также исходя из Конвенции о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г. (п. 1а ст. 34) и сложившейся практики правопреемства государств, положения Женевских конвенций 1949 г. распространяются на территории указанных республик с момента правопреемства, т.е. с 21 декабря 1991 г.

Между тем, уведомления о правопреемстве не содержат каких-либо положений насчет заявленных СССР оговорок, что, с учетом изложенной выше практики, свидетельствует о продолжении применения Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. с оговорками, сделанными СССР при их подписании.

Декларации о присоединении к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., направленные в адрес Швейцарского Федерального Совета, остальными бывшими союзными республиками (Азербайджан¹⁹, Армения²⁰, Грузия²¹, Латвия²², Литва²³, Молдова²⁴, Узбекистан²⁵, Эстония²⁶) включают лишь общие положения о порядке и дате вступления в силу конвенций для каждой из республик («According to their final provisions, the Conventions shall take effect for the.....six months after the deposit of the instrument, i.e. on....»).

¹⁹ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Accession by Azerbaijan. Berne, 11 August 1993.

²⁰ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Accession by Armenia. Berne, 11 August 1993.

²¹ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Accession by Georgia. Berne, 13 December 1993.

²² Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Accession by Latvia to the Conventions and Additional protocols. Berne, 10 February 1992.

²³ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Accession by Lithuania. Berne, 3 October 1996.

²⁴ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Accession by the Republic of Moldova. Berne, 11 August 1993.

²⁵ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Accession by Uzbekistan. Berne, 13 December 1993.

²⁶ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Accession by Estonia. Berne, 17 February 1993.

Положения о судьбе оговорок СССР, аналогично рассмотренным выше уведомлениям о правопреемстве, также отсутствуют.

Проведенный анализ международных правовых актов 12 государств – бывших республик СССР показывает, что признание юридической обязательности Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. произошло с нарушениями норм действующего международного права и сложившейся межгосударственной практики, выразившегося в отсутствии положений, затрагивающих судьбу оговорок государства-предшественника. Вследствие подобного подхода у исследователя может сложиться впечатление, что бывшие союзные республики согласны с тем, чтобы Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. применялись ими с оговорками, сделанными СССР при их подписании. В противном случае государства должны заявить об этом, официально уведомив государство-депозитарий Конвенций о снятии ранее сделанных оговорок, чего в случае с указанными государствами не наблюдается.

Надо отметить, что такая картина характерна и для некоторых стран бывшего социалистического лагеря.

Например, из государств, входивших ранее в состав Социалистической Федеративной Республики Югославия (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Македония) только Хорватия²⁷ и Босния и Герцеговина²⁸ в уведомлениях о правопреемстве указали о признании юридической обязательности положений Конвенций без оговорок и заявлений, сделанных Социалистической Федеративной Республикой Югославия, а также не заявляя о новых оговорках («without taking over the reservations and declaration, formulated by the Socialist Federal Republic of Yugoslavia and without entering new reservations»).

²⁷ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Croatia. Berne, 7 July 1992.

²⁸ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols. Succession by Bosnia and Herzegovina. Berne, 17 February 1993.

Если отойти от статуса оговорок вследствие событий правопреемства государств и справочно затронуть те государства социалистического лагеря, на территории которых была осуществлена смена политического режима, то ситуация со снятием оговорок в соответствии с действующим международным правом успешно была решена на примере Болгарии²⁹, Венгрии³⁰, Польши³¹ и Румынии³². Эти страны в 1994, 2000, 2004 и 2002 годах соответственно уведомили государство-депозитарий о том, что снимают сделанные ими ранее оговорки к Конвенциям.

Что же касается России, Белоруссии и Украины, то ситуация с ними выглядит следующим образом.

Позиция руководства Российской Федерации, исходя из имеющихся в распоряжении исследователей весьма скудных по своему содержанию документов, первоначально заключалась в отказе от любых оговорок, сделанных СССР к многосторонним международным договорам, включая Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.

Об этом можно судить по распоряжению Президента Российской Федерации от 2 сентября 1993 г. № 607-рп «Об официальных представителях Президента Российской Федерации при рассмотрении Верховным Советом Российской Федерации вопроса о снятии оговорок, сделанных СССР при подписании и ратификации четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны» [10, ст. 3409]. Настоящим распоряжением Президент Российской Федерации назначил Министра иностранных дел Российской Федерации А.В. Козырева и Министра обороны Российской Федерации П.С. Грачева для рассмотрения вопроса на заседании Верховного

²⁹ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocol I. Withdrawal of reservations and declaration by Bulgaria. Berne, 17 May 1994.

³⁰ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions and Additional protocols I and II. Withdrawal of reservations by the Republic of Hungary. Berne, 7 July 2000.

³¹ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Withdrawal of reservations by the Republic of Poland. Berne, 5 October 2004.

³² Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Withdrawal of reservations by Romania. Berne, 1 November 2002.

Совета Российской Федерации. Однако искомый вопрос так и не был рассмотрен ни Верховным Советом Российской Федерации, ни сменившими его палатами Федерального Собрания Российской Федерации, и судьба его по настоящее время остается неизвестной.

Белоруссия 7 августа 2001 г. официально уведомила государство-депозитарий о том, что она снимает оговорки, сделанные 12 декабря 1949 г. при подписании Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. («the Republic of Belarus withdrew the reservations made on 12 December 1949 upon signature of the Geneva Conventions of 12 August 1949»)³³.

Примеру Белоруссии последовала и Украина, уведомив государство-депозитарий 30 июня 2006 г., что она снимает оговорки к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., сделанные при подписании и последующей ратификации 8 августа 1954 г. («Ukraine withdrew the reservations to the Geneva Conventions of 12 August 1949, made upon signature and confirmed on 8 August 1954 upon ratification»)³⁴.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует заключить, что действующее международное право и межгосударственная практика в вопросе о статусе оговорок к многосторонним международным договорам применительно к ситуациям правопреемства государств сформировали презумпцию сохранения действия оговорок государства-предшественника в отношении государства-преемника в случае образования нового независимого государства, а также в случае отделения государств.

Для того чтобы оговорка государства-предшественника потеряла свою юридическую силу для государства-преемника, последнее должно уведомить государство-депозитарий международного договора о снятии оговорок. Если такого заявления от государства-преемника не последовало, то государство-

³³ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Withdrawal of reservations by the Republic of Belarus. Berne, 22 October 2001.

³⁴ Notification to the Governments of the States parties to the Geneva conventions of 12 August 1949 for the protection of war victims. Conventions. Withdrawal of reservations by Ukraine. Berne, 7 August 2006.

преемник участвует в соответствующем международном договоре с учетом оговорок, сделанных государством-предшественником.

При ситуации правопреемства в результате отделения государств, к числу которых относится образование государств на территории бывшего СССР, образовавшемуся в результате отделения государству надлежит направить государству-депозитарию уведомление о правопреемстве, в котором отдельно должно содержаться положение о судьбе ранее сделанных государством-предшественником оговорок.

Вопреки указанному правилу, 8 государств (Азербайджан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Эстония), образовавшихся в результате распада СССР, направили не уведомления о правопреемстве, а декларации о присоединении к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. в качестве новых независимых государств, что вызывает обоснованные возражения по причине несоответствия их действий норме подпункта «f» пункта 1 статьи 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. Кроме того, в представленных декларациях судьба оговорок бывшего СССР не упоминается.

4 государства бывшего СССР (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан) направили уведомления о правопреемстве, что находится в соответствии с положениями статьи 34 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г., но, вместе с тем, в них отсутствует информация по поводу судьбы оговорок.

2 государства (Украина и Белоруссия) направили уведомления о снятии оговорок, сделанных при подписании и последующей ратификации Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.

Позиция Российской Федерации по настоящее время остается неизвестной.

Таким образом, оговорки, сделанные СССР при подписании и ратификации Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., сохраняют свою юридическую силу в отношении 13 республик бывшего

СССР. На Белоруссию и Украину распространяется действие Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. без оговорок, сделанных Белорусской ССР и Украинской ССР соответственно.

Список литературы

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г. «О ратификации Женевских Конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны»//Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-июль 1956 г./под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю.И. М., 1956 . С.160-161.
2. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. М.: Издание «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1954. С.218-219.
3. Оговорки СССР приведены на официальном сайте Международного Комитета Красного Креста (МККК). См.: URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciv-1949/state-parties/RU> (дата обращения 07.12.2025)
4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М., 1994. 320 с.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 9501. Опись № 13. Дело № 61. Листы 1-75.
6. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 года. URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (дата обращения 07.12.2025)
7. Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам. Доклад Комиссии международного права ООН. Шестдесят третья сессия (26 апреля – 3 июня и 4 июля-12 августа 2011 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестдесят шестая сессия. Дополнение № 10. 740 с.
8. Официальный сайт Федерального Департамента иностранных дел Швейцарии.URL:<https://www.fdfa.admin.ch/eda/fr/dfae/politiqueexterieure/droit-international-public/traites-internationaux/depositaire/protection-des-victimes-de-la-guerre/notifications-du-depositaire-communes-aux-conventions-degen%C3%A8ve-et-aux-protocoles-additionnels.html>(дата обращения 10.12.2025).
9. Кремнев П.П. 2012. Распад СССР и правопреемство государств. Москва. 192 с.
10. Распоряжение Президента Российской Федерации от 2 сентября 1993 г. № 607-рп «Об официальных представителях Президента Российской Федерации при рассмотрении Верховным Советом Российской Федерации вопроса о снятии оговорок, сделанных СССР при подписании и ратификации четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны»//Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 36. Ст.3409.

Романов Михаил Сергеевич,
аспирант кафедры международного права
Дипломатической академии МГИМО МИД России,
e-mail: mickail.romanov@yandex.ru

Mikhail S. Romanov,
Postgraduate student of the Department of International Law,
Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: mickail.romanov@yandex.ru

ГЕНЕЗИС ИММУНИТЕТА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE GENEZIS OF THE IMMUNITY OF OFFICIALS IN INTERNATIONAL LAW

Аннотация: данная статья посвящена иммунитету должностных лиц от международной уголовной ответственности. В статье рассматриваются исторические аспекты развития иммунитета должностных лиц, определение иммунитета, основания его применения и ограничения в международном праве. Должностные лица, представляющие государство в его международных отношениях, пользуются особым статусом, который освобождает их от иностранной юрисдикции. Иммунитет является важным инструментом для обеспечения независимости и неприкосновенности государственных должностных лиц, но в то же время возникает вопрос о возможности и легитимности привлечения государственных должностных лиц за совершение преступлений. **Методы исследования:** в данной статье использованы методы анализа, конкретизации и обобщения, синтеза, а также сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Ключевые слова: иммунитет должностного лица, личный иммунитет, функциональный иммунитет, юрисдикция, международные уголовные преступления, преступления международного характера.

Abstract: this article is devoted to the immunity of officials from international criminal liability. The article examines the historical aspects of the development of immunity of officials, the definition of immunity, the grounds for its application and limitations in international law. Officials representing the State in its international relations enjoy a special status that exempts them from the jurisdiction of foreign courts. This immunity is an important tool for ensuring the independence and inviolability of public officials, but at the same time, the question arises about the possibility and legitimacy of bringing public officials to punishment for committing crimes.

Research methods: this article uses methods of analysis, concretization, generalization, synthesis, as well as comparative legal and historical legal methods.

Keywords: official immunity, personal immunity, functional immunity, jurisdiction, international criminal crimes, crimes of an international character.

Введение

На протяжении всей истории со дня создания государств и обретении ими своей военной мощи, стояли вопросы возможности привлечения к ответственности поданных государств, виновных в разбойных нападениях, насилиях, смертях и прочих бесчинствах, как и возможности невыдачи или защиты своих поданных от требований привлечения к ответственности за аналогичные деяния. Также стояли вопросы защиты поданных государств в период исполнения ими своих обязанностей, представления интересов и воли аккредитующего государства на территориях принимающих государств без страха какого-либо преследования.

В процессе взаимодействия государств на протяжении долгого времени в отношении представителей других государств складывались определенные правила поведения.

Одним из таких обычаев является не причинение вреда лицу, представляющему интересы иного государства, что формировало у государств некое понимание иммунитета и его выгоду.

Уже в XX веке после формирования основных принципов международного уголовного права концепция иммунитета должностных государств переходит в активную фазу развития, что диктуется положением своего времени [10].

Генезис иммунитета должностных лиц

С принятием Устава ООН 1945 г. и подписанием различных международных договоров, неприкосновенность должностных лиц государств стала предметом более тщательного обсуждения и оценки.

Поворотной вехой истории в отношении ответственности должностных лиц стал конец Первой мировой войны. Мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. в Версале, предусматривал возможность выдачи и

осуществления уголовного преследования лиц, совершивших международные уголовные преступления.

21 декабря 1919 года правительство Нидерландов, сохранявших нейтралитет в годы Первой мировой войны, официально предоставило политическое убежище бывшему императору Германии Вильгельму II. Месяцем позже, 22 января, голландцы ответили отказом на официальный запрос Антанты выдать кайзера победителям.

Важной отправной точкой истории стали Нюрнбергский трибунал 1945 г. и Токийский трибунал 1946 г., в ходе которых была установлена и доказана вина высших государственных лиц государств, развязавших войну.

Эти процессы внесли фундаментальный вклад в становление международного права и утвердили принцип о том, что даже высокопоставленные лидеры могут быть привлечены к ответственности за преступления против мира и человечности, что послужило наглядным примером недопустимости ссылки обвиняемого на свое должностное положение в качестве основания для его освобождения.

Итоги деятельности указанных трибуналов были признаны в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [8], которая в свою очередь подтвердила принципы международного права.

Указанное предписание было закреплено в учредительных документах международных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии 1993 г. [11], Руанде 1994 г. [12], Специального суда по Сьерра-Леоне 2002 г. [13], Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. [9]. Общими для них всех являются формулировки нормативных документов, согласно которым нет оснований освобождения от наказания лицам, совершившим преступления против мира и человечности независимо от занимаемых ими должностей.

Также вопрос иммунитета должностных лиц государства от уголовного преследования затрагивают различные конвенции, среди которых следует

выделить Конвенцию о дипломатических сношениях 1961 г. [1], Конвенцию о консульских сношениях 1963 г. [2], Конвенцию о специальных миссиях 1969 г. [6], Конвенцию о пресечении преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов 1973 г. [7] и Конвенцию о представительстве государств в отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. [3].

Основным же источником применительно к иммунитету должностного лица от иностранной уголовной юрисдикции как было указано выше, выступает международный обычай [5].

В международном праве можно выделить личный иммунитет (*ratione personae*) и функциональный иммунитет (*ratione materiae*). Разграничение между обозначенными иммунитетами не нашло отражения во внутренних законодательствах государств, но нашло отражение в судебной практике [4].

В отношении личного иммунитета следует отметить, что международно-правовые акты, предусматривающие ответственность индивида за совершение международных преступлений, содержат положения, согласно которым должностное положение обвиняемого в качестве лидера государства, правительства государства или ответственного должностного лица не является основанием для освобождения от ответственности или смягчение заслуженного наказания.

В этой связи следует отметить, что личный иммунитет по своему характеру является временным, из чего следует, что по истечении срока полномочий те или иные должностные лица пользуются иммунитетом функциональным.

В свою очередь функциональный иммунитет признается в отношении должностных лиц государств и охватывает только те действия, которые могут быть определены как официальные или действия, совершенные в порядке выполнения официальных функций, не имея определенного срока действия. Различать официальные действия от действий частного характера следует определяя их цель.

Под иммунитетом следует понимать норму международного права и соответствующее ей правоотношение, в которых юридическому праву бенефициария на то, чтобы в отношении него осуществлялась иностранная юрисдикция, корреспондирует юридическое обязательство иностранного государства не осуществлять юрисдикцию в отношении данного лица.

Наряду с закреплением рассматриваемых предписаний на международно-правовом уровне, параллельно в рамках Комиссии международного права ООН осуществлялась работа по кодификации положений иммунитета должностных лиц государств.

С момента создания Комиссии международного права ООН, стоял вопрос направления работы по кодификации положений об иммунитетах. Изначально внимание было сфокусировано на юрисдикционных иммунитетах государств.

В 1991 Комиссией международного права ООН был представлен проект статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Далее на основе указанного проекта Генеральной Ассамблеей ООН в 2004 была принята Конвенция о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности.

Ограничение иммунитета должностных лиц

Вопрос баланса ответственности лица, совершившего преступление и защиты интересов государства которое он представляет, требует тщательного анализа, так как вероятны тенденции отхода от абсолютной защиты должностных лиц государств в международном праве, что диктуется невозможностью оправдания нарушений прав человек и (или) международного гуманитарного права служебными обязанностями должностного лица и (или) поручениями высшего руководящего состава государства.

Дискуссии касательно иммунитета должностных лиц государств от уголовной ответственности сфокусирована на необходимости обеспечения правосудия и защиты нарушенных прав, ведь деяния любой формы,

направленные на нарушение прав человека, чести и достоинства априори не могут считаться законными, даже если они и были одобрены руководством государства.

Иммунитет не означает право делать то, что заблагорассудится, так как действующее должностное лицо может быть осуждено в своей стране, государство может снять иммунитет. Интересным является тот факт, что с момента прекращения исполнения обязанностей, иммунитет не распространяется на лицо в том объеме, в какой он на него ранее распространялся.

Следует выделить некоторые исключения из функционального иммунитета.

1. Территориальное исключение.

Должностное лицо не обладает функциональным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в случае, если такое государство не давало своего согласия на совершение данным лицом действий, которые представляют собой международное уголовное преступление, и на присутствие должностного лица на территории такого государства.

2. Коррупция.

Как известно под коррупцией подразумеваются действия *ultra vires* должностного лица иностранного государства, совершенные исключительно в корыстных интересах. Такая же точка зрения изложена в резолюции Института международного права, согласно которой бывший лидер государства или правительства может быть привлечен к ответственности, если его деяния диктуются исключительно личным интересом, либо им незаконно присваивается имущество и ресурсы государства.

В национальных судах как правило при рассмотрении указанных дел такой иммунитет в отношении своих подданных государством не действует.

В третью очередь речь идет о совершении международных уголовных преступлений. Касательно возможности существования данного исключения из функционального иммунитета ведутся дискуссии. Существует мнение,

что императивный характер запрета пыток, агрессии, военных преступлений и преступлений против человечности, обладает приоритетом над иммунитетом должностного лица, что на мой взгляд является верным.

Как показывает практика, присутствует необходимость подотчетности руководящих лиц государств за отданные ими поручения и (или) приказы.

В этой связи следует найти баланс, который бы уважал государственный суверенитет и одновременно бы гарантировал, что совершенные преступления не останутся безнаказанными. Укрепление международных систем уголовной ответственности в данном контексте становится очередным важным шагом к обеспечению справедливости и укреплению международного сотрудничества.

Ключевую роль в привлечении к ответственности и восстановлении справедливости играет международное сообщество. Для формирования действенного сотрудничества следует приспособлять и улучшать имеющиеся международные инструменты, обеспечивающие эффективное взаимодействие.

Одним из ключевых аспектов этого вопроса является необходимость проектирования специальных механизмов и инструментов для дальнейшей интеграции опыта в существующие национальные правовые системы. Странам следует скооперироваться и внедрять эффективные процедуры расследование неправомерных действий должностных лиц с последующим осуществлением соразмерного правосудия в отношении них.

Заключение

Иммунитет должностных лиц от международной уголовной ответственности остается одной из самых обсуждаемых тем в международном сообществе. Он является инструментом защиты государств от вмешательства во внутренние дела, но порой является инструментом злоупотребления властью, уклонения от ответственности за совершенные преступления.

Глобализация, развитие технологий и иные современные вызовы требуют переосмысления роли иммунитета должностных лиц в международном праве, адаптации норм международного права, поиска подхода, который мог бы привести к более справедливой и эффективной международной системе правосудия.

При адаптации существующих норм международного права к указанным вызовам, необходимо, чтобы они служили не только интересам должностных лиц государств, но и укрепляли принципы международного права, развивали международное сотрудничество на основе взаимоуважения.

Список литературы:

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения 18.05.2024);
2. Венская конвенция о консульских сношениях и факультативные протоколы URL:<https://docs.cntd.ru/document/1901943> [Электронный ресурс] (дата обращения 18.05.2024);
3. Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения 19.05.2024);
4. Доклад Комиссии международного права. П. 269. 60-я сессия. Нью-Йорк, 2008. С. 350. URL: <https://studylib.ru/doc/2569268/doklad-komissii-mezhdunarodnogo-prava?ysclid=lx4yj523cz16454926> 9; [Электронный ресурс] (дата обращения 15.06.2024);
5. Колодкин Р.А. Указ. Соч. С. 5, 6. https://mgimo.ru/upload/iblock/6d8/7988%20%D0%A1%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf?ysclid=lx4z3fbiwa913641661&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru/ [Электронный ресурс] (дата обращения 18.05.2024);
6. Конвенция о специальных миссиях URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения 18.05.2024);
7. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения 19.05.2024);

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 95 (1) «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского Трибунала» (11.12.1946) [Электронный ресурс] Доступ из справочной информации «Гарант» (дата обращения 17.05.2024);
9. Римский статут Международного уголовного суда URL:[https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) [Электронный ресурс] (дата обращения 17.05.2024);
10. Скуратова А.Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации. М. 2012. С. 67 – 69. URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005104677/?ysclid=lx50lltyui749663467 [Электронный ресурс] (дата обращения 15.05.2024);
11. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии. URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> [Электронный ресурс] (дата обращения 19.05.2024);
12. Устав Международного трибунала по Руанде. URL: <https://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> [Электронный ресурс] (дата обращения 18.05.2024);
13. Устав Специального суда по Сьерра-Леоне URL:https://www.un.org/ru/documents/bylaws/charter_sierra.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения 17.05.2024).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Мудрова Светлана Владимировна,
доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической
экономики и истории экономической науки,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
e-mail: mudrova.sv@rea.ru

Svetlana V. Mudrova
Doctor of Economics,
Head of the Department of Political Economy and History of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: mudrova.sv@rea.ru

Тоганян Арман Самвелович
ассистент кафедры мировой экономики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
e-mail: toganyan.as@rea.ru

Arman S. Toghanyan
Assistant of the Department of World Economy,
Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: toganyan.as@rea.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

ANALYSIS OF MODERN MIGRATION PROCESSES

Аннотация: в условиях глобализации и регионализации международная миграция населения становится одним из ключевых процессов мировой экономики. Миграционные потоки оказывают существенное влияние на социально-экономические, политические, демографические процессы как в странах донорах миграции, так и в странах реципиентах. В связи с этим миграция становится важным инструментом экономического развития, а также инструментом мягкой силы. Современные процессы международной миграции характеризуются высокой интенсивностью, изменением географической структуры потоков и усилением роли экономических и институциональных факторов. Вооруженные конфликты, изменение климата, глобальные кризисы, пандемия COVID-19, а также усиление геоэкономической и геополитической нестабильностей привели к трансформации традиционных миграционных маршрутов, форм занятости мигрантов и к увеличению их количества в мире.

Ключевые слова: международная миграция, денежные переводы, миграционные процессы, регулирование миграционных процессов, факторы

миграции, региональные интеграционные объединения, глобализация, регионализация.

Abstract: in the context of globalization and regionalization, international migration is becoming one of the key processes of the global economy. Migration flows have a significant impact on socio-economic, political, and demographic processes both in the countries of migration donors and in the recipient countries. In this regard, migration is becoming an important tool for economic development, as well as an instrument of soft power. Modern processes of international migration are characterized by high intensity, changes in the geographical structure of flows and the increasing role of economic and institutional factors. Armed conflicts, climate change, global crises, the COVID-19 pandemic, as well as increased geo-economic and geopolitical instability have led to the transformation of traditional migration routes, forms of employment of migrants and an increase in their number in the world.

Keywords: international migration, money transfers, migration processes, regulation of migration processes, migration factors, regional integration associations, globalization, regionalization.

Введение

Согласно определению Международной организации миграции (МОМ), международная миграция является процессом перемещения людей через государственные границы в целях изменения места проживания, для осуществления трудовой деятельности или для иных целей. Миграция включает любой тип перемещения в т.ч. экономическую (трудовую) миграцию, образовательную миграцию, вынужденное перемещение и т.д. [12].

По данным ООН, количество международных мигрантов в мире составляет свыше 304 млн. чел. и данный показатель по сравнению с 1990г. увеличился на 98% [8].

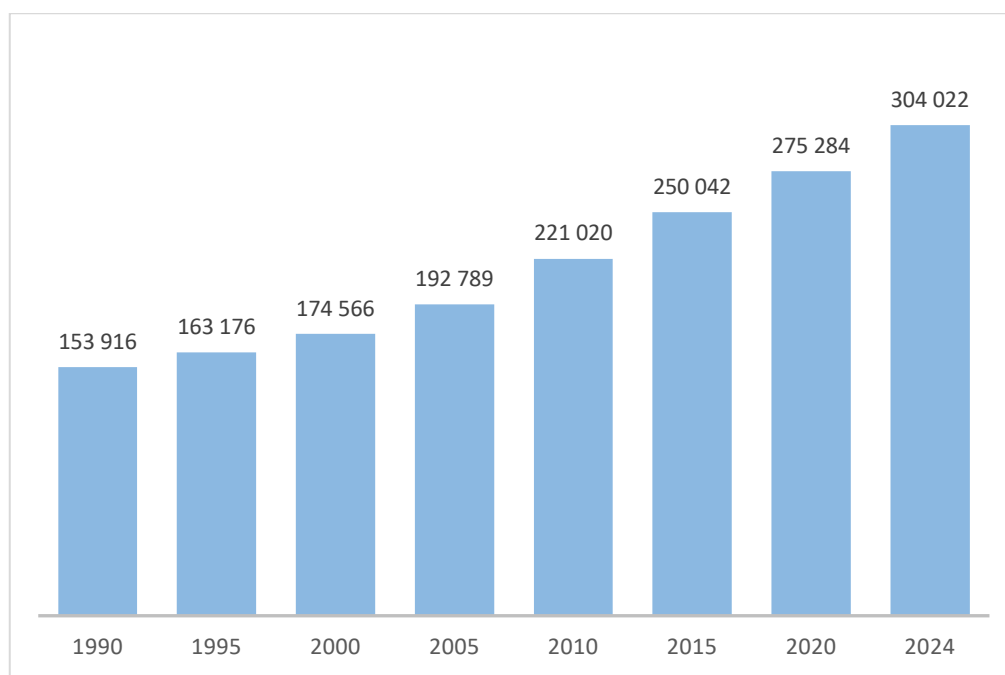

Рис. 1 – Количество международных мигрантов в мире за период 1990-2024гг. (тыс. чел.)

Источник: Составлено автором на основе данных [8]

Десятилетиями изучение причин и факторов миграции занимали ключевое место в различных работах ученых и флагманских организаций. Одной из основных теорий, объясняющих причины и факторы миграции, является теория «Выталкивающих/притягивающих факторов» Э.Ли, которая была разработана еще в XX веке и на основе которого были сформированы такие теории как «Стремления/способности» и т.д. [9]. Согласно теории «Выталкивающих/притягивающих факторов» к выталкивающим факторам относятся безработица, низкий уровень доходов, высокие налоги, социально-экономическое неравенство. К притягивающим факторам относятся высокий уровень заработной платы, возможность входа на рынок труда и т.д. В Теории представляются также промежуточные факторы, которые могут отрицательно повлиять на решение о эмиграции: расстояние, транспортные расходы, социально-правовые барьеры и т.д. Следует отметить, что несмотря на то, что данная теория является одной из фундаментальных в сфере миграционных теорий, она подвергается серьезной критике за упрощенный

взгляд на поведенческие аспекты миграции и запреувеличение роли экономических факторов. Х. Де Хаас отмечает, что неэкономические факторы миграции (конфликты, климатические проблемы и т.д.) имеют такое же сильное влияние на миграционные процессы и на решение о миграции (порой сильнее) [5]. Следует отметить, что ограниченность теории «Выталкивающих/притягивающих факторов» стала более очевидной, когда исследователи попытались понять, почему миграционные потоки не всегда следуют предсказанным экономическим траекториям. Это стимулировало смещение фокуса с внешних условий на роль индивидуальных стремлений, способностей/возможностей человека, а также на неэкономические аспекты миграционных процессов [7]. Однако вместе с этим роль внешних факторов в миграционных процессах нельзя занижать, так как внешние факторы создают миграционные тенденции, которые могут кардинально изменить направление потоков, состав и количество мигрантов. На текущем этапе развития мировой экономики наблюдаются следующие современные тенденции международных миграционных процессов: глобализация миграции, дифференциация миграционных потоков, феминизация миграционных потоков, результативность миграции, цифровизация процесса регулирования потоков [10]. Данные тенденции формировались на протяжении последних десятилетий и вызваны глубинными изменениями в социально-экономических, политических и иных сферах мировой экономики.

Процессы глобализации существенно повлияли на масштабы и направления потоков рабочей силы, создав для них экономико-правовую базу и усилив двустороннее и многостороннее сотрудничество между странами в сфере миграции. Это привело к расширению охвата стран в международных миграционных процессах, что подтверждается ростом численности международных мигрантов и участием в миграционных процессах большинства государств мира.

Другой важной тенденцией в сфере миграции является усиление роли дифференциации/сегментации потоков (по квалификации, правовому

статусу, по видам занятости и т.д.), тем самым миграция становится все более сегментированной. Одним из проявлений сегментации является заинтересованность стран реципиентов миграции к привлечению высококвалифицированных трудовых мигрантов и упрощению для них правовых процедур. При этом имея также потребность в низкоквалифицированных трудовых мигрантах, многие страны тем не менее ужесточают правовые процедуры привлечения низкоквалифицированных мигрантов, в итоге в целях большего регулирования данных потоков создаются искусственные барьеры, что часто приводит к незаконной трудовой деятельности мигрантов в странах реципиентах и к появлению нелегальных трудовых мигрантов. Это в свою очередь часто ведет к нарушению прав и достоинств данных мигрантов, поскольку они становятся нелегальными трудовыми мигрантами и не могут пользоваться как правовой, так и социальной помощью. В итоге они не интегрируются и не адаптируются в странах реципиентах миграции, что приводит к социальной напряженности и этнической преступности. В данном контексте следует отметить, что регулирование миграционных потоков должно быть умеренным и следовать долгосрочным целям экономической политики и политики национальной безопасности. Крайне либеральная миграционная политика без эффективной политики интеграции и адаптации мигрантов может привести к миграционному коллапсу (например: миграционный кризис ЕС 2015-2016гг.) [3]. К миграционному коллапсу и к увеличению нелегальной миграции приведет также жесткая миграционная политика, что наблюдалась в США (большое количество нелегальных мигрантов) и в Саудовской Аравии (протесты пакистанских рабочих в 2017г.) и т.д. [4].

Ещё одной характерной тенденцией современной международной миграции является рост доли женщин в общем числе мигрантов, что получило название «феминизация миграции». По данным ООН, в международных миграционных потоках женщины составляют около 49% от общей численности трудовых мигрантов, что свидетельствует об увеличении

количества и роли женщин в миграционных потоках в некоторых странах и регионах [8].

Последние годы также наблюдается активное внедрение цифровых инструментов в вопросах регулирования международной миграции, что особенно наблюдается после пандемии Covid-19. Внедрение цифровых инструментов в области регулирования миграции может способствовать увеличению эффективности пограничного контроля, упрощению предоставления услуг мигрантов, увеличению эффективности регулирования миграционных процессов: отслеживание сроков пребывания, предоставление право на пребывание и т.д. Однако это все чаще будет требовать от мигрантов способности взаимодействовать с государственными органами через цифровые каналы [10]. Это в свою очередь будет создавать препятствия для многих людей во всем мире, которые не имеют доступа к информационным технологиям. Следует отметить, что согласно данным 2024г. в мире насчитывается 68% населения, которые имеют доступ к интернету. Согласно данным Международной организации труда (далее - МОТ) в наименее развитых странах лишь 35% населения имеют доступ к интернету, а в развивающихся странах, которые не имеют выхода к морю, в среднем только 39% населения имеют подключение к интернету [11]. По мнению Директора Бюро развития электросвязи МСЭ, несмотря на продолжительный прогресс в мире по доступу к интернет-технологиям в данном прогрессе продолжают скрываться значительные пробелы в наиболее уязвимых сообществах мира, где цифровая изоляция все больше усложняет жизнь людей [1]. Ситуация еще усугубляется тем, что почти 600 млн. человек в Африке не имеют доступ к электричеству, и только 300 млн. человек будут иметь доступ к 2030г., согласно ежегодному отчету Всемирного Банка (далее - ВБ) 2025г. [13].

С учетом этого для осуществления цифровой трансформации процессов регулирования миграции и для достижения целей по безопасной,

упорядоченной и легальной миграции необходима более активная поддержка достижения цифрового равенства в мире.

Представленные выше тенденции наряду с другими глобальными геоэкономическими и геополитическими тенденциями сформировали тенденцию по увеличению результативности миграции на социально-экономические процессы мировой экономики, тем самым страны все больше обращают внимание на экономическую перспективу миграции и порой жертвуют гуманитарными программами для достижения экономических целей, тем самым гуманитарные потребности неэкономической миграции опережают финансовую поддержку и несоразмерны масштабам международной миграции и вынужденных перемещений [10].

Современные подходы регулирования международной миграции в мире и сценарии развития

С учетом роста международной миграции флагманские организации, региональные интеграционные объединения и отдельные страны пытаются все больше регулировать миграционную ситуацию на разных уровнях. В 2018г. в рамках ООН был принят «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» (далее – Глобальный договор), который представляет из себя новую глобальную концепцию по управлению миграцией [2]. Глобальный договор нацелен на улучшение и внедрение правовых механизмов на всех уровнях регулирования (а именно на локальном, государственном, региональном и глобальных уровнях). Некоторыми руководящими принципами договора являются следующие принципы: приоритет прав человека; снижение рисков уязвимости (защита женщин и детей); общая ответственность; создание и внедрение миграционных политик на основе данных (сбор точной информации для принятия научно обоснованных решений в области миграции); национальный суверенитет (государства имеют право самостоятельно определять свою миграционную политику, однако в рамках Глобального договора миграции и в соответствии с международным правом).

Следует отметить, что несмотря на то, что исполнение документа не имело обязательной юридической силы, тем не менее некоторые страны реципиенты миграции даже не подписали его, в частности США, являясь самым крупным реципиентом миграции, и вовсе отказалась от участия в Договоре. Однако, несмотря на различные споры в части того, что документ слишком либерализирует миграционные концепции, на саммите ООН 164 государств проголосовали за принятие данного документа. Следует отметить, что несмотря на недостатки введение данного документа является большим шагом в вопросе глобальной повестки управления миграции и может служить фундаментом для дальнейшего углубления сотрудничества в данной сфере на международном уровне. Однако факт непринятия Глобального договора со стороны некоторых государств или его принятие в виде необязательного к исполнению более отчётливо показывает тенденцию смещения регулирования миграционных процессов из глобального регулирования на региональные и национальные уровни. Однако следует обратить внимание что неразвитые и развивающиеся страны и регионы, подверженные к большим потокам эмиграции или иммиграции, не могут собственными усилиями минимизировать риски миграции или регулировать миграционные процессы. Следует учитывать, что в ближайшие десятилетия миграционные потоки будут более существенными в виду все большего увеличения социально-экономического неравенства между странами, отсутствием достаточных рабочих мест в неразвитых и развивающихся странах, климатических проблем в мире, а также возрастающего противоречия между странами и военных конфликтов. В части отсутствия достаточных рабочих мест ВБ в своем отчете в 2024г. отмечает, что данная проблема является одной из ключевых, и прогнозирует, что в течении ближайших десять лет около 1,2 млрд. людей Глобального Юга достигнут трудоспособного возраста, однако за тот же период и в тех же странах, по прогнозам, будет создано лишь 424 млн. рабочих мест [13]. Ввиду этого

сотни миллионов людей окажутся без перспектив достойной работы и будущего в своем регионе, тем самым они будут вынуждены мигрировать.

В части возрастающего противоречия и военных конфликтов наблюдаются риски во многих регионах мира от Латинской Америки до Ближнего Востока. Таких примеров противоречий в мире много и с углублением противоречий между странами и международным сообществом конфликты могут возобновляться в разных точках мира, что непременно приведет к более массовой миграции и вынужденных перемещений. С учетом исторических данных, современных тенденций и рисков нами было прогнозировано количество мигрантов в мире в 2028г.

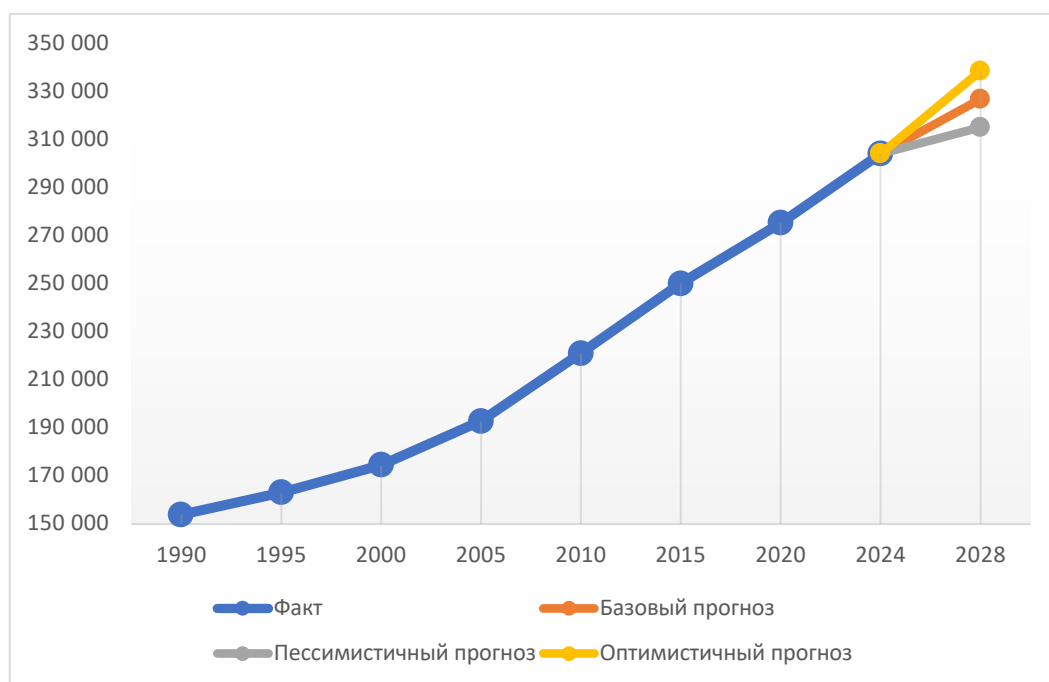

Рис. 2 – Прогнозы количества мигрантов в мире в 2028г.

Источник: Составлено автором на основе данных [8]

Прогноз значений временного ряда был получен с использованием метода экспоненциального сглаживания Хольта–Уинтерса. В рамках исследования применялась модель семейства ETS (Error–Trend–Seasonality) с аддитивной ошибкой и аддитивным трендом без сезонной компоненты — ETS(E, A, N), что обусловлено отсутствием выраженной сезонности в годовых данных.

Параметры модели оценивались автоматически путём минимизации ошибки прогноза, эквивалентной методу максимального правдоподобия при предположении нормального распределения остатков. Неопределённость прогнозных значений оценивалась с использованием 95%-го доверительного интервала, рассчитанного на основе дисперсии ошибок модели. Согласно нашему прогнозу, в 2028г. количество мигрантов в мире будет в диапазоне 315-338 млн. чел. (в 2024г. составило 304 млн. чел.). Согласно пессимистичному сценарию, рост составит по сравнению с 2024г. 4% или 11 млн. чел. Базовый сценарий показывает рост на 7% или на 23 млн. чел. Согласно оптимистичному сценарию, рост составит 11% или 34 млн. чел. Диапазон роста от 11-34 млн. чел. является вполне реалистичным с учетом исторических данных где за промежуток 4-5 лет рост составляет в среднем 23 млн. чел. начиная с 2000г.

С учетом существенного увеличения количества мигрантов в мире необходима активизация межрегионального взаимодействия и расширения практики заключения региональных, глобальных и национальных соглашений в миграционной сфере. Такие договорённости должны опираться на несколько ключевых оснований, включая сотрудничество между государствами одного региона, вовлечение различных общественных акторов (научных, деловых и иных кругов), а также развитие устойчивых форм взаимодействия между ними. В данном контексте процессы регулирования миграции целесообразно рассматривать на двух взаимосвязанных уровнях: «верхнем уровне», представленном государствами и межгосударственными институтами, и «нижнем уровне», охватывающем общество и различные социальные группы. Однако в текущих условиях как в региональных, так и национальных уровнях нет общепринятой практики эффективного регулирования миграции. Часто регулирование является либо крайне либеральной, в частности, как в ЕС, либо крайне жесткой и селективной как в ЮСМКА и ССАГПЗ, что не полностью раскрывает положительные эффекты миграции и не полностью снижает отрицательные риски.

Заключение

Трансформация современной мировой системы диктует необходимость глубокого переосмысления миграционных процессов, которые окончательно переросли рамки упрощенных экономических моделей прошлого столетия. Сегодня миграция эволюционировала в многогранный инструмент экономического и политического влияния и стала ключевым фактором глобальной трансформации, где неэкономические драйверы, такие как климатические изменения, затяжные вооруженные конфликты и последствия пандемии COVID-19, делают траектории потоков менее предсказуемыми. Подобные качественные сдвиги неизбежно ведут к глубокой сегментации мировых потоков рабочей силы, требуя от академического сообщества и государственных регуляторов новых подходов к анализу их структуры.

В условиях усиления глобальной конкуренции за человеческий капитал наблюдается резкая дифференциация миграционных потоков по квалификационному признаку, порождающая глубокие структурные парадоксы. Страны-реципиенты, стремясь упростить правовые процедуры для привлечения высококвалифицированных талантов, одновременно создают искусственные барьеры для низкоквалифицированных кадров, что провоцирует рост нелегального сектора, социальной напряженности и этнической преступности. Важным аспектом этой трансформации является феномен «феминизации миграции», выражающийся в том, что женщины сегодня составляют около 49% от общего числа перемещающихся лиц, что требует пересмотра политики интеграции и социальной адаптации. Параллельно с этим процесс цифровизации управления миграцией сталкивается с вызовом цифровой изоляции.

Системный кризис наблюдается на глобальном уровне управления миграцией, где существуют противоречия в разных вопросах регулирования миграции, которая наиболее ярко проявляется в Глобальном договоре миграции. Отказ крупнейших игроков, таких как США, от участия в договоре знаменует собой окончательный переход от всеобъемлющей глобализации к

национальному эгоцентризму и регионализации. В условиях формирования многополярного мира центр тяжести в принятии решений смещается на уровень двусторонних и региональных соглашений, поскольку универсальные механизмы оказываются неспособными предложить работающие решения в ситуации острого политического противостояния.

Обострение проблем глобального регулирования происходит на фоне ожидаемого существенного увеличения количества мигрантов в мире. В сложившейся ситуации мировому сообществу необходимо отойти от неэффективных радикальных полюсов: будь то крайний либерализм, или жесткая миграционная политика без интеграции и адаптации мигрантов. Будущее глобальной стабильности зависит от формирования интегрированных стратегий, сочетающих экономическую целесообразность с национальной безопасностью, с цифровым равенством и с глубоким межрегиональным партнерством.

Список литературы:

1. Глобальное число пользователей интернета растет, но неравенство сохраняется // UnitedNationsURL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458816> (дата обращения: 17.01.2026).
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН "Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции" от 19.12.2018 № 73/195. // Генеральная Ассамблея ООН. - <https://docs.un.org/ru/A/RES/73/195>
3. Тоганян, А. С. Миграционные процессы и регулирование миграции в Европейском союзе / А. С. Тоганян, А. В. Гурьева // Мировая экономика и международное предпринимательство в условиях геополитической неопределенности: Сборник научных статей, Москва, 07 апреля – 22 2023 года. – Москва: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2024. – С. 209-213. – EDN LBUNGQ.
4. Тоганян, А. С. Миграционные процессы и регулирование трудовой миграции в региональных интеграционных объединениях на примере ССАГПЗ / А. С. Тоганян // Современная экономика: проблемы и решения. – 2023. – № 6(162). – С. 29-39. – DOI 10.17308/meps/2078-9017/2023/6/29-39. – EDN BSHWFE.
5. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative migration studies. – 2021. – Т. 9. – №. 1. – С. 8. <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186/s40878-020-00210-4.pdf>

6. 2023 Global Report on Internal Displacement // IDMC URL: <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2023/> (датаобращения: 17.01.2026).
7. Carling J. Why do people migrate? Fresh takes on the foundational question of migration studies //International Migration Review. – 2024. – Т. 58. – №. 4. – С. 1757-1791. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/01979183241269445>
8. International Migration Flows // United Nations URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows> (датаобращения: 17.01.2026).
9. Lee E. S. A theory of migration //Demography. – 1966. – Т. 3. – №. 1. – С. 47-57.
10. McAuliffe, M. and L.A. Oucho (eds.), 2024. World Migration Report 2024. International Organization for Migration (IOM), Geneva <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024>
11. Measuring digital development: Facts and Figures 2025 // ITU URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx> (датаобращения: 17.01.2026).
12. Sironi, A. C. Bauloz and M. Emmanuel (eds.), 2019. Glossary on Migration. International Migration Law, No. 34. International Organization for Migration (IOM), Geneva. <https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration>
13. The World Bank Group Annual Report 2025 // World Bank URL: <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report> (датаобращения: 17.01.2026).
14. World Bank Annual Report 2024 : A Better Bank for a Better World // World Bank URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099101824180532047> (датаобращения: 17.01.2026).

Хасанова Асия Шамильевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры политической экономии
и истории экономической науки
РЭУ им Г. В. Плеханова,
e-mail: Khasanovaas@mail.ru

Asiya Sh. Khasanova

Doctor of Economics,
Professor of the Department of Political Economy
and History of Economic Science
at the Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: Khasanovaas@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ БАРЬЕРОВ, ЗАМЕДЛЯЮЩИХ
РАЗВИТИЕ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА В
РОССИИ**

**ON THE THEORY OF BARRIERS THAT DELAY THE
DEVELOPMENT OF CIRCULAR ECONOMY BUSINESS MODELS
IN RUSSIA**

Аннотация: в статье анализируется доминирующая линейная модель экономики, функционирующая по принципу «добыча – производство – потребление – захоронение», которая исчерпала свой ресурс в контексте обеспечения устойчивого развития. Нарастающий дефицит сырьевых и энергетических ресурсов, волатильность цен на товарных рынках и экспоненциальный рост отходов создают угрозы не только экологической, но и экономической безопасности. В работе проводится теоретическое обоснование и разработка комплексного инструментария для диагностики, классификации и преодоления барьеров, замедляющих развитие бизнес-моделей замкнутого цикла в условиях российской экономики.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, бизнес-модель замкнутого цикла, устойчивое развитие, вторичное сырье, отходы, рециклинг, теория барьеров, экопромышленный парк.

Abstract: the article analyzes the dominant linear model of the economy, operating on the principle of “extraction – production – consumption – disposal”, which has exhausted its resource in the context of ensuring sustainable development. The growing shortage of raw materials and energy resources, price volatility on commodity markets and exponential growth of waste create threats

not only to environmental but also to economic security. The work provides theoretical justification and development of comprehensive tools for diagnosing, classifying and overcoming barriers that slow down the development of closed-cycle business models in the Russian economy.

Keywords: circular economy, circular business model, sustainable development, secondary raw materials, waste, recycling, barrier theory, eco-industrial park.

Введение

Доминирующая до настоящего времени во многих странах линейная модель экономики, базирующаяся на принципе «take, make, waste», была основой социально-экономического развития со времен промышленной революции. Однако нарастающий дефицит сырьевых и энергетических ресурсов, волатильность цен на товарных рынках, усиливающееся загрязнение окружающей среды, включая массированные выбросы парниковых газов, повышение температуры и загрязнение различными отходами морских акваторий, угрожающие необратимыми климатическими изменениями, рост площадей, занимаемых полигонами производственных и бытовых отходов, так же как и неорганизованных свалок, приводящий к длительному выведению из хозяйственного оборота ценных в хозяйственном отношении территорий, и т. п. подтолкнули бизнес, политиков, научное сообщество, простых граждан к переосмыслению традиционной модели экономики. Ныне все большее внимание привлекается к концепции циркулярной экономики, в основе которой лежит цепочка «take, make, reuse».

Под циркулярной экономикой специалистами понимается экономика [4], которой свойствен восстановительный и замкнутый характер. Для нее характерна минимизация потребления первичного сырья и объемов перерабатываемых ресурсов, которая сопровождается снижением отходов, направляемых на захоронение, при одновременном сокращении площадей, занимаемых соответствующими полигонами и неорганизованными свалками.

В теории выделяются три ключевые особенности, присущие циркулярной экономике: во-первых, усиленный контроль за запасами

природных ресурсов и соблюдением устойчивого баланса возобновляемых ресурсов для сохранения поддержания на неистощимом уровне природного капитала; во-вторых, оптимизация процессов потребления путем разработки и распространения продукции, комплектующих и материалов, отвечающих самому высокому уровню их повторного использования; в-третьих, выявление и предотвращение негативных внешних эффектов текущей производственной деятельности с целью повышения эффективности экономической и экологической систем.

Проблема развития циркулярной экономики (или экономики замкнутого цикла) в России в настоящее время переходит из теоретической плоскости в практическую. Анализ актуальных данных за 2024–2026 годы показывает, что страна находится в стадии активного формирования институциональной среды и реализации первых крупных инфраструктурных проектов, хотя и сталкивается с рядом системных ограничений.

Нами представлен подробный анализ текущего состояния, ключевых инициатив, подходов выявления барьеров, замедляющих развитие циркулярной экономики в РФ.

Ключевой принцип циркулярной экономики заключается в максимальном продлении жизненного цикла продуктов и материалов: отходы одних производств становятся сырьем для других, что минимизирует количество мусора и снижает нагрузку на окружающую среду. Российское правительство и бизнес предпринимают конкретные шаги для внедрения этой модели. В частности, реализуется **Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» [2]**. Это основной драйвер изменений. Проект входит в новый национальный Проект «**Экологическое благополучие**» [1] и нацелен на создание системы переработки всех видов отходов — от твердых коммунальных до промышленных и сельскохозяйственных. **Кроме того, активно идет создание экопромышленных парков**. Это, пожалуй, самая наглядная и масштабная мера. Государство выделило **9,4 миллиарда рублей** на создание **восьми** экопромышленных парков (ЭПП) в

ключевых регионах: Приморский, Краснодарский и Ставропольский края, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новосибирская и Челябинская области [3]. ЭПП представляют собой готовую инфраструктуру (дороги, электричество, газ), куда бизнес может войти со своими технологиями переработки, что значительно снижает порог входа для бизнес-моделей замкнутого цикла (БМЗЦ). Например, в Дзержинске на базе бывшего завода «Заря» создается предприятие по переработке шин в компоненты которого входят элементы для асфальтобетона. Резиденты ЭПП могут рассчитывать на компенсацию до **90%** затрат от Российского экологического оператора (ППК РЭО).

Значительную роль в развитии БМЗЦ играет **совершенствование российского законодательства**. Ключевым механизмом здесь является **расширенная ответственность бизнеса (РОБ)**. С 2025 года вступили в силу новые нормы, обязывающие компании самостоятельно обеспечивать утилизацию упаковки от своей продукции. Пилотный проект уже охватывает 10 категорий товаров — от бытовой техники до текстиля. Кроме того, эксперты отмечают, что российское законодательство в этой сфере, хотя и развивается с отставанием от ЕС, постепенно формирует необходимую правовую базу.

Следует признать, что определенную роль в становлении российских БМЗЦ играет и опыт функционирования зарубежных моделей замкнутого цикла.. На основе анализа международного опыта можно сделать вывод, что российская модель экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ) находится на этапе догоняющего развития: если на Западе акцент смещается в сторону управления сложными цепочками поставок и сервисных моделей, то Россия пока сосредоточена на решении базовой проблемы — создании инфраструктуры для сортировки и переработки отходов. В таблице 1 представлено сравнение по ключевым аспектам.

Таблица 1. Сравнительная таблица функционирования ЭЗЦ России и международного опыт

Критерий сравнения	Российская Федерация	Международный опыт ((ЕС, ОЭСР, Китай)
Статус и нормативная база	Действует Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» до 2030 г. Стандартизация находится в стадии разработки (ориентация на ISO).	Директивы и стратегии ЕС (План действий по ЭЗЦ), обширная система стандартов (BS 8001, XP X30-901, серия ISO 59000).
Ключевая мотивация	Снижение нагрузки на полигоны и решение проблемы накопленного экологического ущерба.	Декарбонизация (Net Zero), ресурсная независимость от импорта сырья и создание «зеленых» рабочих мест.
Бизнес-модели	Преобладает модель «переработка отходов» (Recycling). Цифровые сервисы (каршеринг, доставка) развиты, но слабо связаны с промышленной ЭЗЦ	Доминируют более высокие R-стратегии: Refuse (отказ), Reduce (снижение), Reuse
Финансовые инструменты	Преимущественно регуляторное давление (расширенная ответственность бизнеса— РОБ) и бюджетное финансирование	Рыночные стимулы: налог на углерод (СВАМ), «зеленые» облигации, субсидирование «зеленой» химии, высокая стоимость захоронения (полигонов)
Торговля отходами	Экспорт вторичных ресурсов ограничен либо неразвит.	Формирование рынка вторичного сырья стоимостью \$402 млрд (на 2025 г.). При этом намечается протекционизм: ЕС ограничивает вывоз мусора, Китай запретил импорт пластика

Составлено автором

Анализ международного опыта показывает, что в России концепция ЭЗЦ часто подменяется понятием «мусоропереработка». Западный подход сложнее: он требует, чтобы продукт изначально проектировался как ремонтпригодный и разборный (Eco-design). Например, в Европе активно развивается экономика функционального использования (продажа не лампочки, а «часов света»), тогда как в России этот тренд пока ограничен сферой IT и такси. В международном дискурсе связка «атом — циклическая экономика» неоднозначна. Хотя атом дает низкоуглеродную энергию для переработки, главное преимущество России — замкнутый ядерный топливный цикл (переработка ОЯТ). Это уникальный пример ЭЗЦ в

энергетике, который за рубежом пока не реализован в промышленных масштабах (только исследования). Успех ЭЗЦ в Европе во многом обусловлен высокой экологической сознательностью населения («культурный капитал»). В России этот фактор пока слаб: отдельный сбор и отказ от одноразового пластика часто требуют принудительных мер, а не являются внутренней привычкой населения.

При копировании западных практик возникают специфические трудности: во-первых, инфраструктурный разрыв. В РФ не хватает мощностей для глубокой переработки сложных композитных материалов (упаковка "тетрапак" или электроника). Во-вторых, экономика сырья. В России первичное сырье (нефть, газ, лес, руда) традиционно дешевое. Пока стоимость захоронения отходов низка, переработка будет не рентабельна по сравнению с использованием первичных ресурсов. В-третьих, торговые барьеры. При попытке интеграции в глобальные цепочки поставок российская продукция из вторичного сырья может столкнуться с трансграничными барьерами (разные стандарты ЕС и РФ, "углеродный налог").

Таким образом, для успешного развития БМЗЦ необходимо не просто строить предприятия, но и, по возможности, имплантировать положительные практики зарубежных стран. В частности, переходить к стандартам ISO - внедрение международных стандартов серии 59000 (измеримость, прозрачность), реализовывать экономическое стимулирование (субсидирование покупки вторсырья и введение "налога на полигоны", чтобы сделать переработку дешевле добычи), формировать промышленный симбиоз (создавать экопромышленные парки, где отходы одного предприятия, становятся сырьем для другого - опыт Калужской области в этом направлении есть, но требует масштабирования).

Вместе с тем, следует признать, что процесс формирования БМЗЦ набирает обороты, уже есть статистические и фактические данные о прогрессе в этой области. По оценкам аналитиков, доля вторичного сырья в

общем объеме промышленного производства в России уже достиг 12%, что показывает наличие потенциала для дальнейшего роста. Правительство поставило амбициозную цель - сократить захоронение отходов на 50% к 2030 г.; вовлечение в хозяйственный оборот не менее **25%** отходов; рост индекса использования вторичных ресурсов до **32%** (в том числе 34% в промышленности, 40% в строительстве и 50% в сельском хозяйстве) [3]. Появляются примеры эффективного внедрения БМЗЦ.

Развитие циркулярной экономики в России - это яркий пример противоречивого, но неумолимого процесса. С одной стороны, государство запускает амбициозные проекты и ставит конкретные цели. С другой - их реализация сталкивается с фундаментальными проблемами, начиная от устаревшего законодательства и заканчивая отсутствием культуры раздельного сбора мусора. Нами представлен детальный обзор текущего состояния, ключевых барьеров и проблемы становления и развития БМЗЦ в России.

Однако следует остановиться на системных проблемах развития. Несмотря на наличие планов, процесс становления БМЗЦ сталкивается с рядом серьезных препятствий, которые можно разделить на три основных группы.

1. Институциональные и управленческие барьеры. Это самая значимая группа проблем, связанная с «человеческим фактором» на уровне власти. Во-первых, следует отметить отсутствие целостных стратегий. Многие регионы до сих пор не имеют четких дорожных карт. На конец 2025 г. семь субъектов РФ (включая Алтайский край) находились в "красной зоне", фактически не приступив к разработке программ перехода к ЭЗЦ. Еще 36 регионов были в "желтой зоне", откладывая реальные действия. Во-вторых, разрозненность ведомств. Часто не определены ответственные министерства, не налажено взаимодействие между различными органами исполнительной власти на местах. Даже на федеральном уровне эксперты отмечают

отсутствие целостных региональных стратегий с конкретными целевыми показателями и мерами поддержки бизнеса.

2. Инфраструктурные и экономические ограничения. Не менее значимая проблема, которая связана с формированием политической воли, финансовыми и технологическими рестрикциями. Во-первых, речь идет о неравномерности инфраструктуры. Дело в том, что перерабатывающие мощности сконцентрированы преимущественно в Центральном федеральном округе. Для регионов это означает высокие логистические издержки, которые делают переработку отходов нерентабельной. Во-вторых, технологическая отсталость и импортозамещение. Развитие циркулярной экономики напрямую зависит от доступа к современным технологиям рециклинга. Однако, санкционные ограничения существенно сужают возможности по приобретению импортного оборудования, что может грозить консервацией технологической отсталости в сфере переработки. В-третьих, низкая конкурентоспособность вторсырья. Вторичные материалы часто проигрывают первичным по цене. Пока эта ситуация остается доминирующей, бизнес будет выбирать более дешевое первичное сырье.

3. Экологические и институциональные проблемы. Во-первых, потери ресурсов. Речь идет о том, что значительные объемы потенциально полезных отходов (к примеру, пластика) остаются неиспользованными. Исследования показывают, что переход к переработке хотя бы 95% ввозимого пластика мог бы создать мощный экономический потенциал для импортозамещения. Во-вторых, несовершенство права. Административно-правовое обеспечение перехода (особенно в сложных сферах, таких как АПК) находится в стадии формирования. Требуется создание специальных правовых режимов, учитывающих долгий срок окупаемости "зеленых" инвестиций.

Помимо очевидных проблем, существует несколько глубоких противоречий, определяющих современный облик российской экономики замкнутого цикла. Исследователи выделяют два основных подхода. Во-

первых, индустриально-центричная модель (характерна для Свердловской области) предполагает, что инициатива и ресурсы исходят от крупных промышленных гигантов. Во-вторых, полицентричная модель (как в Республике Татарстан) распределяет ответственность между бизнесом, властью и обществом.

Наличие двух подходов не позволяют до настоящего времени определить какая из них эффективнее и как их совмещать на федеральном уровне. Переход к экономике замкнутого цикла не воспринимается не только как экологическая, но и как стратегическая задача для экономической безопасности. В условиях геополитической нестабильности повторное использование ресурсов снижает зависимость от импорта и колебаний цен на сырье. Однако формирование новых мощностей требует значительных инвестиций в настоящее время, когда бюджетные средства ограничены. Строительство заводов (КПО) идет, но без отдельного сбора мусора населением они неэффективны. Формирование привычки сортировать отходы требует поколений, тогда как государство ожидает быстрых цифр по вовлечению отходов в промышленный оборот. Без "культуры циркулярности" любые технологические решения будут работать лишь на 30-40 процентов своей мощности.

Россия вынуждена учитывать общемировой тренд на "зеленую" экономику (особенно со стороны ЕС, где законодательство наиболее строгое), чтобы сохранить экспортный потенциал. Но при этом страна не может слепо копировать западные нормы из-за различий в структуре экономики и промышленности, что требует создания собственного уникального пути.

Таким образом, развитие циркулярной экономики в России в настоящее время можно охарактеризовать как "догоняющее развитие с элементами прорыва. Сильной стороной следует рассматривать наличие государственной воли, целевых показателей (KPI) и первых успешных кейсов в металлургии и ритейле. К слабой стороне относится бюрократическая инертность на

местах, отсутствие дешевых денег и технологий для переработчиков, а также низкая экологическая культура населения. Если эти противоречия не будут разрешены в ближайшее время (в частности, если не запустить механизмы поддержки спроса на вторичное сырье и не наказывать регионы за отсутствие реальных стратегий), есть риск, что к 2030 г. мы получим формальное выполнение цифр без реального изменения структуры экономики.

Отдельно следует остановиться на специфических проблемах России, как развивающейся стране. Для экономик, не являющихся постиндустриальными, добавляются свои сложности. А именно: во-первых, приоритет роста. Бизнес и государство в первую очередь озабочены ростом ВВП и созданием рабочих мест. Экологические вопросы часто отходят на второй план. Во-вторых, наличие значительного объема ненаблюдаемой экономики. Большая часть сбора отходов (особенно металлолома и макулатуры) находится в "серой" зоне, что затрудняет легальное инвестирование в технологии переработки. В-третьих, низкая экологическая культура. Отсутствие привычки к раздельному сбору мусора среди широких масс населения делает экономику сбора отходов крайне затратной.

Особое место в теории барьеров занимают организационно-управленческие препятствия. Прежде всего, речь идет о барьерах внутри компаний и цепочек поставок. Во-первых, короткие горизонты планирования бизнеса. Топ-менеджмент ориентирован на квартальную прибыль, а БМЗЦ требуют инвестиций на 5-10 лет вперед. Во-вторых, отсутствие циркулярного мышления. Линейные бизнес-модели глубоко укоренены в поведенческой модели не только населения, но и руководителей. Переход к модели "продукт как услуга" или аренде требует полной перестройки бухгалтерии, маркетинга и сервиса. В-третьих, фрагментация цепочек поставок. Никто из производителя не знает, что стало с их продуктом после использования, так как цепочка разорвана между розницей, потребителем и отходопереработчиком. В-четвертых, риски для бренда. использование вторичного сырья может привести в браку или отзыву продукции, что

дороже потенциальной экономии. Иными словами, компании боятся за репутации. В-пятых, эпистемологические барьеры или барьеры знаний. В шестых, проблемы измерения циркулярности экономики. Процент переработки отходов не равен реальной цикличности, если материал перерабатывается один раз и с потерей качества. В настоящее время нет общепринятых KPI. В седьмых, асимметрия информации. Покупатель не знает, что внутри товара: переработанный пластик или первичное сырье. Продавец также не знает, какие загрязнители были в сырье. В-восьмых, сложность оценки жизненного цикла (LCA). Кажущаяся переработка может потреблять больше энергии и воды, чем первичное производство (например, мытье загрязненного пластика). Знание требует сложных расчетов и высоких издержек.

Теория барьеров предполагает анализ взаимодействия препятствий, т.н. системный эффект. Важно понимать, что барьеры не существуют изолированно, а формируют порочный круг:

1. Экономический круг: низкая цена нефти - переработка пластика - нет инвестиций в технологии - вторичный пластик низкого качества - низкий спрос - низкая цена.

2. Поведенческий круг: нет инфраструктуры отдельного сбора - люди выбрасывают все в одно ведро - отходы смешаны и грязны - переработка дорогая и не эффективная - инфраструктура не строится.

3. Регуляторный круг: отходы дешевле захоронить, чем переработать - закон не запрещает дешевое захоронение - нет экономического стимула для перехода на БМЗЦ.

Передовой опыт регионов-лидеров России в развитии циркулярной экономики представляет собой ценный материал для анализа. Согласно рейтингу экспертно-аналитической платформы ИНФРАГРИН за 2025 г. первое место в стране занимает Москва, а в число лидеров входит Республика Татарстан. Ниже представлен сравнительный анализ опыта, ключевых проектов и системных барьеров этих двух регионов.

Ниже представлен сравнительный анализ опыта, ключевых проектов и системных противоречий этих двух регионов. Эти регионы демонстрируют разные, но влияющие друг на друга модели перехода к циркулярной экономике: Москва делает ставку на "бесперебойность" и сферу услуг, тогда как Республика Татарстан - на глубокую промышленную переработку (см. таблицу 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ лидеров: Москвы и Республики Татарстан

Критерий	Абсолютный лидер. Москва	Промышленный лидер. Республика Татарстан
Общая модель	Постиндустриальная. Опора на сферу услуг, транспорт и инфраструктуру для мегаполиса	Индустриальная. Трансформация крупнейшего нефтехимического комплекса и "зеленое" производство
Ключевые драйверы	Раздельный сбор: система синих/серых контейнеров с 2020г. Сервисная экономика: каршеринг, кикшеринг, сеть городского транспорта (БКЛ) Инфраструктура: 600 экоточек, заводы по переработке электроники (Экотехпром)	Бизнес-инициатива: предложения холдинга "Татнефтехиминвест" по переходу на экономику замкнутого цикла. Промышленность: цели по углеродной нейтральности "Татнефти" к 2050 г. и переработке 80% продукции "Данафлекс".
Утилизация отходов	Высокотехнологичная: переработка сложных фракций: электроника, пластик, текстиль. Вовлечение до 95% материалов.	Сырьевая/Энергетическая Акцент на переработку ТКО (цель 50% к 2035г.) и строительство мусоросжигательных заводов (в Казани).

Составлено автором

Более детальный анализ показал: Москва набрала 59 баллов из 100 возможных в рейтинге ИНФРАГРИН, показав лучший результат по управлению ресурсами (62 балла) и сервисной экономике (66баллов). При этом сильными сторонами выступает развитая инфраструктура. Московская транспортная система (особенно запуск Большой кольцевой линии метро длиной 70 км) является драйвером снижения углеродного следа; культура раздельного сбора. Двухпоточная система с 2020 г. позволила отладить логистику вторичного сырья.

Ключевые барьеры, противоречия и вызовы: парадокс услуг: высокое развитие каршеринга и доставки (шеринговая экономика) снижает количество покупаемых товаров, но стимулирует износ транспорта и упаковочный мусор; география отходов: Москва генерирует огромное количество мусора, но физически перерабатывать его полностью внутри города невозможно. Успех столицы часто достигается за счет вывоза и переработки отходов в соседних регионах (Московская область), что создает там экологическую нагрузку.

Республика Татарстан демонстрирует "зеленую" химию против грязного сжигания. Республика занимает особое место, благодаря активной позиции крупного бизнеса (нефтехимия) и амбициозным целям, однако сталкивается с классическими барьерами промышленных регионов. Сильными сторонами выступает промышленная циркулярность. Республика не просто перерабатывает мусор, а пытается встроить отходы обратно в технологические цепочки. (переход на биоразлагаемые материалы, переработка отходов полиуретана в сырье); активность бизнеса: крупные корпорации ("Татнефть", СИБУР) имеют собственные KPI по углеродной нейтральности и снижению отходов, что толкает регион вперед быстрее, чем государственное регулирование.

Ключевые барьеры, противоречия и вызовы: инфраструктурный разрыв: при амбициозных планах, в 2021 г. лишь около 10% отходов отправлялось на переработку, а износ очистных сооружений на предприятиях критичен (более 80% не соблюдают нормативы); социальный конфликт НИМБИ (**Not In My Backyard**): **жители Казани активно выступают против строительства мусоросжигательного завода. Сжигание отходов (waste-to-energy) - это спорный метод. Он дает энергию, но не является циркулярным в чистом виде (ресурс теряется безвозвратно) и вызывает протесты экологических активистов; барьеры для бизнеса: опросы предприятий Республики показывают, что главными тормозами выступают:**

отсутствие информации и консультаций (71,4% респондентов); низкий спрос со стороны потребителей на "зеленую" продукцию (57,1% респондентов).

Таким образом, Москва показывает, как можно сделать циркулярную экономику частью комфортной городской среды (транспорт, сервисы, удобные контейнеры), но упирается в потолок перерабатывающих мощностей. Республика Татарстан демонстрирует правильный промышленный подход, пытаясь замкнуть цикл на уровне химических производств, но страдает от нехватки финансирования инфраструктуры и неприятия "зеленых" технологий населением. Однако успех будет зависеть от решения технологических и логистических барьеров, а также от создания устойчивого экономического обоснования для бизнеса, чтобы переработка отходов стала не просто экологичным, но и более выгодным предприятием, чем добыча новых ресурсов. В ближайшие годы ключевым индикатором успеха станет не только количество построенных- экопромышленныхпарков, но и реальное сокращение захораниваемых отходов и рост доли вторичных материалов в производстве.

Заключение

Подводя итог, следует признать, что главный барьер циркулярной экономики — экономика. Покупать новое ископаемое топливо часто дешевле и проще, чем платить за сбор и переработку мусора. Пока государство не сделает мусор дорогим, а труд — дешёвым (сдвинув налоги с зарплат на ресурсы), или законодательно не запретит одноразовость и не введёт обязанность ремонтировать, линейная модель будет выигрывать. Технологические проблемы вторичны: перерабатывать можно почти всё, кроме смешанного пластика, но это экономически невыгодно.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 г. № 293 "О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами" [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411563191/>

2. Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». Утв. Правительством РФ, 2022. – Режим доступа: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/>
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2025 № 4234-р «Об утверждении перечня видов товаров, упаковки, подлежащих утилизации после утраты потребительских свойств, и требований к содержанию вторичного сырья в таких товарах».
4. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Ветрова М. А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, № 2. С. 244–268.
5. Валько Д. В. Циркулярная экономика: теоретическая модель и эффекты реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 8. С. 1415–1429.
6. Егорова М. С., Глик П. А. Экономика замкнутого цикла — новый вектор устойчивого развития // В мире научных открытий. 2014.
7. Игнатьева М. Н., Юрак В. В., Душин А. В., Стровский В. Е. Техногенные минеральные образования: проблемы перехода к циркулярной экономике // Горные науки и технологии. 2021. Т. 6, № 2. С. 73–89.
8. Ратнер С. В. Циркулярная экономика: теоретические основы и практические приложения в области региональной экономики и управления // Инновации. 2018.
9. Якимова, Е. А. Расширенная ответственность производителя как инструмент формирования экономики замкнутого цикла в России / Е. А. Якимова // Экономика устойчивого развития. — 2023. — № 2 (54). — С. 112–121.
10. В России формируется экономика замкнутого цикла [Электронный ресурс] / Ведомости, 23 мая 2025 года. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/>
11. Кадровый кризис в отрасли переработки отходов: как дефицит специалистов угрожает экологии и экономике [Электронный ресурс] / Ведомости, 1 июля 2025 года. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/>

Михейчик Варвара Владимировна,
помощник депутата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
в комитете по туризму и развитию туристической инфраструктуры,
e-mail: mihejcik_v_v@my.mgimo.ru

Varvara V. Mikheichik,
Assistant to a Deputy of the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation
in the Committee on Tourism and the Development of Tourism Infrastructure,
e-mail: mihejcik_v_v@my.mgimo.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПЕРЕГОВОРОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

DIGITALIZATION OF NEGOTIATIONS IN LATIN AMERICA: CULTURAL AND COMMUNICATION STRATEGIES

Аннотация: в статье проводится исследование психологических аспектов восприятия переговоров в условиях цифровой трансформации, с особым акцентом на латиноамериканский контекст. Рассматривается влияние цифровой среды на механизмы восприятия, интерпретации и реагирования в ходе переговорного процесса, а также влияние культурно-психологических особенностей региона на динамику доверия и эмоционального взаимодействия. Определяется специфика переговорных практик Латинской Америки в условиях цифровой коммуникации, выявляются основные барьеры и пути их преодоления. **Материалы и методы.** В исследовании применяются общенаучные и междисциплинарные методы: анализ, синтез, обобщение, интерпретация и аналогия. Методологическую основу составляют подходы психологии коммуникации, теории межкультурных различий, теории компьютерно-опосредованного общения, а также сравнительно-культурный анализ. В качестве эмпирической базы используются кейсы гибридных переговоров, интервью с экспертами и представителями региона, а также материалы конференций. **Результаты исследования.** Выявлено, что цифровизация существенно трансформирует восприятие переговорного процесса в Латинской Америке, снижая уровень доверия и усиливая явления стереотипизации. Высокая контекстность коммуникации и ориентация на отношения определяют зависимость успешности переговоров от эмоционального контакта и невербальных сигналов, что в цифровой среде требует компенсационных стратегий. **Обсуждение и заключение.** Исследование подтверждает, что цифровая среда порождает новые формы адаптации переговорщиков, меняя

традиционные психологические модели взаимодействия. В латиноамериканском контексте ключевым фактором успеха цифровых переговоров является создание эмоционально доверительной атмосферы, интеграция визуальных и невербальных средств взаимодействия, а также культурная чувствительность при разработке стратегий коммуникации. Результаты обладают практической значимостью для совершенствования переговорных практик в цифровую эпоху и расширения теоретических подходов к изучению межкультурных аспектов цифрового общения.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, международные переговоры, Латинская Америка, культурно-психологические особенности, доверие, эмоциональная экспрессивность, цифровая дипломатия, high-context культура.

Abstract: the article explores the psychological aspects of negotiation perception in the context of digital transformation, with a special focus on Latin America. It examines how the digital environment affects mechanisms of perception, interpretation, and response during the negotiation process, as well as how cultural and psychological characteristics of the region shape trust dynamics and emotional interaction. The research identifies the specificity of Latin American negotiation practices within digital communication and highlights key barriers and strategies to overcome them. **Materials and methods.** The study employs general scientific and interdisciplinary methods, including analysis, synthesis, generalization, interpretation, and analogy. Its methodological foundation draws on approaches from communication psychology, intercultural communication theory, computer-mediated communication, and comparative cultural analysis. The empirical basis includes case studies of hybrid negotiations, expert interviews, and materials from international conferences and climate diplomacy events. **Results of the study.** The research reveals that digitalization significantly transforms the perception of negotiations in Latin America by reducing trust levels and amplifying stereotyping tendencies. The high-context nature of communication and relational orientation determine the dependence of negotiation success on emotional contact and nonverbal cues, which in the digital environment require compensatory communication strategies. **Discussion and conclusions.** The study demonstrates that the digital environment generates new forms of negotiator adaptation, reshaping traditional psychological models of interaction. In the Latin American context, the key factors of successful digital negotiations are the creation of an emotionally trusting atmosphere, the integration of visual and nonverbal communication tools, and cultural sensitivity in designing communication strategies. The results have practical significance for improving negotiation practices in the digital era and for expanding theoretical approaches to studying intercultural aspects of digital communication.

Keywords: digital communication, international negotiations, Latin America, cultural and psychological features, trust, emotional expressiveness, digital diplomacy, high-context culture.

Введение

В последнее десятилетие глобальная цифровизация кардинально преобразила способы коммуникации во всех сферах человеческой деятельности. Переговоры, как особая форма межличностного и межгруппового взаимодействия, не остались в стороне. В цифровой среде психологические механизмы восприятия, интерпретации и реакции в ходе переговорного процесса приобретают новые характеристики и требуют тщательного анализа. Особенно актуально это для регионов с уникальными культурно-психологическими особенностями, такими как Латинская Америка. Регион характеризуется комплексным социокультурным и историко-политическим контекстом, обуславливающим формирование уникальных моделей восприятия и реализации переговорных процессов. Цифровизация создает новые возможности и одновременно порождает вызовы, влияя на эмоциональное восприятие, уровень доверия, коммуникативные стили и стратегические подходы в переговорном процессе. При этом значительная часть существующих исследований фокусируется на глобальных или западных моделях, в то время как региональные особенности Латинской Америки в данном контексте остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего научного осмысления [5; 8].

Цель данной статьи – проследить, как цифровая среда влияет на психологию восприятия переговоров именно в латиноамериканском контексте, выявить основные культурно-психологические факторы, формирующие уникальные переговорные практики, а также рассмотреть последствия этих изменений для успешного ведения переговоров. Для достижения поставленной цели применяется комплексный методологический подход, включающий качественные и количественные методы исследования: анализ кейсов, интервью с экспертами и практиками из Латинской Америки, а также сопоставление полученных данных с теоретическими моделями.

Настоящая статья направлена на углубленное осмысление тонкостей цифровой коммуникации и психологических аспектов переговорного процесса в Латинской Америке, что имеет критическое значение для расширения теоретической базы и разработки практико-ориентированных рекомендаций по ведению переговоров в условиях глобального цифрового взаимодействия.

Исследовательский вопрос данной статьи сформулирован так: Какие конкретные психологические барьеры, такие как снижение доверия и усиление стереотипизации, возникают у латиноамериканских переговорщиков в цифровой среде, и как эти процессы опосредованы культурными характеристиками переговорной среды региона — высокой контекстностью, ориентацией на отношения и эмоциональной экспрессивностью?

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что цифровая трансформация кардинально меняет форму и содержание коммуникации в деловой среде, порождая новые вызовы и возможности для межличностного взаимодействия и построения доверия в переговорном процессе. В то же время Латинская Америка представляет собой регион с ярко выраженной культурно-психологической спецификой, влияющей на коммуникативные модели. В то время как Лебедева и Зиновьева (2023) указывают на общие вызовы цифровизации международных переговоров, такие как трансформация стадий подготовки и имплементации, настоящее исследование конкретизирует, что эти вызовы приобретают особую остроту в латиноамериканском контексте из-за высокой контекстности коммуникаций, ориентации на отношения и эмоциональной экспрессивности. Цифровые каналы низкой плотности систематически снижают доверие латиноамериканских переговорщиков, поскольку высокий контекст требует невербальных сигналов, отсутствующих в тексте, что провоцирует стереотипизацию через эмоциональную экспрессивность региона [4;5].

Методология

Психологические аспекты восприятия международных переговоров в цифровой среде формируются под влиянием существенных изменений в способах и каналах общения, которые происходят из-за цифровизации международных отношений. Современные исследования подчеркивают, что цифровая среда трансформирует традиционный переговорный процесс, влияя на эмоциональные и когнитивные аспекты, а также поведение участников.

Как отмечают Бекоева Д. Д. и Драйлар С. в своей статье “Психологические аспекты международных переговоров”(2023) [1], в цифровую эпоху психологические факторы критически влияют на международные переговоры, определяя, как принимаются решения и достигаются договоренности. Отсутствие невербальных сигналов в цифровых каналах снижает эффективность восприятия для high-context культур (Латинская Америка), вынуждая компенсаторные стратегии: эмодзи (эмоциональной передачи), голосовые сообщения и видео. С одной стороны, удаленность снижает давление прямого социального общения, что может способствовать более свободному выражению мыслей и позиционированию интересов. С другой стороны, это увеличивает вероятность возникновения непонимания, стереотипизации и эмоциональной отчужденности. Это означает, что участникам переговоров стоит более четко выражать свои мысли и активнее передавать эмоции, например, с помощью эмодзи, изменения интонации в голосовых сообщениях и внимательного выбора слов в письменной форме [1; 9].

Другим важным фактором является и необходимость адаптации традиционных переговорных стратегий под новые цифровые форматы, которые включают использование специализированных платформ и инструментов цифровой дипломатии. Цветкова Н. А. в своей работе “Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения” пишет, что цифровая дипломатия в международных отношениях объединяет подходы “мягкой” и “жесткой” силы, применяя цифровые средства для ускорения обмена информацией, но в

то же время создавая возможности для манипулирования ею и усиления разногласий во мнениях [10]. Это оказывает воздействие на психологическое восприятие переговоров, создавая новые трудности и риски в понимании партнеров и оценке обстановки.

Нельзя не отметить и влияние культурных факторов на восприятие переговоров в цифровую эпоху. Международные участники обычно имеют отличающиеся коммуникационные стили, что может приводить к дополнительным барьерам в условиях ограниченного двустороннего обмена невербальными сигналами. Следовательно, для успешных цифровых переговоров на международном уровне нужно не только знание технологий, но и понимание культурных различий, чтобы учитывать, как партнеры из разных стран видят ситуацию [2].

В современной практике международных переговоров, особенно в цифровую эпоху, все больше внимания уделяется междисциплинарным исследованиям. Они помогают лучше понять психологию восприятия и принятия решений. Среди таких методов - анализ когнитивных и эмоциональных реакций участников переговоров с помощью нейронауки, а также цифровые инструменты мониторинга и анализа коммуникации. Эти подходы способствуют выявлению скрытых предпочтений, паттернов поведения и эмоциональных барьеров, присущих цифровой коммуникации, что позволяет уточнять и адаптировать переговорные стратегии с учетом специфики цифровой среды. Учебное издание «Технологии международных переговоров в цифровую эпоху» подчеркивает важность объединения этих способов для успешного ведения переговоров на современных цифровых платформах.

Современные исследования восприятия переговоров в цифровой среде базируются на нескольких ключевых психологических теориях и концепциях. Теория медиа-замещения (media richness theory) утверждает, что эффективность коммуникации зависит от богатства и качества канала передачи информации. В цифровом общении не хватает невербальных

знаков, как было сказано выше, и это может затруднить понимание эмоций и социальных нюансов, и, как следствие, сказаться на успехе переговоров. Например, суждение и эмпатия страдают из-за ограничения сенсорной информации, что подтверждается исследованиями, показывающими затруднения в установлении контакта при онлайн-коммуникации без предварительного живого общения [6]. Также важна теория когнитивного диссонанса, объясняющая эмоциональные сложности в онлайн-переговорах. Предвзятое отношение и недостаток доверия, усугубленные стрессом и автоматическими реакциями, могут привести к тому, что цифровой формат будет восприниматься как неэффективный, создавая своего рода замкнутый круг. Теория компьютерно опосредованного общения (computer-mediated communication, CMC) раскрывает особенности цифровой коммуникации. В CMC-контексте Латинской Америки высокий контекст (Hall) опосредует снижение доверия, вынуждая гибридные протоколы: видео для trust-building и текст для фиксации. Такие факторы, как асинхронность и анонимность, меняют психологические аспекты, сказываясь на восприятии как себя, так и собеседника в процессе переговоров [там же]. Теория социальной идентичности гласит, что культура и правила в обществе влияют на то, как мы понимаем сообщения и общаемся. В интернете культурные особенности могут восприниматься иначе, что может исказить смысл и требовать изменения подходов к общению [4]. Взятые вместе, эти теории дают возможность изучать, как общение через цифровые устройства меняет обычные психологические процессы, такие как восприятие, доверие и взаимодействие в спорах. Это важно там, где есть особые культурные и психологические черты, например, в Латинской Америке, где новые технологии влияют на давние традиции.

Культурно-психологические особенности Латинской Америки в контексте переговоров

Культурные особенности и психология стран Латинской Америки заметно сказываются на ведении и понимании международных переговоров.

Важной особенностью региональной деловой культуры является высокая ориентация на личные, доверительные и эмоционально насыщенные отношения. Латиноамериканцы ценят теплую, дружескую атмосферу в переговорах, где общение часто строится по принципу «без галстуков», с акцентом на неформальность и искренность чувств. Переговоры представляют собой непринужденный диалог между «старыми друзьями», где личностные качества и умения важнее формальной подготовки. Эмоциональность и экспрессивность - ключевые черты, проявляющиеся в открытом выражении чувств и эмоций. В Латинской Америке очень распространена практика использования доводов, основанных на эмоциях, в том числе явное выражение неудовлетворенности или личной заинтересованности. Подобный подход может быть неверно истолкован представителями других культур, что иногда приводит к межкультурным разногласиям. В то же время, доверие формируется благодаря личным отношениям, а не просто официальным соглашениям, которые могут трактоваться достаточно свободно. Иерархия и авторитет играют важную роль: принятие ключевых решений сосредоточено в руках главы делегации или высшего руководства, а коллективные обсуждения проходят в условиях выраженного уважения к вертикали власти. В Латинской Америке общение в значительной степени зависит от контекста, при этом невербальные проявления, интонация и эмоциональная окраска играют важную роль. Гибкость в подходах сочетается с индивидуализмом и стратегиями позиционного торга: переговорщики склонны начинать с завышенных требований и снижать их постепенно, сопровождая каждую уступку выражением эмоционального недовольства. Для успешного взаимодействия с представителями региона рекомендуется использовать тактику эмоционального зеркалирования, выстраивать эмоциональный контакт и демонстрировать искренний интерес к партнеру и его культуре.

Латиноамериканская культура коммуникации характеризуется высоким эмоциональным фоном и драматизмом. В процессе обсуждения

представители региона склонны делать эмоциональные паузы, реагируя на интонацию и общее настроение собеседника в большей степени, чем на содержание сказанного. Предпочтительнее непринужденное поведение и создание благоприятной атмосферы, поскольку холодность и отстраненность обычно воспринимаются негативно. Физический контакт в общении (положить руку на плечо, взять за руку) широко применяется и воспринимается как знак доверия и дружбы. Особое значение в коммуникации имеют статус и связи («palanca», «persona bien colocada») - наличие влиятельных знакомых и социального капитала существенно влияет на восприятие и успех переговоров. Внешний вид и приветствие имеют значение - строгий деловой костюм, соблюдение формальных знаков уважения и протокола показывают профессионализм. В деловых отношениях время и планы могут меняться, поэтому важно быть терпеливым и уметь приспосабливаться. Решения часто принимаются не только на основе фактов и цифр, но и на основе личного доверия, интуиции и эмоций, причем руководство высшего уровня играет ключевую роль, даже если непосредственно не участвует в переговорах.

Анализ кейса: LACCW 2022 как пример гибридных климатических переговоров

Latin America and the Caribbean Climate Week 2022 (LACCW 2022), организованная Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭК ЛАК) с 18 по 22 июля 2022 года в Доминиканской Республике, стала ярким примером перехода региональных переговоров к цифровому формату. Мероприятие прошло в гибридном режиме. В условиях высокой контекстуальности латиноамериканских культур цифровые платформы усилили психологические барьеры доверия. По завершении мероприятия можно сделать вывод, что, например, в самом отчете о Неделе климата 2022 акцентируется внимание на сложностях удаленного участия: отсутствие невербальных сигналов затрудняло установление доверительных

отношений и понимание позиций по тематическим блокам, связанным с целевыми показателями Парижского соглашения и долгосрочными стратегиями углеродной нейтральности. Участники подчеркивали важность обширных консультаций для компенсации этих недочетов, видео-сессии использовались для восстановления эмоциональной связи, тогда как текстовые чаты снижали уровень эмпатии в высококонтекстной коммуникации. Более того, эмоциональная экспрессивность региона проявилась в формате «хаба действий» (29 сессий по устойчивости и зеленому переходу), где представители местных сообществ (включая коренные народы Амазонии) требовали интеграции традиционных знаний через видео для выражения уязвимостей. Данный факт свидетельствует о том, что смешанный формат укрепил иерархическую структуру (в частности, выступления высокопоставленных лиц, таких как глава министерства Доминиканской Республики), что типично для латиноамериканских культур, где принятие решений обусловлено влиянием авторитетных фигур [9]. Тем не менее, в Венесуэле и Боливии, разрыв в цифровых технологиях стал препятствием для вовлечения, вызванным проблемами с инфраструктурой. Это, в свою очередь, усилило предвзятые представления и ослабило взаимодействие между людьми на одном уровне [7]. Этот кейс показывает, как цифровое пространство может усугубить такие проблемы, как недостаток уверенности и предвзятое отношение в культурах, где важны эмоции и их выражение, что приводит к необходимости использования смешанных подходов.

Список литературы

1. Бекоева Д.Д., Драйлар С. Психологические аспекты международных переговоров // Конгресс «Глобалистика-2017» / Congress "Globalistics-2017".
2. Круглый стол РСМД и МГИМО «Новые технологии в международных переговорах и дипломатии» // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rsmd-i-mgimo-novye-tekhnologii-v-mezhdunarodnykh-peregovorakh-i-diplomatii-/?sphrase_id=164244145 .

3. Ключевые выводы Недели климата в Латинской Америке и Карибском бассейне // Climate and Clean Air Coalition URL: <https://www.ccacoalition.org/ru/news/key-takeaways-latin-america-and-caribbean-climate-week> .
4. Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №1. С. 144-156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156.
5. Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2022. 250 с.
6. ПРОКЛЯТИЕ ОНЛАЙН-ПЕРЕГОВОРОВ: СЕМЬ СОВЕТОВ, КОТОРЫЕ ПОМОГУТ // Большие идеи. URL: <https://big-i.ru/biznes-i-obshchestvo/uroki-stoikosti-2020/843408/>
7. РКИК ООН. Отчет о Неделе климата Латинской Америки и Карибского бассейна 2022. Бонн: Секретариат РКИК ООН, 2022. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/LACCW2022_OutputReport_23092022_FINAL.pdf
8. Школяр Н. Цифровая трансформация Латинской Америки // РСМД. 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-transformatsiya-latinskoy-ameriki/?sphrase_id=101030888
9. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47 (дата обращения: 10.11.2025).
10. Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 27—44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2026. № 1 (35)

ISSN: 2687-0193

Издается в Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор), Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.), Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), А.Ж. Мартиросян, Захаров А.Н. (мл.редактор), Гончаров С.В. (мл.редактор), Галимов И.И. (мл.редактор).

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала: Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Опубликовано: